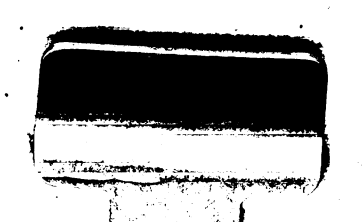
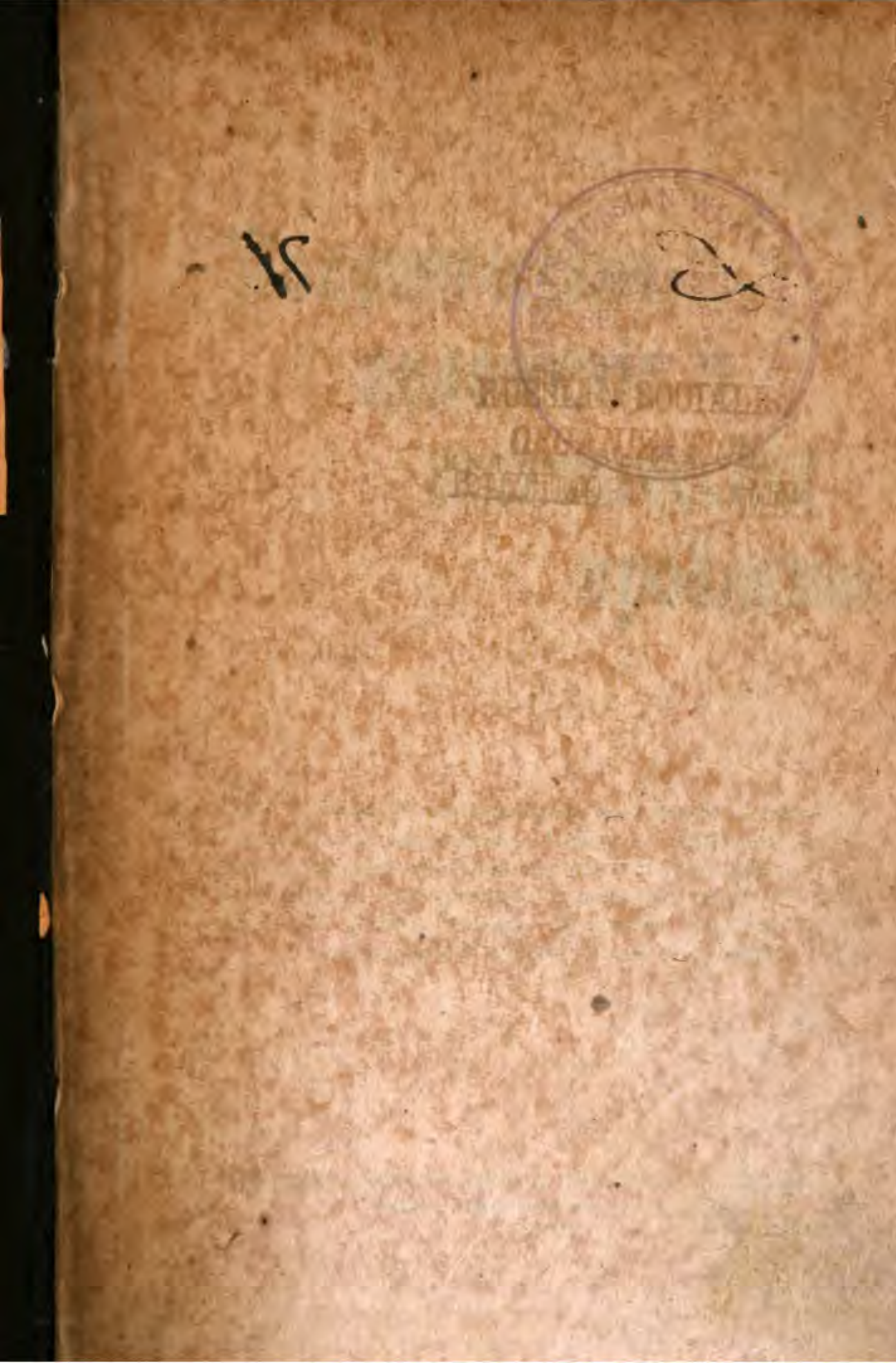

Politicheskoe polozhenie i takticheskiia problemy
USSR ... STATE ... 110

Политическое положенiе и тактическiя проблемы.

Силы режима. О современномъ положенiи и нѣкоторыхъ тактическихъ директивахъ. Общiя и частичныя массовыя выступленiя. Элементы анархiи въ русской революцiи. Объ избирательныхъ соглашенiяхъ. Социалъ-демократiя и пролетарiатъ въ Россiи. Условiя образованiя массовой социалъ-демократiи. Къ вопросу о рабочемъ съѣздѣ.

Типографiя торговаго дома А. Печковскiй, П. Буланже и К°
Москва, Пантелеевскiй пер., соб. д., № 53.
1906

3 11 1C

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Издаваемый сборникъ состоитъ изъ статей группы лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемому „меньшевистскому“ крылу соціальдемократической партіи.

Цѣлью сборника является выясненіе и обоснованіе той тактической позиціи, которую, по мнѣнію авторовъ, долженъ занять пролетаріатъ и его партія въ переживаемую нами фазу революціи.

Всѣ авторы предлагаемыхъ статей сходятся въ общемъ пониманіи текущаго періода движенія и диктуемой имъ тактической линіи пролетаріата. Но это, конечно, не исключаетъ существованія у отдѣльныхъ авторовъ оттѣнковъ въ освѣщеніи вопросовъ даннаго момента. Въ частности по вопросу о рабочемъ съѣздѣ читатель найдетъ довольно существенныя различія во взглядахъ въ двухъ статьяхъ, касающихся этого вопроса,—Череванина и Мирова. Редакція сборника, ближе примыкая къ взглядамъ перваго изъ авторовъ, сочла необходимымъ помѣстить и статью Мирова, такъ какъ она отражаетъ собой опредѣленное теченіе въ средѣ партійныхъ работниковъ.

Политическое положенiе
и
тактическiя проблемы.

Силы режима.

Уже два года длится эта упорная борьба, періодъ всевозможныхъ политическихъ колебаній: обѣщаній и нарушеній, уступокъ и реакціи, новыхъ уступокъ и новой реакціи. Вотъ „весна“ князя Мирскаго, благовѣстъ „довѣрія“, десятки комиссій—и никакого результата. Вотъ манифестъ 12 декабря — и разстрѣлъ 9 января петербургскихъ рабочихъ. Новый манифестъ 18 февраля, вновь десятки комиссій — и, въ ожиданіи результатовъ, усмиреніе крестьянскихъ волненій. Манифестъ 6 августа—и сентябрьскія звѣрства черной сотни и полиціи. Манифестъ 17 октября — и погромы, московское усмиреніе, карательныя экспедиціи и чрезвычайныя охраны. То же и далѣе: Дума и смертныя казни, „либеральное“ правительственное сообщеніе и военно-полевые суды. И вотъ, послѣ двухъ лѣтъ непрерывной борьбы, разоренія и кровавой бойни, страна, уже обезсиленная, оказывается вновь недалекой отъ того положенія, съ котораго начала борьбу. Что-то тяжелое, упругое и упрямое чувствуется въ томъ, съ чѣмъ она боролась, что хотѣла стряхнуть съ себя. Это—*режимъ*, тотъ правовой и политическій строй, который мѣшаетъ созрѣвшему обществу, какъ скорлупа яйца окрѣпшему птенцу.

Въ чемъ же его сила? Что онъ есть, если такъ долго можетъ противостоять великому народному движенію и изнурять цѣлую страну?

Дѣйствительно, въ прошломъ ни одинъ западно-европейскій абсолютизмъ не обладалъ такой силой сопротивленія. Наша революція по величинѣ

вовлеченныхъ въ нее массъ, по количеству развитой ею энергіи не уступаетъ, вѣдь, ни одной изъ великихъ революцій запада. И однако—какая разница въ успѣшности, въ темпѣ завоеваній! Чѣмъ объяснить это?

Однѣ причины ясны уже съ перваго взгляда. Нигдѣ абсолютизмъ не зажился такъ долго, не былъ въ такой исключительной обстановкѣ высокой иноземной культуры съ ея громадными матеріальными и техническими средствами. Только нашъ абсолютизмъ могъ использовать эти силы и средства передовыхъ культуръ, использовать для себя то, что было создано въ иныхъ цѣляхъ капиталистической Европой. Прослѣживая историчеткое равитіе нашего режима, мы ясно видимъ этотъ процессъ его *техническаго вооруженія*. Начавшись съ военнаго дѣла и полезныхъ „искусствъ“ при Петрѣ, онъ распространяется затѣмъ на организацію громаднаго административнаго и полицейскаго механизма. Позднѣе режимъ все болѣе пріобщается къ интересамъ капитализма, воспринимаетъ его дѣловые пріемы и технику: строитъ желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны, идетъ въ курсѣ военной техники, организуетъ по-буржуазному свое финансовое хозяйство — и все это используетъ для новаго увеличенія и улучшенія своего административно-полицейскаго аппарата, для своей обороны отъ внутреннихъ враговъ. Недавнія усовершенствованія въ дѣлѣ желѣзнодорожной военной охраны, въ автомобиляхъ-пулеметахъ и пр. служатъ послѣднимъ нагляднымъ примѣромъ этого усвоенія самодержавіемъ военной техники въ своихъ специфическихъ цѣляхъ. Съ другой стороны, его финансовыя операціи, широкое использованіе кредита финансовой заграничной буржуазіи путемъ займовъ, поддерживающихъ режимъ во внутренней войнѣ, обнаруживаетъ другую сторону этого вооруженія само-

державія. Въ результатѣ, ни одинъ абсолютизмъ въ мірѣ не располагалъ такими матеріальными и техническими средствами въ своей борьбѣ за существованіе.

Но было бы недостаточнымъ и поверхностнымъ ссылаться только на эти внѣшніе аттрибуты его власти. Такое объясненіе носило бы характеръ случайности, незакономѣрности во взглядѣ на общественныя явленія. При болѣе глубокой постановкѣ вопроса мы должны будемъ признать, что всѣ эти матеріальныя силы осуществляются или добываются черезъ посредство *соціальныхъ;* въ этихъ послѣднихъ мы и должны искать опору режима также, какъ и его будущую погибель.

Итакъ, на какихъ же соціальныхъ классахъ и группахъ держится режимъ бюрократическаго полновластія? въ чемъ его соціальная база? кто и какъ поддерживаетъ его?

Мы должны прежде всего различать два рода этой поддержки. Это, во-первыхъ, сознательная, активная поддержка классовъ, руководимыхъ своими ясно понятыми групповыми интересами. Во-вторыхъ, болѣе пассивная и болѣе случайная поддержка классовъ, дѣйствующихъ не въ своихъ *классовыхъ* интересахъ, а въ силу тѣхъ или иныхъ стороннихъ причинъ и побужденій, напр., по темнотѣ, подкупу и т. п.

Въ какихъ же слояхъ населенія самодержавіе находитъ *свои* классы, прямо въ немъ заинтересованные и активно защищающіе его? *Крупное поземельное дворянство* должно быть поставлено здѣсь на первомъ мѣстѣ. Владѣя громадными имѣніями (до 50 милл. дес.), оно заинтересовано прежде всего въ охранѣ своей собственности на нихъ. Затѣмъ, эксплуатируя мѣстное крестьянское населеніе, оно заинтересовано въ его низкомъ правовомъ положеніи. Но то и другое возможно лишь при удержаніи въ его рукахъ поли-

тической власти, съ которой, впрочемъ, связано и много другихъ, не менѣе заманчивыхъ благъ для класса. Политика самодержавія въ отношеніи къ дворянству громко говоритъ объ этомъ. О ней едва ли надо распространяться: поддержаніе сословныхъ привиллегій, организація преимущественнаго сословнаго кредита съ его безконечными льготами, сословно-дворянское земство, институтъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства —роль и смыслъ всего этого понятны всякому.

Не лишено значенія, что и *правительство,* т.-е. бюрократическая группа, въ рукахъ которой непосредственно сосредоточена политическая власть, почти все состоитъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и денежныхъ капиталистовъ. Его соціальный типъ характеризуется поэтому двоякаго рода тенденціями: въ направленіи интересовъ крупной поземельной и отчасти капиталистической собственности и, во-вторыхъ, въ направленіи интересовъ профессіонально-бюрократическихъ: это интересы чиновнаго обогащенія и честолюбія. Если первымъ родомъ тенденцій правительство соприкасается съ опредѣленными соціальными классами, представляетъ какъ бы сколокъ ихъ, то вторыя придаютъ ему своеобразіе особой группы, заставляютъ видѣть въ немъ новую общественную силу, новую „составляющую“ текущей борьбы.

Возвращаясь къ дворянству, какъ цѣлому землевладѣльческому классу, посмотримъ, какими силами оно располагаетъ непосредственно и какъ поддерживаетъ режимъ. Несмотря на свою относительную немногочисленность ($2—2^1/_2$ милл.), поземельное дворянство представляетъ у насъ еще довольно внушительную силу благодаря сравнительному богатству, развитію и своей организаціи. Но еще бо̀льшее значеніе имѣетъ то общественное положеніе, которое оно заняло издавна и съ высоты котораго оно борется теперь съ наступаю

щей бюрократіей. Какъ и всегда, высокое мѣсто — выгоднѣйшая позиція въ борьбѣ. Въ рукахъ дворянства въ настоящее время громадное большинство земствъ; оно же заполняетъ общую и мѣстную администрацію, располагая связанными со всѣмъ этимъ матеріальными и организаціонными средствами.

Но оно дѣйствуетъ также и какъ классъ. Въ уѣздахъ оно организуетъ на сословныя средства отряды стражниковъ; на съѣздахъ землевладѣльцевъ осуществляетъ свое политическое давленіе на правительство и пропаганду въ обществѣ. Въ послѣднее время оно пользуется своей сословной организнціей для преслѣдованія своихъ собственныхъ либеральныхъ элементовъ.

Итакъ, аграрное господство — вотъ главная ось интересовъ этого класса, съ чѣмъ такъ или иначе связаны почти всѣ другія его стремленія. Въ этомъ же и вся его сила и... ахиллесова пята: ибо съ потерей земли перестанетъ существовать и классъ, какъ соціальная и политическая величина.

Второй близкой къ самодержавію группой является часть нашей крупной, полуфеодальной буржуазіи изъ финансовой и частью промышленной среды. Это — привиллегированная, монопольная буржуазія, специфическая спутница абсолютизма, всегда выступающая въ этой роли во всѣхъ буржуазныхъ революціяхъ. Этотъ соціальный типъ совмѣщаетъ въ себѣ экономическіе признаки и буржуазнаго и феодальнаго режима, примыкая къ первому способомъ эксплуатаціи труда, ко второму — способомъ эксплуатаціи потребителя. Онъ именно становится благодаря режиму внѣ типично-буржуазной «свободной» конкурренціи. Эксплуатируя въ свою пользу безконтрольность феодальнаго режима и его развращенную правительственную среду, онъ устраивается обыкновенно по тому

же типу привиллегированнаго хозяина промышленности, какой такъ обыченъ въ феодальномъ хозяйствѣ съ его неспособностью къ юридической нивеллировкѣ производителей. Въ мѣру этихъ выгодъ отъ существующаго режима онъ и оказывается его другомъ,— хотя бы другомъ, пекущимся о нѣкоторомъ буржуазномъ исправленіи.

Съ начавшимся въ XIX вѣкѣ упадкомъ феодальнаго землевладѣнія и ростомъ новыхъ соціальныхъ классовъ самодержавіе, терявшее понемногу свою главную общественную базу, начинаетъ приспособляться также и къ интересамъ этой крупной буржуазіи. Оно широко развиваетъ покровительственную таможенную политику, поддерживаетъ, во вредъ массамъ, старую податную систему, несмотря на новое перераспредѣленіе богатства; обезпечиваетъ крупному производству государственный кредитъ, казенные заказы, создаетъ нормировки цѣнъ, „охраняетъ“ отъ рабочихъ и проч. Крупный капиталистъ, банкиръ становится желательнымъ членомъ высокой дворянской бюрократической семьи. Въ многочисленныхъ комиссіяхъ, совѣщаніяхъ и съѣздахъ «свѣдующіе люди» крупной буржуазіи были постоянными консультантами правительства. Словомъ, происходилъ симбіозъ двухъ исторически различныхъ общественныхъ типовъ. Конечно, онъ не могъ быть полнымъ: наряду съ несомнѣнными выгодами, въ режимѣ феодальнаго дворянства было и много неудобствъ даже для такихъ буржуа: финансовая расточительность и хищенія, случайность внѣшней политики или „безтактность“ въ рабочемъ вопросѣ, вродѣ зубатовщины, — все это не оставалось неотмѣченнымъ въ дѣловомъ умѣ капиталиста. Оттого и поддержка его режиму не столь откровенна и рѣшительна: сегодня онъ реализуетъ его двусмысленные займы, завтра шлетъ либеральную протестующую записку. Все — смотря по обстоятель-

ствамъ. Но, конечно, достаточно немногихъ политическихъ уступокъ режима, чтобы крупный капиталъ, получивъ свою долю власти, сталъ уже вплонѣ искреннимъ его другомъ.

Слѣдующей общественной группой, поддерживающей сознательно режимъ, являются кадры администраціи и полиціи. Развиваясь исторически вмѣстѣ съ ростомъ народнаго хозяйства, самодержавіе вовлекало въ свой государственный механизмъ все новыя и новыя массы лицъ въ качествѣ такихъ наемныхъ чиновниковъ-охранителей. Одновременно оно все сильнѣе изолировало и сплачивало эту массу, создавъ сложную систему бюрократической градаціи, выслуги, профессіональной карьеры. Уже въ XVIII вѣкѣ оно отказалось отъ обязательной службы сословія, замѣнивъ его добровольной службой чиновничества. Въ XIX вѣкѣ оно продолжаетъ это бюрократическое строительство: почетныя и сословныя должностн превращаетъ въ подчиненныя, отбираетъ права самоуправленія, размножаетъ свои вѣдомства и штаты, стягиваетъ въ свой центръ все новыя и новыя нити общественныхъ функцій страны. Такъ возникъ цѣлый общественный слой, опутанный сложными внутренними связями, строгой дисциплиной, слой, имѣющій свой особый міръ профессіональныхъ интересовъ.

Правда, значительную роль играетъ въ немъ все то же дворянство. Но, это главнымъ образомъ, на высшихъ ступеняхъ бюрократической пирамиды. Многочисленный средній и низшій персоналъ администраціи и полиціи вербуется изъ другихъ слоевъ — и все это спаивается въ одно цѣлое, строго организованное казенной дисциплиной и связанное общимъ интересомъ. Какимъ же? Эта часть чиновничества служитъ прямо данному режиму. Ея судьба связана съ его существованіемъ. Вѣковая борьба режима съ прогрессивной частью

общества лишь обострила и закрѣпила это ея положеніе. Личный составъ административно-полицейской машины, подобранный самодержавіемъ въ интересахъ этой борьбы, долговременная репрессивная практика и пріобрѣтенные въ ней навыки —противопоставляютъ теперь этотъ слой обществу, какъ давняго и заклятаго врага. Отступленіе отрѣзано; и чѣмъ безнадежнѣе выглядитъ судьба этой группы — по крайней мѣрѣ, ея сознательной части — въ случаѣ паденія режима, тѣмъ сильнѣе она цѣпляется за него, тѣмъ болѣе защищаетъ его не только за страхъ, но и за совѣсть. Она существуетъ лишь для режима, прониклась его моралью и падетъ вмѣстѣ съ нимъ: *падетъ*, а не *отпадетъ*, какъ это можно сказать о ея малосознательныхъ слояхъ, отражающихъ психологію классовъ второй категоріи.

Каковы силы сознательной части администраціи и какова ея поддержка режиму?

Интересныя статистическія данныя о верхнихъ слояхъ ея были опубликованы въ прошломъ году г. Рубакинымъ: это были данныя о численности высшей бюрократіи и о стоимости ея содержанія странѣ. Что же касается способовъ, какими она осуществляетъ свою борьбу за режимъ, то они ясны изъ существа группы. Вся ея служебная дѣятельность направлена на это; въ этомъ ея служба, ея долгъ и „честь“. И она привноситъ сюда не только личную дѣятельность, не только весь подчиненный ей административный механизмъ и матеріальныя средства. Когда въ послѣдующемъ мы будемъ говорить о пассивныхъ классахъ, служащихъ орудіемъ, инсценированной „народной“ силой режима, мы будемъ находить за кулисами этихъ движеній, въ качествѣ его запѣвалъ и дирижеровъ, административные и полицейскіе кадры режима.

Таковы важнѣйшіе активные и сознательные

сторонники режима. Но если бы главная сила его заключалась только въ этихъ разсмотрѣнныхъ нами группахъ—дѣло его было бы давно проиграно. Было бы невѣроятнымъ, незакономѣрнымъ явленіемъ, если бы режимъ, нужный 3—4 милліонамъ людей, держался противъ 130 милліоновъ остальной массы народа. Дѣло разъясняется, когда мы вступаемъ въ другую среду соціальныхъ силъ, служащихъ опорой режиму. Это — группы, поддавшіяся и содѣйствующія режиму въ силу отсутствія ясно сознанныхъ классовыхъ интересовъ и недостатка соціально-политической оріентировки вообще.

Впрочемъ, первый слой, который мы укажемъ здѣсь, ни въ коемъ случаѣ не является жертвой недоразумѣнія. У него вообще не можетъ быть общественныхъ „недоразумѣній", такъ какъ нѣтъ самаго соціальнаго *разума*, опредѣленныхъ культурныхъ принциповъ и стремленій. Мы говоримъ о такъ называемомъ lumpen-пролетаріатѣ — о томъ слоѣ, который имѣетъ такъ много названій, данныхъ ему презрительнымъ народнымъ юморомъ. Его стремленія, его отношенія къ общественному строю — чисто хищныя, полуживотныя. Ему нѣтъ дѣла до его творческихъ, трудовыхъ интересовъ, до его производственныхъ отношеній. Голодный, всѣми презираемый, по натурѣ неработоспособный, онъ смотритъ съ завистью и жадностью лишь на потребительныя блага этого общества; стремится обезпечить свое потребленіе какими угодно средствами, кромѣ труда: сорвать что-либо и какъ-либо; украсть, ограбить наняться на грязное дѣло—вотъ его обычное амплуа. Естественно, что онъ охотно продаетъ себя на случайныя, нетрудовыя услуги каждому, кто хорошо оплачиваетъ своеобразно—„квалифицированный" характеръ этихъ услугъ. И теперь уже ни для кого не тайна, что наиболѣе ревностнымъ, оптовымъ

покупателемъ ея является администрація и полиція. Въ движеніяхъ черныхъ сотенъ, въ погромахъ эти нанятые элементы играютъ большую роль, являясь ихъ главнымъ боевымъ ядромъ.

Затѣмъ идутъ классы „съ недоразумѣніемъ“; это прежде всего, мѣщанство, мелкіе городскіе собственники—преимущественно провинціальнаго захолустья. Грустная картина темноты, соціальной ограниченности, всей той обывательской рутины и наивности, которыя такъ присущи общественнымъ слоямъ, занимающимъ неопредѣленное, межеумочное положеніе въ великомъ механизмѣ народнаго труда, общественнаго производства! Вращаясь практически въ кругу узкихъ, мелочныхъ интересовъ обыденщины, а идейно — въ кругу рутинной, опошленной традиціи, напѣтой съ чужого голоса (попа, начальства, допотопнаго дѣда), мелкій мѣщанинъ, торговецъ, всякаго рода „добытчикъ“ часто теряетъ положительно всякій гражданскій обликъ. Онъ чувствуетъ инстинктивно въ новомъ хозяйственномъ режимѣ какія-то враждебныя ему огромныя силы (крупный капиталъ), но не понимаетъ ихъ; онъ не разбирается въ окружающихъ соціальныхъ силахъ, не различаетъ толкомъ ни враговъ, ни друзей. Недоумѣніе, затаенное недовѣріе—вотъ основной тонъ его психики въ отношеніи къ новой буржуазной культурѣ, къ связаннымъ съ ней соціальнымъ и политическимъ формамъ. Дрожа надъ своею скромной собственностью, онъ боится и верха — капиталиста-конкуррента, и низа — пролетарія, демократа, всегда заносчиваго, скептичнаго по части прелестей права собственности, революціоннаго политически. Враги сверху и снизу въ этомъ новомъ, чуждомъ ему обществѣ; неустойчивость положенія въ немъ, какія-то непонятныя броженія и силы вокругъ: нѣтъ, лучше старые порядки, старый строй городского ремесла, мелкой торговли и собственности! Мы должны

жить такъ, какъ жили встарь; никакихъ новшествъ, никакихъ идей и революцій! Эта послѣдняя особенно ненавистна ему. Онъ не понимаетъ ея и не отдѣляетъ ея проявленій отъ массы сопутствующихъ ей отрицательныхъ явленій; революція, забастовка—и разбой, хулиганство сливаются въ его мозгу во что-то цѣлое, однородное. А когда это цѣлое разстраиваетъ видимымъ образомъ мирное теченіе экономической жизни, наноситъ ему прямой матеріальный ущербъ — онъ ожесточается и во имя „порядка“ готовъ подчасъ броситься въ ряды контръреволюціи.

Но каково же *дѣйствительное* отношеніе между интересами его класса и стремленіями революціи? Ошибается ли онъ, относясь къ ней враждебно?— Надо помнить крайне пестрый составъ этихъ слоевъ: вѣдь, это масса, въ которой постоянно гнѣздятся и выдѣляются то культурный капиталистъ-буржуа, то закоренѣлый ростовщикъ захолустья, то наемный рабочій, Естественно, что и въ самой средѣ слиты воедино довольно разнородные соціальные экементы. Да, наконецъ, и чисто культурные признаки, какъ духовное развитіе, имѣютъ въ этихъ промежуточныхъ общественныхъ слояхъ особенное значеніе. Соціальная неопредѣленность мелкаго буржуа — это то же, что неустойчивое равновѣсіе физическаго тѣла: иногда достаточно даже второстепеннаго, культурнаго воздѣйствія, чтобы онъ примкнулъ идейно къ тому, а не другому изъ прочихъ, жизнеспособныхъ соціальныхъ класссвъ.

Во всякомъ случаѣ, мы, не вдаваясь въ подробный анализъ, можемъ сказать: лишь небольшіе слои этого класса до нѣкоторой степени дѣйствительно заинтересованы въ старомъ режимѣ. И это вотъ почему. Надо помнить, что это—режимъ не только политическій, но и соціальный. Онъ поддерживалъ, помимо политическаго безправія на-

родныхъ массъ, цѣлую систему гражданскихъ правовыхъ ограниченій, сословныхъ и классовыхъ привиллегій. А съ другой стороны, для лучшаго охраненія всего этого долженъ былъ поддерживать и возможно низкій культурный уровень населенія, тормозя народное образованіе, общественную самодѣятельность. Но такая сдавленная, темная и безправная атмосфера народной жизни была выгодна не одному только правительству и высшимъ, господствующимъ классамъ. Въ то время какъ эти *крупные* паразиты истощали народныя силы сверху, черезъ посредство государственной власти—безчисленные *мелкіе* хищники, пользуясь созданнымъ положеніемъ, подтачивали ихъ снизу путемъ дикой экономической эксплоатаціи въ необозримой провинціальной глуши. Таково, напр., мелкое ростовщичество, *кулачество*, всѣ экономическіе типы, использующіе въ такой же мѣрѣ гражданское безправіе и темноту обывателя, какъ и его экономическую несостоятельность. Таковы нѣкоторые слои *средняго торговаго капитала* въ провинціи, водворившіеся благодаря режиму въ городскія самоуправленія. Естественно, что всѣ эти категоріи враждебно относятся къ революціи даже тогда, когда сознаютъ свои узко-групповые интересы.

Зато этого нельзя сказать относительно остальной мелкобуржуазной *массы*. Какъ ни сомнительна жизнеспособность этихъ экономическихъ слоевъ въ дальнѣйшемъ капиталистическомъ развитіи, необходимо признать, что данный общественный переворотъ въ общемъ выгоденъ имъ, какъ выгоденъ всѣмъ вообще демократическимъ классамъ народнаго большинства. Ибо принципъ политическаго равноправія есть принципъ господства народныхъ массъ, количественно подавляющихъ классовъ населенія; и классъ мелкихъ городскихъ собственниковъ-мѣщанъ, купцовъ и ремесленниковъ—на-

считывающій у насъ отъ 15 до 20 милл. человѣкъ, могъ бы быть серьезнымъ пайщикомъ въ демократическомъ перераспредѣленіи политической власти. Такимъ образомъ, насколько и въ этихъ массахъ режимъ еще встрѣчаетъ поддержку—здѣсь можно говорить о несознанныхъ классовыхъ интересахъ, о недостаткѣ соціально - политическаго смысла. Режимъ, оберегавшій невѣжество массъ, используетъ его теперь въ своихъ интересахъ. Онъ широко организуетъ здѣсь свою пропаганду, выдвигая свои активныя силы въ городѣ—администрацію, полицію и разнообразные виды продажнаго идейнаго и практическаго политиканства.

Еще болѣе благопріятную среду для этой спекуляціи на соціальное невѣжество нашелъ бы режимъ въ *крестьянствѣ,* если бы не великій просвѣтительный урокъ, обезпеченный ему аграрнымъ голодомъ и возникшимъ отсюда экономическимъ движеніемъ. Былой политическій консерватизмъ крестьянства подвергается все большему испытанію въ борьбѣ за землю, въ этомъ полунаивномъ посягательствѣ на экономическій базисъ самодержавія. Режимъ всеобщаго „блага вѣрноподданныхъ" встрепенулся при этомъ съ такой живостью, что... выдалъ себя. Даже темному крестьянскому сознанію начинаетъ выясняться теперь эта механика режима, связь его политическихъ началъ съ экомической эксплоатаціей, неотдѣлимость въ немъ земли отъ воли. Но именно лишь *начинаетъ* выясняться. Ибо трудно за два-три года измѣниться сознанію, воспитанному вѣками однообразнаго, почти застывшаго экономическаго существованія, съ его полунатуральнымъ хозяйствомъ, разобщенностью производителей и вѣчной нищетой.

Только въ этой средѣ темноты и застоя могло сохраниться міровоззрѣніе, выросшее на совсѣмъ иной общей соціальной почвѣ въ далекую эпоху нашей исторіи. Мы знаемъ эту почву, эти историче-

скіе источники крестьянскаго политическаго фетишизма, монархической вѣры и благонамѣренности.

Дѣйствительно, было время, когда эта вѣра имѣла свой смыслъ, выражала реальную цѣлесообразность абсолютизма. Это былъ періодъ собиранія Руси, борьбы племени за свое національное единство, самостоятельность. Это политическое положеніе встрѣчалось со стариннымъ складомъ экономической жизни: натуральнымъ хозяйствомъ и вытекавшимъ изъ него разобщеніемъ населенія на огромной территоріи. Только сильная централизованная военная организація могла собрать его силы, обезпечить ему племенную цѣлость и самостоятельность. И она возникла въ процессѣ этой внѣшней борьбы. Русь московскаго времени была съ политической стороны государствомъ военнымъ по преимуществу. Только по мѣрѣ завершенія національнаго объединенія, она все болѣе становилась государствомъ гражданскаго бюрократизма и самодержавія.

Государственный строй, исторически приспособленный къ внѣшней военной борьбѣ, начинаетъ примѣняться къ условіямъ мирной государственной жизни. Но къ этому времени онъ уже былъ достаточно связанъ съ интересами опредѣленнаго класса—поземельнаго дворянства; поэтому и процессъ приспособленія получилъ своеобразное направленіе, *не задѣвая нисколько основъ режима*. Онъ только перемѣнилъ объектъ, цѣли своей дѣятельности. Вмѣсто внѣшней обороны страны, онъ сталъ все болѣе концентрировать силы на *внутренней* оборонѣ себя самого со своимъ дворянствомъ, на поддержаніи своей „законности"; вмѣсто служилыхъ людей раскинулъ сѣть бюрократіи; вмѣсто военнаго государства сталъ полицейскимъ.

Эту историческую перемѣну чувствовало, ко-

нечно, и крестьянство, но оно чувствовало ее болѣе на своей спинѣ и желудкѣ, чѣмъ въ сознаніи. Увеличивавшаяся тягота жизни не воспринималась имъ въ своихъ соціальныхъ и еще менѣе политическихъ условіяхъ. Непосредственная обстановка его жизни, его хозяйства, весь типъ его производства измѣнились гораздо менѣе, чѣмъ экономическія условія и правовыя потребности всего государства. Вмѣстѣ съ его хозяйствомъ отстало и его сознаніе; оттого оно и сохраняло такъ долго анахронизмы „исконной“ политической идеологіи. Только экономическая революція въ деревнѣ сталкиваетъ его въ процессѣ борьбы съ политическимъ режимомъ и открываетъ глаза на интимную связь самодержавія съ деревенской полубарщиной.

Но, конечно, и это просвѣщеніе воспринимается не всей массой деревни. Крестьянство включаетъ въ себя не менѣе разнообразные соціальные элементы, чѣмъ городское мѣщанство. Масса крестьянъ уже сильно разслоилась; не говоря о торговыхъ и промышленныхъ кругахъ его, мы встрѣчаемъ здѣсь крупное и среднее землевладѣніе, сильные хозяйственные слои, примѣняющіе наемный трудъ. Эти, конечно, не просвѣщаются и аграрный войной, въ которой они ближе къ обороняющимся, чѣмъ къ наступающимъ.

Вообще не надо упускать изъ виду эту важнѣйшую сторону аграрный борьбы, ея революціонно—воспитательную роль. Только эта борьба способна втянуть въ кругъ политическихъ интересовъ этотъ неподвижный, застоявшійся міръ деревенской „натуры“, перебросить мостъ отъ обывательскаго интереса къ политическому. Характерно, что въ этой революціи активная реакціонная роль выпадала на долю крестьянства преимущественно тамъ, гдѣ и пока менѣе остро сложились аграрныя отношенія. Такъ, черносотенные погромы со значительнымъ участіемъ крестьянства были: въ Вологдѣ

т.-е. въ полосѣ, крайне бѣдной дворянско-помѣщичьимъ землевладѣніемъ; затѣмъ въ Костромѣ, съ ея полупромышленнымъ приволжскимъ уѣздомъ; аналогичный погромъ въ Вольскѣ былъ задолго до начала аграрныхъ волненій въ его уѣздѣ. Реакціонная избирательная роль крестьянства Московской губ. должна быть также поставлена въ связь съ ея относительнымъ аграрнымъ спокойствіемъ и промышленнымъ характеромъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ группы населенія, которыя политически эксплоатируются режимомъ въ его борьбѣ за самосохраненіе, посмотримъ, какъ, въ какихъ формахъ онъ использует добываемыя здѣсь силы. На первомъ мѣстѣ тутъ должно быть поставлено косвенное употребленіе ихъ въ видѣ *войска*.

Вооруженная сила государства, имѣющая совершенно опредѣленное назначеніе внѣшней обороны страны, всего національнаго цѣлаго, вовлечено теперь въ борьбу внутреннюю, используется въ интересахъ режима, т.-е. господствующихъ въ немъ классовъ землевладѣнія, крупнаго капитала и группы бюрократіи. Общенаціональная сила обращена въ орудіе узко-групповыхъ цѣлей. Какъ это оказалось возможнымъ? Есть ли это случайный шансъ борющейся стороны, стоящій внѣ всякой соціальной закономѣрности, привходящій извнѣ къ борющимся соціальнымъ силамъ? Конечно, нѣтъ. При всеобщей воинской повинности войско точно отражаетъ въ себѣ соціальный составъ общества. Поэтому его духовный уровень, степень гражданскаго развитія и, слѣдовательно, способность быть орудіемъ для чуждыхъ ему цѣлей свидѣтельствуютъ о культурѣ общества, изъ котораго оно вышло. И вотъ вся политичеслая пассивность и темнота подавляющихъ массъ населенія (крестьянства, мѣщанства) переносятся на него и дѣлаютъ его болѣе или менѣе вѣрнымъ орудіемъ для узко-клас-

совыхъ тенденцій режима, доводятъ его иногда даже до позорной роли экзекутора своего родного класса. Конечно, это достигается режимомъ не безъ извѣстной тактики—съ одной стороны, въ видѣ реакціонной пропоганды въ войскѣ, съ другой—путемъ нѣкоторой мобилизаціонной техники, когда стараются противопоставлять другъ другу по возможности болѣе чуждые элементы населенія и войска; при этомъ используютъ малѣйшія племенныя и мѣстныя различія, посылая казака въ Великороссію, великорусскую пѣхоту въ казачьи станицы, сѣверянина на югъ, русскаго противъ поляка, латыша, кавказца, а послѣднихъ противъ русскаго. Но, повторяемъ, и при этихъ пріемахъ, дѣйствительныхъ лишь при крайне *смутномъ и узкомъ гражданскомъ сознаніи* солдата, эксплоатируется въ концѣ концовъ это послѣднее. При этомъ мы нисколько не забываемъ громаднаго значенія *дисциплины* въ успѣхѣ этого использованія, въ громадныхъ трудностяхъ, создаваемыхъ ею даже при наличности болѣе культурнаго сознанія. Но, въ концѣ концовъ, эти трудности имѣютъ силу лишь для индивидульной или кружковой иниціативы: при массовой культурной подготовкѣ онѣ падали бы сами собой.

Едва ли меньшее значеніе, чѣмъ этотъ уровень солдатской массы, имѣетъ типъ офицерства. Но, говоря о немъ, мы имѣемъ передъ собой уже болѣе сложное явленіе. Офицерство, особенно высшее, вербуется преимущественно изъ дворянства и представляетъ сколокъ этого родного режиму класса. Эта часть его поэтому прочно и сознательно поддерживаетъ режимъ, старается даже использовать въ томъ же духѣ свое вліяніе на солдатскую массу (гдѣ оно есть). Другая часть офицерства—болѣе скромныхъ ранговъ—выходитъ изъ того слоя „разночинцевъ“, который представляетъ болѣе интеллигентную параллель низшему мѣщанству, раз-

дѣляя его общую соціальную психологію ограниченности, гражданской и политической неосмысленности. Въ этомъ оно примыкаетъ, слѣдовательно, къ уровню окружающей ихъ солдатской массы. Преобладаніе указанныхъ двухъ типовъ въ офицерствѣ объясняетъ такимъ образомъ его крайне слабую прогрессивную роль въ военно-революціонныхъ движеніяхъ.

Второй видъ использованія классовъ, вовлеченныхъ въ „невыгодную сдѣлку“, заключается въ организаціи среди нихъ патріотическихъ группъ, союзовъ, черныхъ сотенъ. Мы уже знаемъ, кому принадлежитъ при этомъ творческая организаціонная роль. Это—„дикіе“ помѣщики, административные элементы и специфическая наемная „интеллигенція“ казенной пропагандистской арміи. Но почва для ихъ пропаганды, хотя бы и очень малая, дается несомнѣнно вышеуказанными условіями экономической и культурной жизни сѣрыхъ массъ населенія.

На этой же темнотѣ массъ основанъ и третій видъ выгодъ, извлекаемыхъ режимомъ изъ существующаго, созданнаго имъ же, культурнаго положенія. За долгій охранительный періодъ самодержавія (съ конца XVIII в.) имъ много сдѣлано для культурнаго разобщенія населенія, для его гражданскаго и политическаго одичанія. Обыватель привыкъ къ отчужденію отъ всего, что выходило за кругъ узкихъ личныхъ интересовъ. „Политика“, „политическое“ — стали въ его глазахъ какими-то жупелами, синонимомъ чего-то экстраординарнаго, опаснаго и лишняго, областью завиральныхъ идей и безразсудныхъ поступковъ. Даже люди одного класса оставались взаимно чуждыми. Режимъ, накрывъ все общество глухой крышкой самодержавія, создалъ ту идейную темноту и пустыню, въ которой былъ невозможенъ даже успѣшный классовый подборъ. И вотъ въ чемъ сказался резуль-

татъ этой вѣковой системы: въ крайней политической инертности массъ, въ трудности для нея войти въ сферу своихъ же политическихъ интересовъ, въ пассивномъ отношеніи къ политическому униженію народа правительствомъ (разгонъ Думы), къ всевозможнымъ административнымъ экспериментамъ надъ правами и личностью гражданъ. Иностранцы, посѣщающіе насъ, всегда крайне удивлены этой истинно-русской психологіей терпѣнія, переходящаго въ унизительное отсутствіе общественнаго самолюбія.

Итакъ, вотъ главныя точки опоры режима. Опираясь на сознательно заинтересованныя въ немъ общественныя группы — поземельное дворянство, крупный капиталъ, бюрократію—онъ используетъ для себя прежде всего весь аппаратъ государственной власти—административно-полицейскую организацію, финансы, войско. Далѣе, прямо или косвенно, онъ опирается и на массы. Отбросы общества, босячество онъ мобилизуетъ путемъ найма, подкупа; другія массы путемъ патріотической пропаганды стремится сплотить въ боевыя реакціонныя политическія организаціи; отъ третьихъ, самыхъ многочисленныхъ, довольствуется ихъ общей пассивностью, нейтралитетомъ въ происходящей борьбѣ. Такъ онъ обезпечиваетъ себя соціальными силами въ добавленіе къ тѣмъ грандіознымъ матеріальнымъ и техническимъ, о которыхъ мы говорили вначалѣ.

Но какъ же онъ употребляетъ эти добытыя имъ соціальныя силы и организаціи, каковы *методы* его дѣйствій? Они являются прямымъ послѣдствіемъ самаго характера этихъ силъ. Такъ какъ ихъ приверженность къ режиму основана или на прямой продажѣ своихъ политическихъ услугъ или на темнотѣ, то и методы дѣйствій вполнѣ приспособлены къ примитивному духоному уровню такой арміи. Въ противоположность прогрессив-

нымъ революціоннымъ слоямъ общества, дѣйствующимъ *главнымъ образомъ* путемъ пропаганды, печати, массовыхъ политическихъ движеній культурнаго характера, забастовокъ—реакція способна со своей арміей почти исключительно на низшіе, докультурные *методы* дѣйствій: военныя расправы, патріотическія избіенія, погромы и, наконецъ, въ подражаніе анархическимъ методамъ — политическія убійства.

Они съ особенной готовностью переносятъ борьбу съ идейной и культурной почвой на физическую, кровавую — ибо, безсильные въ первой, они, естественно, чувствуютъ себя удобнѣе во второй. Соотвѣтственно упрощаются, вульгаризируются до пошлости и лозунги контръ-революціи. Сложныя *политическія* противорѣчія формулируются въ словахъ „забастовщикъ“ и „за царя“. *Соціальныя* противорѣчія не безъ тенденціозности руководителей подмѣниваются національными или расовыми, какъ болѣе конкретными и понятными своей аудиторіи и хорошо „отводящими“ русло „народнаго“ гнѣва. Еврей, полякъ, латышъ, дѣлаются отвѣтственными за революцію, за всѣ народныя бѣды. Культурныя политическія чувства замѣняются игрой на низшихъ племенныхъ инстинктахъ и предразсудкахъ темной массы. Словомъ, въ средствахъ не стѣсняются. Борьба съ революціей превращается въ борьбу противъ высшихъ, культурныхъ побужденій человѣческой природы черезъ посредство низшихъ.

Но, и эта приспособленность режима къ уровню своихъ агентовъ, ко всѣмъ, даже самымъ грязнымъ способамъ борьбы не обезпечиваетъ его достаточно: малосознательность массъ—явленіе все же условное, неустойчивое. Даже не прозрѣвая *политически,* онѣ могутъ — и часто обнаруживаютъ эту склонность—сознавать свои *экономическіе* интересы, какъ болѣе близкіе, обывательскіе. А эти итересы

иногда опасны самодержавію не менѣе политическихъ; вспомнимъ крестьянство... Тогда пускается въ дѣло новая тактика—тактика видимыхъ экономическихъ уступокъ, вся „видимость“ которыхъ расчитана на то же примитивное, неразвитое сознаніе. И эта тактика представляетъ величайшую опасность для дѣла революціи, для цѣлей коренного преобразованія режима. Политическая безсознательность подавляющихъ массъ можетъ пойти на этотъ новый обманъ и разочароваться въ своей довѣрчивости уже тогда, когда будетъ поздно, когда не будетъ возможности для новаго народнаго протеста. Ибо революція — рѣдкій, исключительный творческій день въ жизни народа...

Грандіозное примѣненіе этой тактики, послѣ попытокъ мелкихъ уступокъ, (вродѣ сложенія выкупныхъ платежей), и частичнаго гражданскаго раскрѣпощенія крестьянъ, представляетъ совершающаяся на на нашихъ глазахъ *аграрная демогогія* правительства. Огромное количество земли, обращаемой на нужды крестьянства, выкупается у дворянства по такимъ цѣнамъ, всю прелесть которыхъ наивное населеніе узнаетъ, къ сожалѣнію, лишь впослѣдствіи—въ видѣ ли новыхъ выкупныхъ платежей или, въ болѣе замаскированномъ видѣ, въ чудовищномъ ростѣ общегосударственнаго расходнаго бюджета.

Политика подобныхъ уступокъ, выгодныхъ правительствующему дворянству и малопонятныхъ противному классу — это наиболѣе опасный способъ эксплоатаціи народнаго невѣжества въ методологіи самодержавія.

Послѣдній въ нашемъ очеркѣ, онъ является, кстати, послѣднимъ и по времени въ политической практикѣ: онъ представляетъ сущность той „либеральной“ политики, съ какой выступилъ нынѣ царствующій министерскій кабинетъ: не есть ли это—и послѣдняя ставка самодержавія?

В. М—ій.

О современномъ положеніи и нѣкоторыхъ тактическихъ директивахъ.

Глава министерства, распустившаго „неработоспособную“ Думу во имя созданія „истиннаго народнаго представительства“, и онъ же глава вѣдомства, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ „всю силу государственной мощи“, открыто заключаетъ оборонительный и наступательный союзъ съ „истинно русскими людьми“, которые не менѣе открыто поставили своей задачей при помощи единичныхъ, групповыхъ и массовыхъ убійствъ уничтожать не только тѣхъ, кто борется за свободу, но и тѣхъ кто лишь молитъ о ней!

Смерть свободѣ! лозунгъ, общій и союзу русскаго народа и россійскому императорскому правительству. И этотъ лозунгъ не остается благимъ пожеланіемъ, онъ осуществляется на всемъ пространствѣ $^1/_6$ части земного шара, именуемой Россійской имперіей. И какъ еще осуществляется!

Государственная организація обладаетъ еще калоссальной силой. Въ кассахъ ея милліарды, хотя и занятые и изсякающіе, громадный административный и полицейскій аппаратъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, но дѣйствуетъ.

Неодолимая для безоружнаго народа и для кучекъ дружинниковъ армія съ ея 14 дюймовыми и всякими другими пушками, блиндированными поѣздами и автомобилями, скорострѣльными и дальнобойными ружьями и прочимъ, и прочимъ, и прочимъ, продолжаетъ—за нѣкоторыми, правда все растущими, но все же исключеніями,—стоять противъ народа, неся ему смерть и разрушеніе.

Всѣ эти аппараты и рессурсы государственной вла-

сти находятся въ рукахъ тѣхъ, кто рѣшился истреблять народъ до тѣхъ поръ, пока его остатки не покорятся „непреклонной царской волѣ“.

Страна буквально залита кровью. Прохожій, показавшійся подозрительнымъ полицейскому чину или военному часовому убивается на мѣстѣ. Военно-полевые суды умерщвляютъ подростковъ, которые съ голода, съ отчаянія идутъ на экспропріацію десятка рублей, и, при неудачѣ, безъ сопротивленія отдаются въ руки полиціи.

Карательныя экспедиціи разстрѣливаютъ за то, за что военный же судъ приговариваетъ къ $1^1/_2$ мѣсяцамъ тюрьмы. Усмирительные отряды подвергаютъ артиллерійскому обстрѣлу цѣлыя селенія и кварталы городовъ, кося сотни жизней и сжигая до тла народное имущество.

А Сѣдлецъ!

Вѣдь это же не что иное, какъ истребленіе всего населенія при помощи превращенной казармой въ автоматъ вооруженной людской силы!

Эти дѣйствительно страншые пріемы усмиренія, направленныя прежде всего противъ массовыхъ организацій и вообще открытыхъ проявленій политической жизни, способствуютъ возвращенію массоваго движенія къ стихійнымъ формамъ и, широко разливъ анархическое настроеніе, создали почву для всякаго рода партизанскихъ выступленій, въ видѣ убійствъ агентовъ правительственнаго террора и капиталистической эксплоатаціи, и,—подъ давленіемъ безработицы,—въ формѣ экспропріаціи казеннаго и даже частнаго имущества.

Осуществляется та мрачная переспектива, о которой пророчески говорили публицисты соціалъ-демократіи въ дни правительственной весны, предостерегая либераловъ отъ довѣрія къ «либеральному» абсолютизму, требуя отъ нихъ выбора между абсолютизмомъ и демократіей.

23 декабря 1904 г. въ № 81 «Искры» Данъ писалъ.

«Гражданская война, которую провоцируетъ и организуетъ правительство, разжигая всѣ грубыя инстикты и страсти, зальетъ пожаромъ и кровью деревни и города». Мы знаемъ теперь, что писатель былъ правъ, ибо мы живемъ теперь въ эпоху организуемой правительствомъ дикой гражданской войны, войны всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Но писатель былъ правъ и въ другомъ, онъ предвосхитилъ идею Столыпина и сочетанiи военно-полевыхъ судовъ и артиллерiйскихъ погромовъ съ «реформами». Въ той же статьѣ Данъ писалъ, что абсолютизмъ попытается возродиться въ формѣ цезаристской демагогiи. И мы присутствуемъ теперь при отвратительномъ зрѣлищѣ, когда народные палачи, въ цѣляхъ созданiя консервативнаго класса мелкихъ и среднихъ собственниковъ, выбрасываютъ крестьянамъ миллiоны десятинъ земли, не забывъ, конечно, при этомъ, наградить себя и помѣщиковъ сотнями миллiоновъ рублей, а на народъ возложить миллiардное обязательство.

Почему случилось такъ, почему удался правительству его достойный ада замыселъ, вотъ тотъ вопросъ, который стоитъ передъ истекающимъ кровью и полнымъ гнѣва народомъ. Какъ освободить страну отъ ужасовъ кровавой и безсмысленной бойни, отъ упадка культуры, отъ одичанiя населенiя, которыми грозитъ воцаряющаяся гражданская война, руководимая блокомъ «союза русскихъ людей» и департамента полицiи—вотъ надъ чѣмъ до мучительной боли работаетъ мысль...

Многiе и многiе ищутъ отвѣта на эти вопросы, не выходя изъ области описанныхъ терзающихъ душу фактовъ.

Констатируя, что анархiя не сможетъ быть остановлена репрессiями и что она терзаетъ населенiе, «Пролетарiй» (№ 2) находитъ, что единственнымъ выходамъ изъ современнаго положенiя является всенародное вооруженное возстанiе, которому должны, если не активно, въ немъ участвовать,—то сочувство-

вать и имущіе классы, такъ какъ партизанская война парализуетъ производство и торговлю, лишаетъ личной безопасности.

Другіе полагаютъ, что анархическая и стихійная борьба заставитъ правительстоо пойти на уступки. «Правительство скоро убѣдится въ своемъ безсиліи создать «порядокъ, основанный на правѣ» иначе какъ путемъ широкой организаціи среднихъ общественныхъ группъ на основахъ правильнаго конституціоннаго строя, „говоритъ г. Милюковъ въ № 157 „Рѣчи", задавая, кстати сказать, загадку читателямъ „Рѣчи": до сихъ поръ они имѣли право думать, что для к.-д. партіи правильный конституціонный строй есть организація *всѣхъ,* а не только среднихъ общественныхъ группъ.

Но оставимь пока эту, очень серьезную, тему и займемся вопросомъ, кто болѣе правъ изъ двухъ предсказателей, или кто менѣе неправъ, или наконецъ, почему они оба неправы.

Какъ это ни странно, между этими прямо противоположными діагнозами положенія есть общее и притомъ самое существенное. Вотъ что роднитъ ихъ до степени близнецовъ.

Оба они исходятъ изъ внѣшней поверхности явленій, не давая себѣ труда всмотрѣться во внутреннее содержаніе общественнаго процесса.

Да, „видимость" такова: въ странѣ царятъ съ одной стороны стихійныя массовыя движенія и анархическіе акты отдѣльныхъ „партизановъ", съ другой организованный дикій разгулъ народоистребителей. Но нѣтъ ли еще чего либо, не такъ ярко и не такъ легко бросающагося въ глаза? Нѣтъ ли признаковъ роста сознательности все болѣе широкихъ слоевъ населенія, не наблюдается ли расширеніе и укрѣпленіе организацій, не вовлекаются ли все новыя и новыя группы, до сихъ поръ инертныхъ слоевъ, въ активную историческую борьбу?

А эти вопросы необходимо задать, такъ какъ

ростъ активности, сознательности и организованности не есть то, что носитъ названіе развитія общественныхъ силъ. Стоитъ же ихъ задать, какъ положительный отвѣтъ дастъ всякій, не лишенный способности понимать то, что происходитъ передъ его глазами.

Два года революціи и состояли не только и не *столько* въ эффектныхъ событіяхъ, сколько въ глубокомъ процессѣ преобразованія сознанія и всего психическаго склада народныхъ массъ. Правда, не всегда это преобразованіе имѣло одно направленіе, въ сторону болѣе вѣрнаго представленія о дѣйствительности, болѣе эластичнаго приспособленія психики къ внѣшнимъ условіямъ. Подъ вліяніемъ успѣховъ—создавались иллюзіи, подъ давленідмъ тяжкихъ неудачъ, этихъ неотвратимыхъ результатовъ иллюзій, впадали въ апатію. Но въ общемъ и цѣломъ процессъ психическаго роста охватываетъ все большія и большія массы и притомъ всѣхъ классовъ населенія. Онѣ стряхиваютъ съ себя многовѣковую апатію и покорность,—покорность людямъ, покорность обстоятельствамъ, покорность судьбѣ,—и все глубже и глубже осмысливаютъ себя и свое положеніе. Наконецъ, развѣ не поражаетъ всякаго наблюдателя и участника русской революціи образованіе громаднаго числа организацій. Правда, многія, даже большинство изъ нихъ погибли, но *результаты* то ихъ остались! Кромѣ того, организація въ одной формѣ разрушается, чтобы возродиться въ другой.

Подойдемъ теперь къ оцѣнкѣ соотношенія общественныхъ силъ въ настоящій моментъ русской революціи. принявъ во вниманіе измѣненіе каждой изъ нихъ въ теченіе революціоннаго кризиса. Не забудемъ также,—что указанные выше признаки роста общественныхъ силъ—субъективны, что основой ихъ является развитіе производственныхъ отношеній, и что слѣдовательно подоплекой всякой общественной борьбы

является борьба экономическая, лишь превращающаяся, въ процессѣ своего развитія, въ борьбу политическую. Наконецъ, ни на минуту не упустимъ изъ вида, что не только первичной формой, но и постоянной почвой всякаго движенія является стихійное возбужденіе активной воли. Проблема объ отношеніи сознательности и стихійности никогда не должна выходить изъ поля зрѣнія ни соціолога, ни историка, ни политика.

Пролетаріатъ пережилъ почти всей своей массой эпоху стихійнаго экономическаго и политическаго движенія, когда онъ дѣйствовалъ *толпой*, хотя и проникнутой единой волей и единой цѣлью. Завершилъ этотъ періодъ великой октябрьской забастовкой. Увлеченный не столько побѣдой, сколько самымъ величіемъ движенія пролетаріатъ съ колоссальной быстротой, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ крупныхъ центрахъ, сталъ сплачиваться въ массовыя экономическія и политическія организаціи (профессіональные союзы и совѣты рабочихъ депутатовъ). Пролетарскія организаціи цѣликомъ примкнули къ лозунгамъ крайнихъ революціонныхъ партій. Своей непосредственной задачей рабочій классъ ставилъ не только сверженіе, путемъ вооруженнаго возстанія, старой власти, но и захватъ власти,—и на мѣстахъ, и въ центрѣ—захватъ въ однѣ свои руки, или же совмѣстно съ крестьянствомъ и быть можетъ, революціонной городской буржуазной демократіей. Параллельно съ этимъ идея „господства надъ производствомъ" вызвала попытку революціоннаго захвата 8-часового рабочаго дня.

Но массовый разсчётъ рабочихъ, закрытіе предпріятій, наконецъ, страшные декабрьскіе дни, нанесли рабочему классу жестокое пораженіе, разгромили его организаціи, но не могли сразу уничтожить создавшуюся въ теченіе короткаго, но полнаго глубокихъ, не повторяющихся въ исторіи переживаній, психологію. Законъ инерціи дѣйствуетъ и въ общественной эволюціи. На его-то почвѣсоздалась „бойкотистская тактика", основная аргументація ко-

торой заключалась именно въ желанiи противодѣйствовать всякому отвлеченiю пролетарiата отъ избранной революцiенной въ ковычкахъ тактики.

Но пораженiе кое-чему и научило. Оно излечило пролетарiатъ отъ представленiя о своемъ всесилiи и заставило его искать союзниковъ для совмѣстной борьбы. Дѣятельность Думы, въ теченiе которой всѣ фракцiи всѣхъ крайнихъ партiй, въ согласiи съ настроенiемъ самого пролетарiата, провозглашали необходимость воздерживаться отъ рѣшительныхъ выступленiй (и столкновенiй съ физической силой правительства),—начала разбивать бойкотистское настроенiе рабочаго класса, вовлекать его въ реальную политическую жизнь, учила его считаться со всей совокупностью конкретныхъ условiй, и очередными задачами, выдвигаемыми *объективнымъ* процессомъ, а не построенiями тѣхъ или иныхъ вождей. Центральный органъ соцiаль-демократической партiи началъ было политическую кампанiю за отвѣтственное думское министерство. Въ противовѣсъ этой кампанiи „большевики" и с.-р. подняли движенiе за блокъ съ трудовиками. Начали вновь образовываться и быстро расти профессiональные союзы. Стали организовываться представительныя собранiя массъ для регулярныхъ сношенiй съ думской рабочей фракцiей. Кое гдѣ сами массы начали обсуждать на митингахъ политическое положенiе, слали фракцiи свои требованiя, обѣщанiя поддержки.

Однимъ словамъ, вновь зарождалось великое пролетарское движенiе, но въ отличiе отъ стадiй предыдущихъ, оно было уже значительно больше связано съ общенароднымъ движенiемъ, и если не вполнѣ, то въ гораздо сильнѣйшей степени, было свободно отъ иллюзiй и обѣщало быть несравненно прочнѣе организованнымъ.

Но Дума разгоняется въ самомъ началѣ этого движенiя. Пролетарiатъ не рѣшается взять на себя инициативу рѣшителнаго выступленiя. Во всеобщую забастовку, какъ таковую, вѣра послѣ декабря утрачена.

Вспыхнувшее возстаніе войскъ влило на мгновеніе энергію выступленія въ рабочую массу. Но она быстро погасла, подъ впечатленіемъ подавленія военнаго возстанія и спокойствія деревни. Призывъ *всѣхъ* революціонныхъ организацій къ всенародной забастовкѣ остался неосуществленнымъ! «Силы революціи изсякли», готова была торжествовать реакція, тогда какъ единственный выводъ, которой слѣдовало сдѣлать заключался въ томъ, что изолированный пролетаріатъ *уже* не можетъ и не хочетъ начать рѣшительный бой, а крестьянство *еще* не можетъ предпринять массовое политическое выступленіе.

Но какъ бы то ни было, разгонъ Думы, не вызвавшій непосредственнаго отпора, несомнѣнно повлекъ за собой упадокъ настроенія пролетаріата, и на почвѣ этого упадка и подъ вліяніемъ правительственной свирѣпой реакціи, создались экспропріаторское и партизанское увлеченія. Но они охватили лишь отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя группы, и прежде всего заготовленныя на случай возстанія боевыя дружины. Массы остались или почти остались чужды этому увлеченію.

Онѣ съ величайшими усиліями обороняютъ тѣ изъ своихъ массовыхъ организацій, которыя еще не окончательно разгромлены: профессіональные союзы. Пользуясь ими, они ведутъ гораздо болѣе, чѣмъ раньше, организованную борьбу съ хозяевами. Приглашеніемъ лекторовъ онѣ стремятся углубить свое пониманіе переживаемаго момента и условій осуществленія своихъ цѣлей. И очевидно, „партизанскія“ выступленія лишь отвлекаютъ отъ этого единственнаго плодотворнаго процесса роста сознательности и организованности массъ. Но какъ же бытъ съ «активностью», скажетъ сторонникъ партизанской войны? Во-первыхъ, дѣятельность по самоорганизаціи есть также активная дѣятельность; во-вторыхъ, ведется же экономическая борьба, и въ третьихъ, при подходящихъ условіяхъ массы проявляются и политическую активность. Основанными условіями являются наличность охватившаго

проретаріатъ возбужденія, сочувствіе значительной части непролетарскихъ слоевъ и возможность избѣжать массовыхъ столкновеній съ физической вооруженной силой реакціи. Вспомнимъ недавнюю забастовку въ Баку, забастовку-демонстрацію, забастовку—протестъ, которая, кстатисказать, по мнѣнію сторонниковъ партизанской войны, изжила свой вѣкъ.

И такъ, къ настоящему времени пролетаріатъ, сознавшій необходимость совмѣстной борьбы съ другими элементами населенія, занятъ организаціей своихъ силъ и работой надъ просвѣтленіемъ своего сознанія. Онъ ведетъ организованную борьбу съ капиталомъ и предпринимаетъ тѣ политическіе акты, которые ему доступны безъ риска попасть подъ массовый разстрѣлъ, и погубить остатки своихъ организацій

Двинуть революцію впередъ какимъ либо всероссійскимъ выступленіемъ пролетаріатъ сейчасъ не можетъ. Доступныя ему формы движенія этого не сдѣлаютъ: всеобщая забастовка пролетаріата въ странѣ, пережившей послѣ полугодовыхъ непрерывныхъ частичныхъ стачекъ двѣ всеобщія забастовки, эта форма борьбы, какъ исключительная форма движенія потеряла свое вліяніе. *Ею одною* не повернешь хода событій.

Но пусть не торжествуютъ теоретики „стадій движенія", превращенія революціи скрещенныхъ рукъ въ стачку—возстаніе.

Послѣднее, т.-е. вооруженное возстаніе безоруженнаго народа уже окончательно умерло, правда, такъ и не успѣвъ родиться на свѣтъ, но объ этомъ ниже. Теперь же перейдемъ къ другимъ классамъ.

Мы сказали выше о сознаніи пролетаріатомъ необходимости координированія дѣйствій съ другими классами. Какими? и на какой почвѣ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо бросить бѣглый взглядъ на эволюцію всѣхъ классовъ и на измѣненіе ихъ соотношеній въ процессѣ революціи.

Начнемъ съ крестьянства.

Чѣмъ былъ и чѣмъ сталъ этотъ самый инертный,

самый покорный, самый темный классъ*) современнаго общества? Достаточно сравнить крестьянина 1902—1903 гг. и 1905—1906 г., чтобы понять всю грандіозность завоеваній, вырванныхъ революціей у слишкомъ скупого и слишкомъ медленнаго историческаго процесса.

О пассивности и инертности крестьянства говорить уже не приходится. Достаточно большая часть его уже вышла изъ состоянія покорности и рабства.

Правда, значительнѣйшая доля крестьянскаго движенія и до сихъ поръ выражается лишь въ стихійныхъ погромахъ и такихъ же стихійныхъ стычкахъ съ ближайшими агентами власти, поскольку они мѣшаютъ захватывать хлѣбъ и землю, и „выкуривать" помѣщиковъ.—Несомнѣнно, что эти формы, благодаря малой сознательности крестьянства и благодаря подавленію другихъ формъ движенія, будутъ практиковаться до конца нынѣшней крестьянской революціи. Но какія знаменательныя формы принесла съ собой эта послѣдняя! Мы были свидѣтелями охватывающихъ цѣлые уѣзды и даже губерніи организованныхъ и „міромъ" проводимыхъ стачекъ, стачекъ арендныхъ, за измѣненіе условій найма и, наконецъ, направленныхъ на то, чтобы заставить помѣщика окончательно капитулировать и сдать свою землю ставшему могучимъ благодаря своему единству крестьянскому сходу.

Но не только экономическая борьба ведется крестьяниномъ, онъ все болѣе и болѣе втягивается въ борьбу политическую.

Начавъ съ приговоровъ, направленныхъ въ совѣтъ министровъ со всякаго рода жалобами и просьбами, крестьянство все въ бòльшемъ и бóльшемъ числѣ мѣстъ фактически освобождается отъ стараго режима

*) Мы говоримъ классъ, отвлекаясь отъ глубокихъ соціальныхъ различій внутри крестьянства. Но мы не выходимъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ все крестьянство, за исключеніемъ кучки богатѣевъ, можетъ быть разсматриваемо какъ одно цѣлое.

пассивнымъ бойкотомъ властей и прямымъ ихъ смѣщеніемъ.

Началъ слагаться всероссійскій крестьянскій союзъ. А выборы въ Думу! Кого выбирали крестьяне? Тѣхъ, кто за землю, и противъ начальства! Вспомнимъ начавшійся потокъ обращеній къ „трудовой партіи“, посылку ходоковъ. Началось осмысленное, непобѣдимое своей мощью крестьянское соціально-политическое движеніе. Но оно только зарождалось, и роспускъ Думы, произведенный къ тому же во время полевыхъ работъ,—лишь ошеломилъ тѣ элементы крестьянства, которые понимали ея значеніе. Крестьянское возстаніе не состоялось.

Но броженіе деревни не прекратилось.

То изъ одного уѣзда, то изъ другого мы слышимъ о многотысячныхъ митингахъ, о съѣздахъ крестьянскаго союза и даже партійныхъ крестьянъ, о борьбѣ съ властью, объ удаленіи стражниковъ, урядниковъ, лишеніи ихъ и «семеновцевъ» земельнаго надѣла.

Разбуженное море всероссійскаго крестьянства не уляжится вплоть до добычи имъ земли, до освобожденія отъ гнета финансоваго и отъ опеки и произвола всякаго рода начальства.

Это поняло правительство и пошло на встрѣчу крестьянству съ земельными дарами и реформами гражданскаго правопорядка, рѣшаясь даже разстаться съ близкою народу властью излюбленнѣйшихъ правительствомъ и ненавистнѣйшихъ населенію земскихъ начальниковъ.

Успокоятъ ли эти мѣры деревню, или же онѣ „ни къ чему“, или, наконецъ, онѣ только осложнятъ движеніе крестьянства?

Все, что мы знаемъ, должно привести насъ къ послѣднему заключенію.

Земель ассигновано весьма недостаточно и притомъ онѣ лишь въ весьма непріятной формѣ „покупки“ дойдутъ до очень и очень небольшой части крестьянъ. А главное „медленно, медленно будутъ работать“ зем.

леустроительныя коммиссіи, съ колоссальными злоупотребленіями и нелѣпостями, съ явнымъ пристрастіемъ къ помѣщику, въ чемъ порукой ихъ землевладѣльческо-чиновничій составъ.

Однимъ словомъ, вся эта земельная демагогія частичнымъ удовлетвореніемъ небольшихъ группъ крестьянъ разожгетъ земельные аппетиты остальной массы, а волокита и произволъ обострятъ стремленіе передать земельный вопросъ въ руки народныхъ выборныхъ. Что касается введенія „гражданскаго равноправія", то его врядъ ли замѣтятъ подъ свистъ нагайки, трескъ ружей и громъ пушекъ.

Не изобрѣтателю военно-полевыхъ судовъ остановить могучее движеніе поднявшагося за землю, и проникающагося стремленіемъ къ волѣ крестьянина. Въ немъ просыпается человѣкъ и гражданинъ и этотъ процессъ уже нѣтъ силъ остановить.

Остается рѣшить вопросъ, есть ли мѣсто для партизанской войны въ деревнѣ, и не насталъ ли моментъ для крестьянскаго вооруженнаго возстанія?

Не говоря уже о послѣднемъ, въ виду не только очень простого факта, какъ отсутсвіе оружія, но и въ виду того, что «крестьянинъ мыслію и чувствомъ не вооруженъ» *)—революція покоится не столько на стихійныхъ стычкахъ съ помѣщиками и агентами власти, сколько на организованной экономической борьбѣ, на усвоеніи идеи о связи между землей и волей, на развитіи политическаго сознанія массы и ея политической активности. А они найдутъ свое выраженіе въ выборахъ въ будущую Думу, въ поддержкѣ Думы, въ требованіи отъ Думы немедленной демократизаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія и, быть можетъ, въ фактическомъ ея осуществленіи «революціонномъ путемъ».

Процессъ самоопредѣленія пережитъ и представите-

---

*) Слова одного делегата на крестьянскомъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1905 г.

лями интеллигентнаго труда, которымъ также несладко въ современномъ феодально-буржуазно-полицейскомъ государствѣ, и которые непосредственно заинтересованы въ политической свободѣ и политическихъ правахъ, въ подъемѣ культуры страны, немыслимомъ безъ серьезныхъ въ пользу массъ соціальныхъ реформъ. Но интеллигенція, крайне неоднородная по положенію отдѣльныхъ своихъ представителей и наиболѣе способная къ теоретическому мышленію, разбредается по различнымъ теченіямъ. Она поставляетъ идейно-руководящіе элементы во всѣ партіи, но благодаря гнету абсолютизма, совпаденію ея интересовъ съ ближайшими интересами соціально-угнетенныхъ слоевъ, большинство интеллигенціи болѣе или менѣе ярко демократично, и далеко не незначительная ея часть даже проникнута соціалистическимъ настроеніемъ, поставляя кадры членовъ „крайнихъ лѣвыхъ партій".

За годъ революціи, интеллигенціи пришлось дѣятельно участвовать и въ крестьянскомъ и въ пролетарскомъ движеніи, ея связь съ массами укрѣпилась и теперь она уже не безпочвенный промежуточный слой, а одинъ изъ отрядовъ формирующейся арміи *демократіи*, великой базой которой является пролетаріатъ и пробуждающееся къ политической жизни крестьянство.

Но формируется и *антидемократическая* армія.

Тотъ классъ, не только интересамъ, но и самому существованію котораго грозитъ побѣда русской революціи, классъ помѣстнаго землевладѣнія вышелъ въ теченіе революціи изъ аморфнаго состоянія. Когда существовала еще надежда *предупредить революцію*, когда жива была еще увѣренность, что крестьянское движеніе дальше разрозненныхъ частичныхъ вспышекъ, съ которыми легко справиться, не пойдетъ, благородное россійское дворянство въ его массѣ—если можно употреблять этотъ термитъ въ примѣненію къ кучкѣ людей—пребывала въ покоѣ. Понимая, что безъ всякихъ перемѣнъ дѣло не обойдется, оно предоставила дѣйст-

вовать своимъ либеральнымъ сочленамъ. Земство было опорой противоправительственной оппозиціи и его представители въ апрѣлѣ 1905 г. дошли до признанія принципа демократическаго избирательнаго права и парламентарнаго строя. Но когда предупредить революцію не удалось, когда движеніе сермяжной арміи проявилось настолько внушительно, что явилось опасеніе, что все крестьянское море выйдетъ изъ береговъ и вберетъ въ себя всѣ помѣщичьи усадьбы, поля, луга и лѣса, доблестное дворянство прокляло своихъ „измѣнниковъ сословію" и обратило свои имѣнія въ укрѣпленные средневѣковые замки.

Къ настоящему времени мы имѣемъ дѣло съ сложившимся въ политическую силу классомъ землевладѣльцевъ. Путемъ всероссійскихъ съѣздовъ предводителей дворянства, губернскихъ дворянскихъ собраній и, наконецъ, использованіемъ своего юридически привеллигерованнаго положенія въ органахъ самоуправленія, этотъ классъ самоопредѣлился, съорганизовался и вооружился подъ лозунгомъ, удачно формулированнымъ „Новымъ Путемъ" „земля наша, дворянская" и „власть наша, помѣщичья' и вплотную слился съ правительствомъ всероссійскаго погрома.

Другой классъ экономическихъ владыкъ—торгово-промышленная буржуазія, болѣе сложенъ и болѣе сложна его эволюція.

Часть его тѣсно связана съ старымъ порядкомъ—это финансовые дѣльцы, собственники предпріятій, работающихъ на казну, всякаго рода казенные подрядчики. Другая часть стоитъ въ явной оппозиціи полицейскуму самодержавію съ его безграничнымъ произволомъ и хищеніемъ, съ его зубатовскими экспериментами. Эта часть буржуазіи, стремясь къ политической власти, также, видя ростъ силъ демократіи, хотѣла предупредить революцію введеніемъ парламентаризма на основѣ всеобщей подачи голосовъ и даже поддерживала великую октябрьскую забастовку, которую она считала послѣднимъ ударомъ мирной ре-

волюціи. Она надѣялась, что правительство уступитъ, созоветъ парламентъ, и Россія войдетъ въ семью современныхъ цивилизованныхъ странъ, не знающихъ революціи.

Но.... правительство оффиціально стушевывается. Съ одной стороны оно подпольнымъ путемъ организуетъ всероссійскій погромъ, съ другой предоставляетъ поле дѣйствія „крайнимъ партіямъ". Совѣты рабочихъ депутатовъ становятся властью, органы революціонныхъ партій доходятъ до идеи диктатуры пролетаріата или пролетаріата и крестьянства. Осуществляется революціоннымъ путемъ 8 часовой рабочій день. Поднимается грозная буря въ деревнѣ.

Часть арміи заражается народнымъ возбужденіемъ, принимаетъ участіе въ народныхъ митингахъ, предъявляетъ свои требованія. Въ Севастополѣ флотъ поднимаетъ красное знамя.

Правительство оцѣниваетъ моментъ и рѣшается, заливъ кровью деревни, дать рѣшительный бой пролетаріату, переведя борьбу на наиболѣе выгодную для него почву—на столкновеніе физической силы. Войскамъ даруются всякія льготы и правительство рядомъ репрессій и учрежденіемъ сатрапій (законъ 29 ноября) явно провоцируетъ возстаніе. Цѣль достигается. За исключеніемъ немногихъ мѣстъ на окрайнахъ Россіи, нигдѣ массы въ въ вооруженномъ возстаніи активнаго участія не принимали и слѣдовательно побѣда правительства была обезпечена. Вспышекъ возмущенія было достаточно: для правительства, чтобы расправиться съ страной, какъ съ завоевываемой чужеземной территоріей, и для буржуазіи, чтобы вылѣчиться отъ демократическихъ увлеченій. Но эксцессы усмиренія, парализовавшіе всякую возможность общественной жизни, вновь отпугнули буржуазію и подвинули ее влѣво, *но не до того уровня,* на которомъ она стояла тогда, когда еще не встрѣтилась съ опасностью захвата власти пролетаріатомъ, или пролетаріатомъ и крестьянствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазія отнюдь не получила склонности къ возстанов-

ленію абсолютизма. Верхніе и средніе ея слои,—образовавъ кадры правоваго порядка, торгово-промышленной партіи и союза 17 октября провозглашаютъ лозунгъ цензовой конституціонно-бюрократической монархіи, и пытаются провести его на выборахъ въ Думу.

Правительство также надѣется на почвѣ Думы создать союзъ старой власти съ верхами буржуазій и дворянствомъ.

Но этому желанному союзу помѣшали два обстоятельства, порожденныя всѣмъ ходомъ революціи и самими ея причинами.

Крестьянство,—которому въ разсчетѣ на его безсознательность и исконное послушаніе была предоставлена преобладающая роль въ выборахъ,—выбирало тѣхъ, кто за землю и противъ начальства.

Другая помѣха явилась въ лицѣ кадетовъ. Въ отличіе отъ массы буржуазіи, готовой во имя подавленія пролетаріата на раздѣлъ власти съ старымъ режимомъ и въ отличіе отъ массы дворянства, которое отрекается отъ всякой конституціи лишь бы абсолютизмъ сохранилъ за нимъ его землю, сословныя привеллегіи и фактическое политическое господство,—кадеты даже въ правой своей половинѣ, въ лицѣ бывшихъ вождей земскихъ и городскихъ дѣятелей, не испугались революціи, а *учли* ее, и продолжали стоять на почвѣ требованій политической свободы, всеобщаго избирательнаго права, отвѣтственнаго министерства, земельной реформы, развитія фабричнаго законодательства, финансовыхъ преобразованій. Они рѣшительно разрывали съ старымъ феодально-буржуазно-полицейскимъ государствомъ и, понимая, что безъ помощи демократіи невозможно свалить его, принимаютъ, хотя и скрѣпя сердце, минимальныя демократическія требованія. Болѣе непосредственно и искренно защищала послѣднія лѣвая половина кадетовъ, состоящая изъ интеллигенціи, болѣе тѣсно связанной съ народными массами и ея интересами.

Выборы въ Думу и дали побѣду или кадетамъ, или тѣмъ крестьянскимъ избранникамъ, которые образовали потомъ группу „трудовиковъ“ или, наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролетарское и крестьянское движенія слились въ одно цѣлое, вовлекши въ себя и мелкую городскую буржуазію, были выбраны даже соціалъ-демократы. Къ послѣднимъ, уже въ Думѣ, присоединились депутаты-рабочіе, избранные, кстати сказать, за исключеніемъ города Москвы, тѣми же крестьянами, которые не хотѣли лишить представительства рабочій классъ.

Собралась Дума, началась ея борьба съ правительствомъ, и борьба внутри Думы за болѣе или менѣе полную свободу, болѣе или менѣе радикальную земельную реформу, болѣе или менѣе рѣшительную тактику по отношенію къ правительству.

Газетные листы, разнося отчеты о думскихъ преніяхъ, потрясли умы деревень, увы, только тѣхъ, до которыхъ доходили. Даже пролетаріатъ сталъ было заинтересовываться Думой. Въ войскахъ начались опять волненія. Что же дѣлала буржуазія? Она *молчала*. Весь 1905 г. городскія думы слали адреса съ требованіемъ реформъ, даже въ началѣ 1906 года кое-какія протестовали противъ излишествъ репрессій, а думское требованіе отставки министерства не было ими поддержано. Очевидно, Дума была „лѣвѣе“, чѣмъ то было нужно буржуазіи.

Что касается земскихъ собраній, то они заняли явно антидумскую позицію.

Правительство опять, какъ и въ декабрѣ 1905 года, вѣрно разсчитало положеніе и распустило Думу, приготовившись къ пацавленію ожидаемыхъ „общихъ безпорядковъ“ (см. циркуляръ Столыпина отъ 7 іюля) и рѣшивши заключить, наконецъ, союзъ съ высшими классами. Послѣдніе это почуяли и въ нѣсколько дней народились „мирные обновленцы“. Начались переговоры съ ними и союзомъ 17 октября.

— —

Но буржуазія и помѣщики «обновленцы» хотѣли дѣйствительнаго раздѣла власти, а правительство, не встрѣтившее отпора разгону Думы, готово было лишь припустить ихъ къ дѣлу правленія. Сдѣлка не состоялась, но она только отсрочена или до большей уступчивости правительства, или до меньшей требовательности обновленцевъ. Эти перемѣны явятся продуктомъ силы революціоннаго движенія: сила революціи заставитъ правительство прибѣгнуть къ помощи обновленцевъ, слабость побудитъ послѣднихъ удовольствоваться... Гучковымъ.

Пока что сила революіи не проявляется въ очевидныхъ для всѣхъ формахъ, наоборотъ на поверхность всплыли несомнѣнныя формы ея вырожденія. Царитъ Столыпинъ, всячески поощряемый Гучковымъ и при помощи союза русскихъ... звѣрей, готовится сдѣлать «палочные» выборы въ Госуд. Думу, измѣнивъ на основахъ сословно-классовыхъ самую избирательную систему.

Нашъ бѣглый обзоръ развитія общественныхъ силъ убѣдилъ насъ, что революція, кромѣ процесса дифференцированія несетъ въ себѣ и процессъ интегрированія, сплачиванія болѣе или менѣе однородныхъ слоевъ.

Намѣчаются двѣ основныхъ коалиціи—коалиція старой власти и экономически-господствующихъ классовъ и коалиція «низшихъ» слоевъ: пролетаріата, крестьянства и близкой къ нимъ интеллигенціи. Но эти коалиціи лишь намѣчаются. Ни та, ни другая, еще не состоялись. Но и того, что уже есть —было достаточно, чтобы образовалась третья коалиція, коалиція среднихъ слоевъ, которая и послужила базой для к.-д-ской партіи.

Вся сложность общественнаго строенія не исчерпывается охарактеризованными выше основными классами. Во-первыхъ, есть масса промежуточныхъ слоевъ, городское мѣщанство, зажиточное крестьянстро, выс-

шіе служащіе; во-вторыхъ въ каждомъ изъ классовъ есть такія его фракціи, которыя отличаются особыми интересами и стремленіями. Наконецъ, во всѣхъ странахъ всѣ партіи, не исключая и соціалистическихъ, сложны по своему классовому составу. Рядъ временныхъ, болѣе или менѣе однородныхъ текущихъ потребностей, идеологическіе мотивы, сближаютъ представителей разныхъ классовъ, соединяютъ ихъ въ одну партію, и въ то же время раздѣляютъ по разнымъ партіямъ членовъ одного и того же класса.

Эпоха революціи создаетъ особенную благопріятную почву для такихъ смѣшанныхъ классовыхъ образованій: сближеніе происходитъ въ цѣляхъ приспособленія къ *равнодѣйствующей* борющихся антагонистичныхъ основныхъ общественныхъ силъ для возможнаго урегулированія революціоннаго хаоса.

Необходимость такой партіи становится тѣмъ болѣе настоятельною, что именно въ моментъ революціи государственная власть перестаетъ быть тѣмъ регуляторомъ классовыхъ противорѣчій, ради чего она и появилась на свѣтъ. Чтобы быть такимъ регуляторомъ, ей нужно сообразоваться съ исторической равнодѣйствующей, а самая причина революціи заключается въ потерѣ государственной властью этой способности.

Поэтому то и появляется партія, которая готовится стать *правящей* силой ухватиться за рычагъ правительственной власти.

Такой партіей и являются у насъ „кадеты". Одинъ изъ ихъ лидеровъ, г. Родичевъ, на январьскомъ съѣздѣ 1906 г. заявилъ, что „мы будемъ у власти", и онъ былъ правъ.

Рано или поздно власть перейдетъ въ руки „среднихъ элементовъ". Какую же программу и тактику диктуетъ имъ это присущее имъ стремленіе къ власти?

Она цѣликомъ вытекаетъ изъ самаго этого стремленія. Оно именно заставляетъ партію выработать такую программу и слѣдовать такой тактикѣ, которая бы отвѣчала соотношенію общественныхъ силъ.

Могучее движеніе пролетаріата и крестьянства, объективная связь между землей и волей заставила партію среднихъ элементовъ принять элементарнѣйшія требованія демократіи, высказаться за всеобще равное, прямое и тайное избирателельное право, за земельную реформу, за фабричное законодательство.

На это же стремленіе къ власти опредѣляетъ и тактику партіи. Она лишена самосостоятельности, цѣликомъ обусловливаясь борьбой другихъ силъ.

Въ октябрѣ 1905 г., когда нужно было вырвать уступки и была надежда на успѣхъ движенія, кадеты приняли участіе во всеобщей забастовкѣ. Въ ноябрѣ и декабрѣ они были противъ забастовокъ не только потому, что онѣ преслѣдовали цѣли, идущія дальше ихъ видовъ, но и потому, что онѣ усиливали позицію правительства. Въ январѣ—апрѣлѣ к.-д-ская партія признала единственнымъ оружіемъ избирательный бюллетень, думскую трибуну и «парламентское» голосованіе. Столкнувшись въ Думѣ лицомъ къ лицу съ правительствомъ, и потребовавъ его отставки, они было обратились за поддержкой къ странѣ (см. „Рѣчь“, „Русс. Вѣдом.“ послѣ засѣданія 13 мая). Но увидя, что та почти молчитъ, кадеты обратили свои взоры кверху, и изумленные россіяне были свидѣтелями того, какъ кадеты отвергли образованіе мѣстныхъ демократическихъ учрежденій для подготовки рѣшенія аграрнаго вопроса и внесли законы о свободахъ, противъ которыхъ протестовали „Русс. Вѣд.“ и членъ болѣе „правой“ партіи М. Ковалевскій.

Министры были приглашены въ коммиссіи, имъ высказывалась благодарность за любезное сообщеніе свѣдѣній. Всѣ стали уже распредѣлять портфели между лидерами партіи народной свободы. Но... сами ея члены, да и всѣ другіе упустили изъ виду, что программа кадетовъ непріемлема для двора, а кадеты именно потому, что стремились къ прочной власти, а не къ преходящему захвату ея - не могли отказаться отъ своихъ, разсчитанныхъ на поддержку широкихъ

народныхъ массъ, программныхъ требованій. Кадетское министерство не состоялось и Дума была разогнана. Кадеты, члены Думы, ѣдутъ вмѣстѣ съ трудовиками и соціалъ-демократами въ Выборгъ подписывать совмѣстно съ ними явно революціонное воззваніе.

Проходитъ полтора мѣсяца. Собравъ свѣдѣнія, что рекрутская компанія не пройдетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ констатируя ростъ силъ революціи, съѣзъ подтверждаетъ принципіальную правильность выборгскаго воззванія, но отказывается отъ его осуществленія въ настоящій моментъ. Формой движенія онъ вновь признаетъ избирательную компанію, но смотрите съ какимъ характернымъ добавленіемъ: безъ поддержки *организованныхъ* народныхъ силъ Дума окажется безсильной. Научились и кадеты. Любопытно, что докладъ о необходимости организаціи народныхъ силъ внесъ тотъ же г. Набоковъ, который въ передовой статьѣ оффиціальнаго органа партіи (№ 21/22 Вѣстн. Нар. Своб. отъ 3 августа) сдѣлалъ весьма цѣнное признаніе, что «въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ существованія Думы каждый шагъ правительства въ сторону правомѣрности, законности, и свободы оказалъ бы ему огромную поддержку и укрѣпилъ бы его позицію, давъ Думѣ возможность съ нимъ *столковаться*». Теперь, очевидно, г. Набоковъ не повторитъ этого, поскольку будетъ говорить о будущей Думѣ. Онъ говоритъ: «опытъ 8-го іюля станетъ невозможнымъ съ той минуты, когда для широкихъ слоевъ населенія посягательство на Думу станетъ дѣйствительно посягательствомъ на жизненныя интересы самаго народа» (цитировано по «Товарищу», № 72). Правда, авторъ этихъ строкъ по прежнему признаетъ, что есть *что-то* невозможное для камарильи, но все же кто такъ говоритъ, тотъ очевидно уже пересталъ мечтать о возможности столковаться съ тѣми, кто опустошаетъ страну, какъ дикая орда кочевниковъ-завоевателей. Жизнь по всей вѣроятности поставитъ г. Набокова въ необходимость не только подписывать, но и осу-

ществлять гораздо болѣе радикальное, чѣмъ выборгское воззваніе, или... отойти въ сторону отъ политической жизни. Но, пока что, единомышленники г. Набокова на вѣрной дорогѣ. Да, *сейчасъ* главное дѣло въ организаціи народныхъ силъ для предстоящей избирательной компаніи, и въ процессѣ послѣдней для того, чтобы организованный народъ могъ поддержать Думу въ ея борьбѣ съ изувѣрами реакціи. Мы не думаемъ, конечно, что организація можетъ происходить въ атмосферѣ «спокойствія», и потому мы полагаемъ, что происходящая активная,—хотя частичная, но все же массовая,—борьба экономическая и политическая —великое благо, но для насъ ясно, что если Дума будетъ созвана, хотя бы на старыхъ условіяхъ, то главнымъ русломъ политическаго движенія будутъ выборы и организованное взаимодѣйствіе между Думой и населеніемъ.

Если правительство будетъ практиковать болгарскіе или, что то-же, „палочные" выбыры, но при старой избирательной системѣ, то населеніе должно активно остаивать свои права. Если же правительство измѣнитъ выборы по указанію Меньшиковыхъ, то... настанутъ еще болѣе тяжкіе, чѣмъ переживаемые теперь Россіей, дни. Вся страна, потерявшая надежду на какой либо разумный выходъ изъ невыносимаго положенія инстинтивно подымется... и превратится въ арену кровавой бойни, гдѣ войска будуть лить кровь народа до тѣхъ поръ, пока оружіе не выпадетъ у нихъ изъ рукъ, а это непремѣнно случится, когда, по выраженію „Пролетарія" (№ 2), не бедутъ солдата, родные котораго не стояли бы въ рядахъ революціи.

Тема нашей статьи исчерпана. Мы можемъ теперь подвести итоги и намѣтить тактическіе выводы.

Въ настоящую минуту правительство опирается лишь на дворянство и „гучковскую" торгово-промышленную буржуазію и оперируетъ двумя изъ силъ государства: силой физической и силой демогогической.

Въ опозиціи ему стоятъ даже тѣ представители экономически господствующихъ классовъ, которые хотятъ власти лишь для себя и понимаютъ, что безъ реформы сверху, безъ прекращенія всенародной бойни, революція не кончится („Обновленцы"). Но такъ какъ даже Гучковы считаютъ безумнымъ попытку возврата къ абсолютизму, и считаютъ вполнѣ искренно, то *Дума будетъ созвана.*

Но не только не исключена, но и болѣе чѣмъ вѣроятна перспектива насильственныхъ выборовъ и октроированія новой избирательной системы. Если это будетъ имѣть мѣсто, то предвидѣть формы движенія, немыслимо. Хаосъ неопредѣлимъ даже тогда, когда онъ самъ на лицо, а не только въ воображеніи. Одно можно сказать, что изъ хаоса будетъ одинъ выходъ— созданіе на мѣстахъ и въ центрѣ выборныхъ учрежденій.

Силы демократіи выросли, различные ея слои инстинктивно жмутся другъ къ другу и сознательно стремотся къ временной коалиціи. Въ странѣ образовалась будущая, правящая партія, которая, освободившись отъ нѣкоторыхъ элементовъ, сумѣетъ взять бразды правленія, но уже ограниченныя волей организованной и политически правомочной демократіи.

Какова же должна быть тактика демократіи? Каковы бы ни были перспективы, тактика настоящаго момента ясна. Ея цѣли—внесеніе элементовъ сознательности и организованности въ стихійное движеніе координированіе дѣйствій различныхъ партій демократической арміи, подготовка къ рано или поздно предстоящимъ выборамъ и въ Думу и въ мѣстныя демократическія самоуправленія. Только организованныя массы могутъ увлечь на свою сторону и войско. Партизанскія дѣйствія—крупное препятствіе развитію революціи: отвлекая массы отъ активной борьбы, они къ тому же и въ войскѣ укрѣпляютъ идею о кучкѣ крамольниковъ, производящихъ революціонную смуту. Вооруженное возстаніе, какъ тактичная директива момента

—плодъ иллюзорнаго мышленія, продуктъ непониманія условій историческихъ дѣяній.

Теперь уже и фанатики вооруженнаго возстанія понимаютъ, что „если революція не станетъ массовой и не захватитъ самого войска, тогда не можетъ быть и рѣчи о серьезной борьбѣ“ („Пролетарій“ № 2). Это, конечно, не мѣшаетъ автору возлагать надежду на „бомбистовъ“, которые будутъ физически боротся за войско, будутъ уничтожать черносотенное войско. Но все это уже жалкія крохи съ роскошнаго стола теоріи вооруженнаго возстанія. Авторъ другой статьи того же № „Пролетарія“, какъ мы видѣли, уже полагаетъ надежды на то, что самый фактъ всеобщаго движенія, называемаго уже забастовкой и аграрнымъ, а не вооруженнымъ возстаніемъ, заставитъ все болѣе и болѣе ненадежную армію перестать служить оплотомъ власти. Да, революція учитъ даже тѣхъ, кто *полтòра* года тому назадъ писалъ: „что выставлять лозунгъ всенароднаго учредительнаго собранія значитъ двигать революцію назадъ“, ибо „этотъ лозунгъ“ восприняла монархическая буржуазія. (Двѣ тактики Н. Ленина, стр. 30). Нѣтъ, мы еще должны дѣлать усилія къ тому, чтобы этой лозунгъ былъ воспринятъ не монархической буржуазіей,—куда ужъ тутъ, да это и ни къ чему, а самими народными массами; и при томъ должны, пристально всматриваясь въ фактическое политическое сознаніе наибольшей части этихъ массъ, крестьянства, признать, что этотъ лозунгъ станетъ боевымъ лозунгомъ лишь при столкновеніяхъ будущей Думы со старой властью... или уже въ самомъ пеклѣ всеобщаго хаоса.

Будемъ помнить слова Энгельса: „Нѣмецкіе коммунисты являются коммунистами потому, что они черезъ всѣ промежуточныя станціи и компромиссы, созданные не ими, а ходомъ историческаго развитія, ясно видятъ и постоянно преслѣдуютъ конечную цѣль, а 33 (французскихъ) бланкиста являются коммунистами потому, что они воображаютъ, что разъ *они хо-*

тятъ перескочить черезъ промежуточныя переходныя станціи и компромиссы, то и дѣло въ шляпѣ». („Статьи“, изд. Знанія, стр. 47.) Примѣнимъ эти слова къ Россіи, замѣнимъ конечную цѣль очень маленькою сравнительно съ ней, но великой для настоящаго момента цѣлью: учредительнымъ собраніемъ, и мы подумаемъ, что Энгельсъ писалъ о нашихъ дняхъ, противопоставлялъ максистовъ с.-демократовъ бланкистамъ, также именующимъ себя соціаль-демократами. Послѣдніе, почти уже отказываясь отъ бойкота выборовъ, бросаютъ такой лозунгъ: блокъ съ трудовиками противъ кадетовъ, и пророчески предсказываютъ: мы разобьемъ на-голову кадетовъ („Пролетарій“ № 1). Въ этомъ лозунгѣ, какъ и лозунгѣ: партизанская война и вооруженное возстаніе, сказалось все то-же стремленіе перескочить черезъ необходимыя стадіи и единственной аргументаціей для котораго, по мѣткому замѣчанію того же Энгельса, служить собственное нетерпѣніе аргументаторовъ.

Изъ сдѣланнаго выше опыта анализа современнаго состоянія демократіи необходимо сдѣлать то заключеніе, что за кадетовъ будутъ голосовать широкіе слои мелкой и средней городской буржуазіи, значительная часть крестьянства, еще не сознавшаго свою силу и готоваго довольствоваться очень малымъ, и вѣроятно, большинство интеллигенціи и всякаго рода служащихъ. Партія среднихъ элементовъ выставляющая программу значительныхъ реформъ, включающая въ свой составъ рядъ лучшихъ умственныхъ силъ страны и рядъ популярныхъ культурныхъ работниковъ, не можетъ не найти сучувствія въ перечисленныхъ слояхъ, а вѣдь они то являясь далеко не ничтожной величиной и при всеобщемъ избирательномъ правѣ, и преобладаютъ при нынѣшней системѣ выборовъ. Сознательный пролетаріатъ, стремясь использовать избирательную компанію для своей классовой организаціи, для борьбы съ реакціей, можетъ, а мѣстами, гдѣ грозитъ побѣда правыхъ, и долженъ вступать въ соглашеніе съ кадета-

ми, воздерживаясь, конечно, отъ постоянныхъ блоковъ, не только съ ними, но и съ буржуазной демократіей. Коализація не требуетъ сліянія, а лишь согласованія дѣйствій.

Чтобы предупредить всякую мысль объ оппортюнизмѣ, приведу слѣдующую резолюцію гонноверскаго партейтаго германской соціаль-демократіи. «Не обольщая себя иллюзіями относительно характера и программъ буржуазныхъ партій соц.-дем. партія однако не отвергаетъ совмѣстныхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о поддержкѣ партіи на выборахъ, о расширеніи политическихъ правъ и свободы народа, о серьезномъ улучшеніи положенія пролетаріата, о поддержкѣ обще-культурныхъ задачъ...»

А развѣ у насъ не обо всемъ этомъ, да кромѣ того о самомъ существованіи пролетаріата и всего народа идетъ дѣло. И пролетаріатъ, не лишенный самосознанія, въ понятіе котораго входитъ и опредѣленіе своего положенія среди другихъ классовъ и группъ, ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ нему самому, не крикнетъ «долой кадетовъ» тогда, когда въ странѣ царитъ Столыпинъ и душитъ все живое и когда большинство народа еще не переросло, а во многомъ и недоросло до кадетской политической программы. Пролетаріатъ вмѣстѣ съ другими силами демократіи, помня, что мы переживаемъ *буржуазную* революцію, долженъ ясно сознавать, что наличность буржуазной либерально-демокрутической партіи — положительная величина, и одной изъ своихъ тактическихъ задачъ онъ не можетъ не поставить и той задачи, которую, какъ мы видѣли, еще два года назадъ поставили публицисты соц.-демократіи: заставить буржуазію примкнуть къ демократическимъ требованіямъ. Но разъ такіе элементы буржуазіи нашлись, то нельзя ограничиваться одной критикой недостаточности ихъ программныхъ требованій и нерѣшительности тактики— эту политическую работу ни на минуту прерывать не слѣдуетъ,—но необходимо, учтя ихъ вліяніе, пред-

принять возможныя совмѣстныя дѣйствія съ ними въ борьбѣ съ анти-демократическими силами.

Соціаль-демократія, какъ идейная выразительница интересовъ и воли пролетаріата, всѣ усилія должна употребить, чтобы предупредить раствореніе пролетаріата во всей массѣ буржуазнаго «народа», и потому рѣшительно отвергнуть всякую идею диктатуры пролетаріата и крестьянства, какъ предполагающую это раствореніе. Но помня о сравнительной силѣ различныхъ классовъ въ современной революціи, она должна предостеречь пролетаріатъ отъ переоцѣнки своего значенія, отъ изолированной тактики, и содѣйствовать использованію имъ всѣхъ силъ, которыя пока идутъ по линіи освободительнаго движенія, а слѣдовательно *и* трудовиковъ *и* кадетовъ.

Вообще русскимъ соціаль-демократамъ слѣдуетъ помнить, что про россійскую соціаль-демократію нельзя сказать то, что съ полнымъ правомъ говоритъ Каутскій о соціаль-демократіи германской, а именно, что «она единственная партія, которая можетъ опираться на одинъ только классъ, такъ какъ послѣдній составляетъ большинство населенія» (Анти Бернштейнъ, изд. Новаго Міра, стр. 281).

Въ дѣлѣ борьбы съ феодально-полицейскимъ государствомъ, россійскому пролетаріату, который составляетъ лишь пятую часть населенія, приходится опираться на всѣ тѣ слои, стремленія которыхъ пока идутъ въ томъ же направленіи, въ которомъ идетъ и онъ самъ. Поэтому задача развитія классоваго самосознанія и самоорганизаціи, не можетъ исключить для него политику «сдѣлокъ» съ другими классами. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что полное осуществленіе основной цѣли: организаціи массъ пролетаріата, проникнутыхъ классовымъ самосознаніемъ, немыслимо безъ измѣненія объективныхъ условій его существованія, что въ свою очередь недостижимо безъ совмѣстной борьбы пролетаріата съ другими слоями. Но и въ этой борьбѣ пролетаріатъ не только во имя будущаго, но

для завоеванія наибольшаго вліянія въ настоящемъ, долженъ дѣйствовать какъ особый классъ, сознавая, что только мощью классоваго давленія онъ заставитъ и другіе слои считаться съ его интересами и требованіями; помня, что чѣмъ болѣе онъ будетъ орагнизованъ тѣмъ большую сумму завоеваній вырветъ онъ на свою долю у буржуазной революціи.

P. S. Статья уже была набрана, какъ курсъ правительства опредѣлился уже съ полной ясностью. Теперь уже формально заявлено, что Дума будетъ созвана для сдѣлки съ дворянствомъ и крупной буржуазіей (рѣчь г. Философова въ Москвѣ), для чего реформируется путемъ сенатскихъ разъясненій избирательная система. „Союзу русскаго народа" отводится роль палочной силы при выборахъ. Пролетаріату и демократіи необходимо напречь всю энергію, проявить всю свою октивность, чтобы дать отпоръ насильническимъ пріемамъ при выборахъ, чтобы и ухудшенную избирательную систему использовать для созданія организующаго центра революціи для организаціи собственныхъ силъ.

Вл. Горнъ.

Общія и частичныя массовыя выступленія.

Великая борьба между защитниками стараго порядка и народомъ закончилась временной побѣдой первыхъ. Послѣ 2-хъ лѣтъ ожесточенной борьбы мы должны неизбѣжно притти къ выводу, что тѣ силы, которыя до сихъ поръ успѣла мобилизовать революція, недостаточны для обезпеченія побѣды. Правда, эти силы уже довольно внушительны; правда онѣ не разъ наносили уронъ противнику; но онѣ всегда оказывались недостаточными для закрѣпленія своихъ временныхъ побѣдъ. Послѣ каждаго удара врагъ получалъ возможность оправиться, и пуская въ ходъ свои резервы, напрягая всѣ свои силы, удержаться на своихъ позиціяхъ. Разумѣется, долго оставаться въ такомъ положеніи страна не можетъ. Всѣ великіе вопросы, разрѣшить которыхъ составляетъ задачу Россійской революціи, до сихъ поръ остаются вопросами. Попрежнему пухнетъ съ голоду мужикъ, попрежнему рабочій закабаленъ своему хозяину и пуще прежняго вся страна стонетъ отъ произвола властей, обливается кровью отъ бѣшеннаго разгула реакціи. Борьба должна будетъ разгорѣться вновь. Очередная задача освободительнаго движенія—направить всѣ усилія къ тому, чтобы въ предстоящей великой борьбѣ соотношеніе силъ измѣнилось въ пользу народа. Надо пробудить къ жизни и организовать спящія массы, не вовлеченныя еще въ борьбу, надо тѣснѣе сплотить и укрѣпить уже имѣющіяся силы. Надо внести единство, единство ближайшихъ цѣлей и единство формъ и средствъ борьбы, въ ряды враговъ реакціи. Надо готовиться нанести новый ударъ старому режиму.

Какимъ образомъ должна совершиться эта подготовка, въ какую форму долженъ вылиться предстоящій революціонный подъемъ?—Эти вопросы животрепещущаго интереса требуетъ немедленнаго отвѣта. Нѣкоторыя общественныя группы дали уже отвѣтъ, и мы на нихъ должны остановиться.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на разборѣ этой тактической позиціи. Мы сами тоже предаемъ огромное значеніе избирательной компаніи и дѣятельности представительныхъ учрежденій. Мы тоже признаемъ, что на фонѣ развивающейся революціи они могутъ внести единство во всенародную борьбу, играть роль политически организующаго центра. Но мы въ то же время признаемъ, что борьба въ Думѣ будетъ совершенно безплодной, что сама Дума не устоитъ подъ первымъ натискомъ реакціи, если народныя массы не будутъ готовы активно отстаивать свои интересы внѣ Думы, ведя самую безпощадную борьбу противъ старыхъ порядковъ на мѣстахъ, координируя и объединяя эту борьбу. Мы не можетъ себѣ также сотворить кумира ни изъ избирательнаго закона 11-го декабря, ни изъ обстановки, въ которой происходили прошлые выборы и которую „конституціонное правительство" собирается еще ухудшить. Мы, наконецъ, не можемъ даже быть увѣрены въ томъ, что Дума будетъ созвана, а если даже и будетъ созвана, то не исковеркаетъ ли реакція избирательный законъ настолько, что онъ потеряетъ всякій интересъ для демократіи. Напомнимъ, что и сама Дума въ Выборгѣ считала возможнымъ такой случай, «когда Дума и вовсе не будетъ созвана». Такой случай наступитъ, по нашему мнѣнію, именно тогда, когда народъ прекратитъ окончательно свою наступательную борьбу и будетъ, пользуясь завѣтомъ кадетскаго большинства старой Думы наканунѣ ея разгона, «покойно и мирно» ждать новой Думы (обращеніе къ народу по земельному вопросу).

Другой отвѣтъ данъ лидеромъ большевисткой фракціи с. д. партіи. „Мы должны готовиться къ единовремен-

ному всенародному вооруженному возстанію"—таковъ лозунгъ, данный т. Ленинымъ въ его брошюрѣ „Роспускъ Думы и задача пролетаріата". Всякія частичныя выступленія, всякія формы борьбы, кромѣ стачки-возстанія, при теперешнихъ условіяхъ смѣшны и жалки. Къ этому выводу онъ пришелъ не на основаніи общихъ разсужденій о преимуществѣ возстанія передъ демонстраціей и единовременной организованной борьбы предъ разрозненной и стихійной. Этотъ выводъ диктуется, по его мнѣнію, объективными фактами современной дѣйствительности. Дума завершила политическое воспитаніе народа. Удерживавшія отъ активной революціонной борьбы конституціонныя иллюзіи разсѣялись, гнѣздившіяся въ умахъ крестьянъ надежды, что Дума дастъ имъ землю и волю, не вынуждая ихъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ борьбы, рухнули. Передъ всѣмъ народомъ сталъ ребромъ вопросъ о власти. «Въ сознаніи *самаго темнаго* мужика стучится теперь обухомъ вбитая мысль: ни къ чему Дума, ни къ чему никакая Дума, *если нѣтъ власти у народа*». (Роспускъ Думы стр.). И вотъ, эта общая политическая идея, охватившая все населеніе вплоть до „самаго темнаго" мужика, естественно выдвинула на очередь вопросъ о единовременномъ выступленіи всѣхъ революціонныхъ силъ. Крестьянское возстаніе, военный бунтъ и рабочій взрывъ въ силу объективно диктуемыхъ условій должны слиться воедино, превратившись въ высшую форму борьбы, уже предвосхищенную въ революціонныхъ центрахъ въ декабрьскіе дни—во всеобщее вооруженное возтаніе. И лишь подобная форма борьбы будетъ имѣть положительное значеніе. Всякія другія формы вродѣ стачекъ, демонстрацій и вообще частичныхъ массовыхъ выступленій могутъ имѣть только отрицательное значеніе, истощая силы революціи, возвращая ее вспять къ уже пережитымъ стадіямъ и тѣмъ самымъ ослабляя въ народѣ вѣру въ необходимость и неизбѣжность единовременнаго вооруженнаго возстанія.

Таковы въ общихъ чертахъ мысли Ленина о формахъ

борьбы. Тотъ фактъ, что народъ сравнительно слабо реагировалъ на роспускъ Думы, что это крупнѣйшее политическое событіе, поразившее по мнѣнію Ленина самые темные слои крестьянства, не вызвало всенароднаго взрыва, этотъ фактъ пассивности большинства населенія не смущаетъ его. Причина подобнаго оборота не въ недостаткѣ политической сознательности, революціонной чуткости и активности населенія. Эта пассивность была разсчитанной и сознательной. Политически подготовленное къ всеобщему возстанію населеніе не имѣло еще готовности, такъ сказать, боевой. «Отсрочка и явилась результатомъ общаго настроенія, желанія подготовиться къ дѣйствительно рѣшительной и отчаянной борьбѣ, добиться согласованности дѣйствій». И это лишній разъ доказываетъ, какъ глубоко засѣла въ массахъ идея о всеобщемъ вооруженномъ возстаніи, какъ единственной формѣ борьбы. Революціонныя организаціи должны къ этому готовиться, сформировать кадры дружиниковъ, распредѣлить всѣхъ честныхъ, но безоруженныхъ гражданъ по десяткамъ, пяткамъ и тройкамъ и въ то же время добиться боеваго соглашенія между собою. «Если бы удалось достигнуть соглашенія всѣхъ вліятельныхъ революціонныхъ организацій и союзовъ о времени выступленія», тогда возможно было бы назначить заранѣе срокъ возстанія, и Ленинъ назначаетъ его на августъ мѣсяцъ. Фиксированію срока онъ придаетъ огромное значеніе. «Отдѣльные и совершенно безполезные взрывы, вродѣ бунтовъ солдатъ и безнадежныхъ возстаній крестьянъ удалось бы можетъ быть удержать тогда, если бы вся революціонная Россія *повѣрила* въ неизбѣжность этого великаго общаго боя». Не будетъ этого соглашенія,— движеніе опять выльется стихійно.

Мы не будемъ останавлиться здѣсь подробно на критикѣ той схемы т. Ленина, по которой россійская революція въ своемъ развитіи приходитъ правильно восходящую лѣстницу формъ борьбы. Очевидно,что съ развитіемъ революціи, съ выступленіемъ на арену

борьбы новыхъ и новыхъ слоевъ населенія борьба принимаетъ все болѣе острый характеръ, революція выдвыгаетъ все новыя формы защиты и нападенія. Маленькія демонстраціи превратились во всеобщія стачки, стачки осложнились вооруженной борьбой. Это фактъ. Но факты говорятъ и то, что ни одна изъ послѣдующихъ формъ не отрицаетъ предыдущей. Послѣ декабрьскаго вооруженнаго возстанія мы имѣли цѣлый рядъ экономическихъ стачекъ, охватившихъ огромные районы и пріобрѣвшихъ несомнѣнное политическое значеніе. Стачечная борьба широко разлилась по деревнѣ, сыгравъ здѣсь колоссальную воспитательную и организующую роль. Свеаборгскія событія воспроизвели передъ нами знаменитые потемкинскіе дни. Наконецъ почти на дняхъ въ Баку при господствѣ военнаго положенія блестяще прошла мирная стачка-демонстрація, производившая по словамъ газетъ впечатлѣнія «революціоннаго праздника», поднявшее боевое настроеніе всего населенія. Мы видимъ, какъ живучи старыя формы, и врядъ ли кто припишетъ имъ отрицательное значеніе въ объективномъ развитіи революціоннаго движенія. Съ другой стороны, припомнимъ, что уже послѣ 9-го января и большевики и др. товарищи, вродѣ т. Троицкаго, утверждали, что революція „уперлась въ вооруженное возстаніе“ и что другіе виды борьбы изжили себя и будутъ лишь вредить, а жизнь отвѣтила на эти доктринерскія разглагольствованія великимъ октябрьскимъ движеніемъ. Какъ видимъ, заранѣе построенная схема „ступеней“, изъ коихъ каждая послѣдующая отрицаетъ предыдущую, ничѣмъ не оправдывается, кромѣ любви къ упрощеннымъ построеніямъ, освобождающимъ отъ необходимости внимательно слѣдить за многообразіемъ выдвигаемыхъ жизнью средствъ борьбы и за ихъ причудливыми сочетаніями.

Не въ этой, впрочемъ, схемѣ, а въ оцѣнкѣ современнаго политическаго момента главный корень ошибки т. Ленина. Ленинъ пришелъ къ заключенію о неизбѣжности всенароднаго вооруженнаго возстанія крестьянъ

солдатъ и рабочихъ потому, что онъ очень высоко оцѣниваетъ политическое сознаніе народныхъ массъ. Въ Думу, по его словамъ, вѣрила лишь *самая отсталая* часть крестьянства. Теперь и эти отсталые слои излечились отъ своего легковѣрія и жаждутъ борьбы за власть. Насколько высоко оцѣниваетъ онъ современное состояніе революціонныхъ силъ видно изъ того, что ближайшимъ результатомъ возстанія должно явиться Временное революціонное правительство, созывающее полновластное Учредительное Собраніе. А вѣдь учредительное собраніе, которое не на бумагѣ, не въ декретѣ Временнаго правительства, а на дѣлѣ было бы полновластнымъ предполагаетъ высшую степень сознательности, активности и революціонной чуткости той части населенія, на которую преимущественно будетъ опираться Временное правительство, т.-е. крестьянства. Т. Ленинъ, очевидно, предполагаетъ, что это такъ и есть. Мы не раздѣляемъ подобной оптимистической оцѣнки имъ революціи, и мы увѣрены, что факты на нашей сторонѣ.

Прежде всего, въ Думу вѣрила не самая отсталая часть крестьянства. Какъ разъ наоборотъ. Въ Думу вѣрили, Думой интересовались именно передовые слои крестьянства. Остальная часть имѣла обо всемъ происходящемъ весьма смутное понятіе. Просмотрите, затѣмъ, приговоры и наказы, направлявшіеся въ Думу. Сколько политической наивности, сколько вѣры вы прочтете въ нихъ. А вѣдь приговоры составлялись передовымъ крестьянствомъ, ихъ содержаніе, форма, наконецъ, факты указываютъ, что посылавшія приговоры деревни находились подъ вліяніемъ революціонныхъ организацій, а такихъ деревень, какъ извѣстно, меньшинство, и притомъ не особенно значительное. Если же будемъ считаться съ этими данными, то мы можемъ предполагать, что роспускъ Думы оказалъ глубокое вліяніе именно на меньшенство крестьянства и что лишь эта передовая часть могла осмыслить все происшедшее и притти къ заключенію «о необходи-

мости сверженія старой и установленія новой власти». Остальная же масса крестьянъ еще только начинаетъ пробуждаться, ощущаемое ею неопредѣленное чувство угнетенія только-что начинаетъ формироваться въ опредѣленное политическое сознаніе. Роспускъ Думы этотъ процессъ, разумѣется, ускорилъ, но отъ этого еще очень и очень далеко до того состоянія,—если только оно вообще возможно,—при которомъ «командиры» революціонныхъ организацій могутъ назначить время возстанія и когда отъ ихъ согласія или несогласія зависитъ, будетъ ли предстояще выступленіе всеобщимъ единымъ и организованнымъ или частичнымъ, разрозненнымъ и стихійнымъ.

Возьмемъ другой фактъ, характеризующій силы революціи. На очереди вопросъ о проведеніи важнѣйшаго лозунга выборгскаго возванія—отказа отъ рекрутчины. Для тѣхъ, кто въ оцѣнкѣ момента стоитъ на точкѣ зрѣнія т. Ленина, не должно быть никакихъ сомнѣній, что осуществить лозунгъ воззванія удастся и, поскольку возстаніе не возникнетъ или не будетъ назначено до наступленія призыва, оно обязательно возникнетъ въ этотъ моментъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы признаемъ, что «самый темный» мужикъ готовъ къ борьбѣ за низверженіе старой власти, какъ общенароднаго врага, то какой лозунгъ можетъ быть понятнѣе и ближе массѣ населенія, какъ лозунгъ не давать своихъ лучшихъ силъ врагу, отрѣзать идущія къ нему подкрѣпленія. А между тѣмъ, данныя какъ Крестьянскаго Союза, такъ и партійныхъ организацій (2-ая областная конференція центральнаго района) говорятъ за то, что отказъ отъ рекрутчины не можетъ быть повсемѣстнымъ, что въ преобладающемъ числѣ мѣстностей рекрутская компанія выльется въ пассивныя формы, вродѣ отбиранія отъ рекрутъ присяги, что они не будутъ стрѣлять въ народъ, а кое-гдѣ компанія и совсѣмъ не удастся. И замѣтьте, объясненіе подобныхъ фактовъ не только въ томъ, что населеніе считаетъ себя неподготовленнымъ къ отраженію карательныхъ экспе-

дицій (поскольку этотъ мотивъ имѣетъ мѣсто, онъ указываетъ, что не только въ августѣ, но даже въ ноябрѣ населеніе наиболѣе активныхъ мѣстностей еще не будетъ „готово"), а въ томъ, что самый лозунгъ: „Ни одного рекрута врагу" не усвоенъ еще значительной частью народа. Какъ далеко отсюда до скоропалительнаго заключенія, что *самому темному* мужику уже стучится обухомъ вопросъ о борьбѣ за власть!

Считаемъ необходимымъ оговориться. Мы также считаемъ борьбу за власть очередной задачей русской революціи, но по, нашему мнѣнію, реальность этого лозунга въ *данный моментъ* объясняется не тѣмъ, что имъ проникся самый темный мужикъ, а тѣмъ, что всѣмъ ходомъ предыдущаго періода революціи вопросъ о власти всталъ передъ всѣми втянутыми въ борьбу общественными силами, преимущественно же передъ либеральной буржуазіей. Объективное положеніе вещей теперь таково, что именно въ руки этой послѣдней, вѣроятнѣе всего, будетъ переходить ускользающая изъ самодержавныхъ рукъ власть. Лишь въ процессѣ дальнѣйшей борьбы, когда въ значительной степени расшатаются традиціонные взгляды народныхъ массъ и втянутся въ политическую жизнь наиболѣе отсталые ихъ элементы, а съ другой стороны на почвѣ шаткости и непослѣдовательности либеральной буржуазіи въ ея попыткахъ идти на встрѣчу требованіямъ народа,—лишь въ результатѣ этого процесса выдвинется на первый планъ нынѣшній темный мужикъ какъ сознательный борецъ за власть, отвѣчающую, классовымъ интересамъ демократичекой буржуазіи Пока же въ массѣ своей крестьянство играетъ еще роль стихійнаго деорганизатора правительственнаго механизма, и лишь его меньшинство вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ принимаетъ активное участіе въ сознательной борьбѣ за устраненіе старой власти.

Возвращаясь къ лозунгу т. Ленина о назначенномъ возстаніи, къ которому пріурочиваются крестьянскіе

и солдатскіе бунты, мы можемъ указать, что съ подобной схемой не согласна такая важная революціонная организація, какъ Всероссійскій Желѣзнодорожный Союзъ. Кто хочетъ назначить возстаніе, тотъ долженъ прежде всего добиться согласія этого союза. А между тѣмъ послѣдній рѣшительно отказывается начинать движеніе. „Положеніе наше въ настоящее время таково", говоритъ докладъ Ц. Б. Ж.-Д. С., „что мы совершенно *не имѣемъ возможности взять на себя роль застрѣльщиковъ* и начать движеніе, какъ это было въ октябрѣ и декабрѣ прошлаго года. Отъ подобной роли мы должны будемъ отказаться даже въ томъ случаѣ, если настроеніе среди желѣзнодорожниковъ будетъ въ значительной степени приподнятое, ибо между тѣми условіями, среди которыхъ мы дѣйствовали прежде, и тѣми среди, которыхъ намъ придется выступать въ настоящее время неизмѣримая разница". Какъ видитъ читатель, дѣло обстоитъ не такъ, какъ представляетъ себѣ т. Ленинъ, что желѣзнорожники не пойдутъ на демонстративную забастовку, а лишь на вооруженное возстаніе. Желѣзнодорожники вообще не считаютъ для себя возможнымъ начинать движеніе, а тѣмъ паче назначать. Желѣзнодорожный Союзъ считаетъ для себя единственно возможнымъ присоединиться къ уже начинающемуся стихійному движенію народныхъ массъ, и то онъ предпочитаетъ, если забастовка начнетъ самопроизвольно развиваться въ неорганизованныхъ желѣзнодорожныхъ массахъ и ему лишь придется констатировать фактъ и призвать союзниковъ къ поддержкѣ.

Что касается другого лозунга т. Ленина—никакихъ частичныхъ выступленій, то по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ Московская Окружная организація признаетъ, что „отнюдь не слѣдуетъ сдерживать крестьянъ въ ихъ революціонныхъ выступленіяхъ и даже должна вестись энергичная агитація за немедленное активное выступленіе крестьянъ. Равнымъ образомъ организація считаетъ для себя обязательнымъ поддер-

живать активныя выступленія солдатъ и лишь частичныя выступленія пролетаріата считаетъ нецѣлесообразными. За частичныя выступленія крестьянъ высказывается и Областное бюро Центральнаго раіона.

Итакъ, мы одинаково отрицательно относимся какъ къ тактикѣ кадетовъ—спокойнаго ожиданія „вплоть до Думы", такъ и къ лозунгу т. Ленина — спокойствіе вплоть до вооруженнаго возстанія, единовременнаго и всенароднаго. Революція развивается. Народъ охваченъ великимъ безпокойствомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи приходятъ вести о броженіи въ населеніи, въ особенности среди крестьянства. Это броженіе расправляющей послѣ долгой спячки свои члены деревни то тутъ, то тамъ выливается въ форму активныхъ выступленій, принимающихъ, благодаря неорганизованности, чрезвычайно уродливыя формы аграрнаго террора. Не въ нашихъ силахъ остановить это движеніе, исходимъ ли мы изъ нежелательности активной борьбы вообще или впредь до всеобщаго возстанія, ибо не въ нашихъ силахъ сказать стихіи —„стой!" Наши призывы къ спокойствію въ большинствѣ охваченныхъ волненіями мѣстностяхъ возымѣли бы дѣйствіе развѣ на небольшія группы, близко стоящихъ къ организаціямъ передовыхъ крестьянъ. Это съ своей стороны имѣло бы то послѣдствіе, что лишенное и этихъ малочисленныхъ сознательныхъ элементовъ, движеніе совершенно ускользнуло бы изъ подъ руководства и контроля. Словомъ, отдѣльныя массовыя выступленія въ настоящій періодъ *фактъ* и отъ насъ зависитъ, будемъ ли мы къ нимъ относиться чисто отрицательно или же возьмемъ ихъ въ свои руки и направимъ по руслу организованной борьбы. Но мы считаемъ неправильнымъ вообще взглядъ на частичныя массовыя выступленія въ данный моментъ, какъ на зло, хотя и неизбѣжное, а наоборотъ, приписываемъ имъ большое политическое значеніе. Мы достаточно подробно обосновали наше мнѣніе объ отсутствіи объективныхъ данныхъ для прогноза всенароднаго вооруженнаго возстанія въ

настоящій періодъ революціи. Посколько движеніе все же развивается, оно принимаетъ форму частичныхъ выступленій. Да по существу вся исторія русской революціи есть исторія частичныхъ выступленій, то принимающихъ характеръ болѣе или менѣе единовременнаго взрыва, то прокатывающихся волной по странѣ. И каждое подобное выступленіе приносило пользу освободительной борьбѣ, дезорганизуя силы реакціи, вовлекая въ движеніе отсталые элементы, проясняя ихъ сознаніе и укрѣпляя ихъ организованность. Настоящій моментъ не представляетъ исключенія, ибо по прежнему мы не имѣемъ политическаго центра, достаточно популярнаго въ населеніи, чтобы быть въ состояніи координировать его борьбу и затѣмъ по прежнему массы населенія еще достаточно пассивны. И намъ во многихъ случаяхъ не только не придется тормозить движенія, но въ мѣстностяхъ отсталыхъ наоборотъ вызывать какія-нибудь выступленія, чтобы пробудить массы. И чѣмъ шире и глубже этими частичными выступленіями будутъ охвачены массы, тѣмъ больше станетъ шансовъ, что въ случаѣ большаго въ будущемъ стихійнаго взрыва намъ удастся расширить его предѣлы, углубить его содержаніе и превратить его въ рѣшительный ударъ старому порядку.

Разъ признавъ пользу неизбѣжность частичныхъ массовыхъ выступленій, намъ надо опредилить наиболѣе выгодныя ихъ формы. Исходнымъ пунктомъ нашимъ будетъ то очевидное для всѣхъ положеніе, что слабость революція до сихъ поръ объяснялась не малой дезорганизаціей правительственныхъ силъ (эта дезорганизація шагнула уже очень далеко), а слабой организованностью силъ демократіи. Мы, поэтому должны стараться направить стихійное движеніе по такому пути, по которому легче и прочнѣе всего можно соорганизовать массы. Другой очередной задачей является необходимость закрѣпить связь между 3-мя до сихъ поръ разрозненными силами революціи, крестьянства, войска и пролетаріата. Будемъ имѣть

также въ виду, что въ виду изолированности правительства, опирающагося лишь на помѣстное дворянство и на паразитическіе элементы торговопромышленной буржуазіи, революціонныя выступленія будутъ пользоваться сочувствіемъ значительной части „общества", какъ это было въ октябрѣ и чего не было въ декабрѣ.

Начнемъ съ крестьянства. Газеты сообщаютъ о значительномъ подъемѣ настроенія въ деревнѣ. Крестьянство, только еще пробуждающееся къ политической жизни, прежде всего сталкивается съ тѣми препятствіями, которыя по всюду установлены старымъ режимомъ къ свободному общенію населенія. Партійная организація должна использовать революціонное давленіе крестьянскихъ массъ для снесенія этихъ преуградъ Крестьяне будутъ фактически осуществлять право собраній и слова, смѣщать своихъ выборныхъ властей, если они не на сторонѣ народа, составлять приговоры, формулирующіе ихъ палитическія и соціальныя требованія. На первомъ планѣ слѣдуетъ также поставить образованье выборныхъ массами крестьянскихъ органовъ (какъ-то совѣты крестьянскихъ депутатовъ, крестьянскіе комитеты и пр.) И для этого они дол жны пользоваться опытомъ образованія подобныхъ органовъ въ городахъ. Какъ они возникли тутъ, мы знаемъ· Совѣтъ типографскихъ депутатовъ въ Москвѣ возникъ въ время знаменитой прошлогодней сентябрьской стачечной компаніи типографовъ, какъ руководитель ихъ экономической борьбой. Лишь дальнѣйшее развитіе движенія превратило совѣты въ политическихъ вождей рабочаго класса. Наблюдая Московскій Совѣтъ депутатовъ, возникшій въ послѣднюю послѣдумскую забастовку, можно было замѣтить слабую связь массы съ депутатами. Это разница въ значительной степени объясняется тѣмъ, что прошлой осенью рабочіе сжились съ своими депутатами, которые являлись ихъ представителями во всѣхъ мелочахъ фабричной жизни, ставъ такимъ образомъ близкими самымъ

отсташимъ эмементамъ въ своей средѣ. Что касается деревни, то имѣющіяся свѣдѣнія указываютъ, что и тамъ организаціи возникаютъ на почвѣ стачечной борьбы съ помѣщиками за лучшія условія труда, за пониженіе арендной платы, и что ихъ сила растетъ въ зависимости отъ успѣшности этой борьбы. Безусловно считая необходимымъ для развитія движенія сущесвованіе крестьянской организаціи, мы должны слѣдовательно агитировать и вызывать въ крестьянствѣ стачечную борьбу съ помѣщиками. Ввиду прекращенія полевыхъ работъ эта борьба не можетъ быть интенсивной, но все-таки объекты для этой борьбы имѣются. Начинаютъ дѣйствовать различныя сельскохозяйственные заводы, винокуренные, пивоваренные. сахарные и т. д; во многихъ помѣстьяхъ теперь идетъ молотьба. Далѣе близится зима, когда крестьяне начинаютъ снимать помѣщичью землю за деньги и отработки. Нужно подготовить къ этому времени крестьянскую массу, организуя ее для борьбы за пониженіе арендныхъ цѣнъ и уменшеніе отработковъ. Подобнаго характера борьба несомнѣнно вовлечетъ въ движеніе самые отсталые слои деревни, внесетъ въ это движеніе значительные элементы организаціи. Образующіяся на стачечной почвѣ организаціи должны быть использованы для проведенія такихъ формъ борьбы, какъ отказъ отъ участія въ землеустроительныхъ коммиссіяхъ, бойкотъ крестьянскаго банка. Послѣднее особенно важно въ виду попытокъ правительства черезъ посредство крестьянскаго банка съ одной стороны сбыть за приличную цѣну казенныя, удѣльныя и кабинетскія земли, а съ другой разбить крестьянское движеніе, удовлетворивъ земельную нужду болѣе состоятельныхъ слоевъ крестьянства. На выборные крестьянствомъ органы должны быть перенесены цѣлый разъ судебныхъ и административныхъ функцій, бойкотируя такимъ образомъ оффиціальныя власти. Какъ видимъ, созданныя въ цѣляхъ стачечной борьбы организаціи немедленно станутъ органами борьбы по-

литической, поставивъ передъ самымъ темнымъ мужикомъ (ибо и этотъ самый темный мужикъ будетъ участвовать въ стачкѣ) вопросъ о связи между его экономическимъ положеніемъ и основами современнаго политическаго строя. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность стачечныхъ организацій вызоветъ сильнѣйшія репрессіи со стороны реакціи. Это не должно смущать насъ. Стачечная борьба тѣмъ и отличается отъ другихъ формъ крестьянской борьбы (захватъ земель и т. д.), что требуя для своего проведенія максимума организованности, она даетъ возможность въ случаѣ даже неудачи отступать въ полномъ порядкѣ, не вызывая реакціи въ только что проснувшихся массахъ, а наоборотъ, усиливая ихъ стремленія къ борьбѣ. Въ большинствѣ же случаевъ имъ удается добиться сравнительно серьезныхъ результатовъ, ибо помѣщику гораздо легче съ помощью казаковъ согнать крестьянъ съ своихъ полей, нежели изо дня въ день гонятъ ихъ на работу на невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. Уступки же помѣщиковъ повышаютъ популярность стачечныхъ организацій и превращаютъ ихъ въ политическихъ руководителей крестьянской массы. Мы позволимъ себѣ подчеркнуть еще одну выгодную сторону стачечной борьбы въ деревнѣ, интересную особенности для рабочихъ. Какъ мы знаемъ, заграницей городскіе рабочіе въ своей борьбѣ за свободу стачекъ и коалицій, за сокращеніе рабочаго времени и т. д. не встрѣчали сколько нибудь серьезной поддержки въ деревенскихъ массахъ, ибо эти вопросы были для нихъ совершенно чужды. Вѣроятно, съ завершеніемъ нашей революціи это въ значительной степени будетъ имѣть мѣсто и у насъ. Съ надѣленіемъ крестьянства землей на болѣе или менѣе длительное время потеряетъ свое значеніе аренда частновладѣльческихъ земель, а слѣдовательно и стачка, какъ форма борьбы за лучшія арендныя условія. На первое время уменьшится употребленіе наемнаго труда въ деревнѣ, ибо исчезнутъ такія формы его какъ отработочный трудъ. По-

этому важно использовать теперешній революціонный періодъ для развитія стачечной борьбы въ деревнѣ, чтобы создать въ мужикѣ импульсы къ отстаиванью въ процессѣ революціи вмѣстѣ съ городскими рабочими право союзовъ, стачекъ, нормировки рабочаго дня, отвѣтственности предпринимателей. Само собой разумѣется, что мы должны связывать стачечные органы между собою и съ городскими рабочими организаціями и затѣмъ выдѣлять внутри самыхъ организацій пролетарскіе и полупролетарскіе элементы. Придавая такое огромное значеніе стачечной борьбѣ въ виду ея организующаго характера, мы этимъ отнюдь не думаемъ, что движеніе ограничется этой формой борьбы, что оно не вырозится и въ болѣе агрессивныхъ формахъ какъ то: захватѣ помѣщичьихъ земель, изгнаніи властей. Что касается захвата земель, то обычно въ эту сторону, равно какъ и на разрушеніе помѣщичьихъ усадьбъ безсознательно направляются первые удары стихійно поднимающейся деревни. Поскольку это происходитъ совершенно истинктивно и эпизодически, захватъ земель имѣетъ лишь вредныя послѣдствія, не говоря уже о категорически запрещенномъ Объед. Съѣздомъ аграрномъ террорѣ, и мы должны удерживать отъ нихъ крестьянскую массу, направлять ея энергію по руслу организованной борьбы. Частичные захваты земель, производимые обычно стихійно, безъ всякой предварительной организаціи, вызываютъ немедленное нашествіе карательныхъ экспедицій. Движеніе разбивается, не оставляя послѣ сябя организаціонныхъ слѣдовъ, и создавая среди ошеломленныхъ и рагромленныхъ съ перваго же шага крестьянъ атмосферу, враждебную всякой агитаціонной и организаціонной работѣ. Захватъ земель, изгнаніе помѣщиковъ и властей, какъ средства борьбы, можно признать цѣлесообразными лишь тамъ, гдѣ крестьяне уже значительно съорганизованы и ясно сознаютъ какъ цѣль, такъ и возможныя послѣдствія этихъ формъ борьбы. Нѣтъ

сомнѣнія, что крестьяне сознательно пойдутъ по этому пути лишь тогда, когда они встрѣтятъ поддержку на значительномъ пространствѣ, и когда это выступленіе будетъ носить массовый характеръ. Примутъ они вовниманіе также и настроеніе мѣстныхъ войскъ. Если всѣ эти условія складываются благопріятно, то подобная форма частичныхъ выступленій раціональна и можетъ стать исходнымъ пунктомъ широкаго массоваго движенія. Организованная деревня въ цѣляхъ самозащиты начнетъ разбирать рельсовые пути, давъ тѣмъ самымъ толчекъ къ желѣзнодорожной забастовкѣ.

Замѣтимъ кстати, что подобное начало желѣзнодорожной забастовки лежитъ и въ основѣ плана Всер. Желѣзнод. Союза.

Образующаяся такимъ путемъ боевая атмосфера создаетъ затѣмъ подходящія условія для перехода мѣстныхъ войскъ на сторону народа. Движеніе можетъ расшириться и принять всероссійск. характеръ. Мы, конечно, допускаемъ, что это движеніе можетъ быть разбито, но все-таки, захватывая значительную территорію, оно истощитъ силы реакціи, нанесетъ ей хотя и частичный, но чувствительный ударъ. Избѣгать подобныхъ выступленій, разъ мы признаемъ, что возстанія назначать нельзя, значитъ вообще отказываться отъ наступательной борьбы. Бо́льшихъ же гарантій противъ карательныхъ экспедицій и пораженія, какъ организованность крестьянъ, сочувствіе мѣстныхъ войскъ, массовый характеръ движенія и его значительное распространеніе,—не имѣется.

Мы тутъ же считаемъ полезнымъ сказать нѣсколько словъ о проведеніи лозунговъ выборгскаго воззванія, какъ затрагивающихъ главнымъ образомъ деревню. Изъ этихъ лозунговъ одинъ—о неплатежѣ податей по своему значенію гораздо ниже второго — объ отказѣ отъ рекрутчины. Неплатежъ податей какъ государственныхъ, такъ и земскихъ сталъ у насъ явленіемъ хроническимъ. Кромѣ того, прямые налоги у насъ вообще играютъ небольшую роль. Тѣмъ силь-

нѣе выдвигается зато, какъ средство борьбы—рекрутская компанія. Каковы бы ни были послѣдствія этой компаніи, агитація по поводу ея не пройдетъ безслѣдно ни для деревни, ни для самихъ рекрутовъ. Но способъ проведенія компаніи долженъ сообразоваться съ конкретными условіями отдѣльныхъ мѣстностей. Полезнымъ для освободительнаго движенія былъ бы лишь отказъ *массы* крестьянской давать солдатъ. Другая форма, какъ уклоненіе самихъ рекрутовъ отъ явки, была бы вредной, ибо она не вовлекаетъ въ борьбу самого населенія, не охватываетъ менѣе сознательныхъ изъ среды самихъ новобранцевъ. Притомъ, если разсчитывать на революціонную силу самихъ рекрутовъ безъ помощи населенія, то она лучше будетъ использована послѣ распредѣленія ихъ по полкамъ, когда они будутъ вооружены, и сумѣютъ увлечь за собою и старыхъ солдатъ. Въ такихъ случаяхъ, когда массовый отказъ поставлять рекрутовъ не можетъ быть проведенъ, предпочтительнѣе использовать компанію въ смыслѣ демонстративномъ: требовать отъ рекрутовъ присяги не стрѣлять въ народъ, переходить на его сторону и устраивать для этой цѣли шествія, демонстраціи и т. д. Что касается полнаго осуществленія лозунга—«ни одного солдата правительству», то не должно скрывать отъ крестьянъ, что это вызоветъ сильнѣйшія репрессіи. Здѣсь примѣнимо то же, что мы говорили выше о захватѣ земель, изгнаніи властей. Какъ и тамъ, не слѣдуетъ взвинчивать крестьянъ и толкать отдѣльныя деревни или уѣзды подъ огонь разсвирѣпѣвшей реакціи. Лишь тогда, когда есть увѣренность, что движеніе охватитъ одну или нѣсколько губерній и приметъ массовый характеръ, можно приступить къ проведенію отказа поставлять рекрутовъ. Судя по имѣющимся даннымъ, этотъ отказъ можетъ быть лишь частичнымъ. Не можемъ, кстати, не отмѣтить противорѣчія въ планахъ тѣхъ, кто съ одной стороны во имя всенароднаго вооруженнаго возстанія осуждаетъ частичныя

массовыя выступленія, а съ другой стремится реализовать выборгское возваніе.

Также какъ среди крестьянства неизбѣжны и желательны частичныя выступленія войска. Опытъ прошлаго убѣдительно доказываетъ, что несмотря на разложеніе дисциплины и на революціонное настроеніе части арміи, большинство войскъ еще не готово къ переходу «по сигналу» на сторону народа. Поэтому всяческія выступленія солдатъ, которыя способствуютъ пробужденію въ нихъ чувства протеста имѣютъ положительное значеніе. Агитація среди солдатъ за предъявленіе и отстаиваніе своихъ солдатскихъ требованій, за устройство митинговъ для обсужденія своихъ и общественныхъ дѣлъ не можетъ не служить дѣлу сближенія арміи и революціоннаго народа. Желательно вынесеніе и представленіе резолюцій о солидарности съ народными требованіями и объ отказѣ нести полицейскую службу. Въ процессѣ этой борьбы легче создать массовую организацію изъ пользующихся общимъ довѣріемъ солдатъ. Что касается рѣшительныхъ выступленій войска, то лишь при сообразованіи ихъ съ движеніемъ рабочихъ, крестьянъ и другихъ слоевъ данной мѣстности они будутъ содѣйствовать освободительному движенію. Если населеніе выступаетъ пассивно, то и солдаты должны прибѣгать лишь къ демонстративнымъ формамъ протеста, и лишь, когда мѣстное населеніе готово перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, войско, сочувствующее народу открыто перейдетъ на его сторону. Внѣ тѣсной связи съ движеніемъ рабочихъ и крестьянъ возстаніе солдатъ неминуемо кончится пораженіемъ.

Переходя къ формамъ борьбы пролетаріата, мы и здѣсь должны сказать, что и ему воздерживаться отъ всякихъ формъ борьбы впредь до всенароднаго возстанія было бы нелѣпо, ибо осудило бы его на бездѣятельность въ теченіе неопредѣленнаго времени. Со времени роспуска Думы, несмотря на неудачу іюльской забастовки, пролетаріатъ не прекращаетъ

своей стачечной борьбы. Въ этой статечной борьбѣ замѣтно теперь больше планомѣрности, благодаря росту профессіональныхъ союзовъ, которые въ свою очередь еще болѣе укрѣпляются въ процессѣ этой борьбы. Большая организованность сдѣлала стачки болѣе продуктивными и завоеванія болѣе прочными. Подобныя стачки не только не истощаютъ рабочихъ, но сплачиваютъ ихъ силы, укрѣпляютъ ихъ классовую солидарность и развиваютъ ихъ политическое самосознаніе. Нѣтъ никакихъ основаній отказываться во имя схемы отъ подобнаго рода борьбы. Относительно другихъ выступленій пролетаріата, мы, исходя изъ того, что ближайшей задачей пролетаріата—укрѣпить свою идейную и организаціонную связь съ деревней и войскомъ, считаемъ необходимымъ агитировать среди пролетаріата за немедленное выступленіе, хотя бы напр. въ видѣ демонстративной стачки, въ тѣхъ случаяхъ, когда окрестная мѣстность широко охвачена крестьянскимъ или солдатскимъ движеніемъ. Это дастъ возможность пролетаріату помочь крестьянамъ и войску осмыслить общее положеніе и усвоить лозунги движенія.

Кромѣ этихъ случаевъ мы должны весьма осторожно относиться къ выступленіямъ пролетаріата. Никакого навязыванья, никакого вспышкопускательства — таковъ долженъ быть девизъ партіи. Частичныя выступленія въ городахъ допустимы лишь тогда, когда какое либо политическое событіе подѣйствовало на всю массу, вызвавъ въ самыхъ инертныхъ ея слояхъ желаніе реагировать, и когда выступленіе пролетаріата будетъ пользоваться не только сочувствіемъ, но и активной поддержкой другихъ слоевъ населенія. Въ подобныхъ случаяхъ мы нисколько не считаемъ себя связанными той будто бы истиной, что стачка-демонстрація изжила себя. Примѣръ Польши, Кавказа (напомнимъ стачку въ Баку) показываетъ, что даже въ этихъ въ высшей степени революціонныхъ и подверженныхъ наибольшимъ репрессіямъ мѣстностяхъ демон-

стративная стачки еще не исчерпало своего революціонизирующаго значенія и, удачно проведенная способствуетъ сплоченію массъ. Вотъ почему мы считали ошибкой напр, .со стороны петербургскихъ рабочихъ, что увлекшись политикой о вредѣ всякихъ выступленій, кромѣ стачки-возстанія, они оттолкнули отъ себя темные слои рабочихъ, когда тѣ, пробужденные разгономъ Думы отъ политической спячки, хотѣли какимъ либо выступленіемъ засвидѣтельствовать свое сочувствіе революціи. Вмѣсто того, чтобы придать движенію планомѣрное и цѣлесообразное направленіе въ видѣ напр. демонстративной стачки, они попросту сорвали забастовку, вызвавъ так. обр. въ бывшихъ «черносотенцахъ» озлобленіе къ «сознательнымъ», по стопамъ которыхъ они хотѣли впервые выступить. Мотивъ питерскихъ рабочихъ съ виду чрезвычайно революціонный („мы не пойдемъ на демонстрацію, а лишь на вооруж. возстаніе“), тѣмъ не менѣе задача передовыхъ революціонеровъ неусвоена еще питерцами, ибо эта задача состоитъ въ томъ, чтобы не только сражаться самимъ, но научить бороться всю массу.

Абсолютный отказъ отъ частичныхъ массовыхъ выступленій неминуемо приводитъ къ стремленію реализовать энергію пролетаріата въ формѣ партизанскихъ дѣйствій. Нѣтъ надобности останавливаться на вредѣ этой формы борьбы. Отвлекая отъ постоянной задачи организаціи массъ, въ сильнѣйшей степени затрудняя массовую работу, вызывая панику въ населеніи, благодаря крутымъ репрессіямъ, неизбѣжно слѣдующимъ за первыми попытками „партизановъ“, эта борьба не укрѣпляетъ, а расшатываетъ политическія позиція рабочаго класса. Въ лучшемъ случаѣ истомленное правительство протянетъ руку либераламъ на условіяхъ совмѣстной борьбы съ революціонерами, партія же, забросивъ массовую работу и увлекшись дѣйствіями „въ одиночку“ не создастъ въ пролетарскихъ массовыхъ организаціяхъ опоры для борьбы съ соединенными силами контръ-революціи и для использованія

болѣе свободныхъ условій политической дѣятельности. Логика партизанскихъ дѣйствій, проповѣдуемыхъ той частью партіи, которая всегда обвиняетъ другихъ въ прислужничествѣ буржуазіи, такимъ образомъ фатально толкаетъ рабочую массу къ вытаскиванію изъ огня каштановъ для либеральной буржуазіи. Надо имѣть также ввиду, что партизанская борьба, нося въ значительной степени анархическій характеръ, является особенно вредной въ настоящее время, когда объективныя условія и безъ того создаютъ въ массахъ предрасположеніе и къ анархическимъ теоріямъ и къ анархическимъ формамъ борьбы.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія пути, по которымъ желательно направить стихійное движеніе массъ. Мы полагали, что лишь подобное активное и цѣлесообразное использованіе революціонной энергіи массъ сдвинетъ нашу революцію съ мертвой точки, на которой она остановилась теперь. Пассивное выжиданіе, сопровождаемое кадетскими воздыханіями по Думѣ или ленинскими воздыханіями по всенародному вооруженному возстанію лишь вредило бы революціи и вело бы къ безполезной тратѣ силъ. Скажемъ болѣе, подобная тактика не только не приближала бы, но все болѣе отдаляло бы возможность единовременнаго всенароднаго рѣшительнаго выступленія. Подготовлять его значить разбивать иннертность массъ, втягивать ихъ въ политическую жизнь, пріучать ихъ къ революціонной самодѣятельности. Въ атмосферѣ мертваго спокойствія подобной работы выполнять нельзя, ибо массы организуются только въ процессѣ борьбы. Это доказано всей исторіей нашей революціи. Частныя массовыя выступленія даютъ толчекъ къ самоорганизаціи населенія, и потому онѣ болѣе, чѣмъ всякіе бумажные планы, соглашенія и словесныя заклинанія подготавливаютъ рѣшительное выступленіе.

Несомнѣнно, ближайшимъ послѣдствіемъ подобной наступательной тактики будутъ уступки со стороны правительства въ видѣ, напр., объявленія выборовъ

въ Думу. Какъ мы должны относиться къ подобному шагу правительства? Бывшіе бойкотисты, вынужденные жизнью, если не итти впередъ, то по крайней мѣрѣ ковылять вслѣдъ за ходомъ революціи, теперь отказываться отъ бойкота, но не безусловно. Выборы и теперь еще, по ихъ мнѣнію, могутъ повредить революціи, если они будутъ пріурочены къ подъему настроенія въ населеніи. „Если будетъ сильное движеніе, можно будетъ попытаться раздробить его, назначивъ временно выборы, *отманивъ этими выборами тѣхъ или иныхъ трусовъ или простачковъ отъ прямой революціонной борьбы*" (Пролетарій № 1. Курсивъ нашъ). Такъ разсуждаетъ правительство, и правильно разсуждаетъ, прибавляютъ бойкотисты. Сразу возникаетъ вопросъ. Съ какихъ это поръ «трусы и простачки" стали участвовать въ прямой революціонной борьбѣ? И затѣмъ, представляютъ ли эти герои такую цѣнность для дѣла возстанія, чтобы къ нимъ приспособлять тактику пролетаріата? Поневолѣ вкрадывается сомнѣніе, не подразумѣваются ли подъ „трусами и простачками" всѣ, кто еще не проникся идеей стачки-возстанія, какъ единственной формы борьбы. Такихъ по нашему мнѣнію огромное большинство. Байкотисты полагаютъ, что выборы уменьшатъ значеніе этихъ послѣднихъ для дѣла революціи. Мы думаемъ какъ разъ наоборотъ. Мы уже указывали, что въ предстоящемъ подъемѣ элементы стихійности будутъ еще очень сильны. Главнѣйшій участникъ борьбы—крестьянство, вѣроятно, нанесетъ серьезные удары старому режиму, но использовать ихъ въ своихъ интересахъ, въ интересахъ демократіи не сумѣетъ въ полной мѣрѣ именно вслѣдствіе малой сознательности и неорганизованности. Выборы могли бы въ огромной мѣрѣ помочь этой бѣдѣ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше настроеніе массъ. Активная масса отстоитъ и право собраній, союзовъ и слова, отстоитъ оно и своихъ лучшихъ людей. Въ моментъ революціоннаго броженія населеніе гораздо скорѣе оріентируется въ отношеніяхъ

между различными партіями, и это дастъ возможность революціонной демократіи закрѣпить свое вліяніе въ крестьянской средѣ. Наконецъ, выборы въ такихъ условіяхъ даютъ возможность создать рядъ коррективовъ къ недостаточному представительству, въ видѣ рабочихъ и крестьянскихъ съѣздовъ, коллегій выборщиковъ и уполномоченныхъ. Составъ Думы при такихъ условіяхъ можетъ получиться весьма революціонный, если имѣть ввиду, что и прошлая Дума, избранная въ моментъ революціоннаго отлива и господства бойкота насчитывала все же около 100 трудовиковъ и 14 рабочихъ депутатовъ, примкнувшимъ къ соц.-дем. фракціи. Такая Дума, сильная своими связями съ населеніемъ, ставя на обсужденіе важнѣйшіе вопросы нашей политической жизни во всей ихъ остротѣ, не стараясь затушевать непримиримой вражды между народомъ и господствующимъ режимомъ, соберетъ вокругъ себя силы революціи, сдѣлаетъ Лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія дѣйствительно понятнымъ и близкимъ всему населенію и къ моменту разгона—если правительство попытается прибѣгнуть къ нему вторично—станетъ тѣмъ дѣйствительнымъ центромъ революціи, какимъ не могла стать въ полной мѣрѣ прошлая Дума, отчасти благодаря бойкоту, главнымъ же образомъ благодаря малой сознательности населенія.

Вотъ почему мы не боимся выборовъ и считаемъ подобную боязнь отрыжкой прежнихъ бойкотистскихъ разсужденій.

Мы предвидимъ, что насъ могутъ обвинить въ стремленіи принизить революцію, заранѣе урѣзать лозунги и формы борьбы. Мы не боимся подобныхъ обвиненій. Мы исходимъ изъ того несомнѣннаго факта, что лозунгъ Учред. Собранія еще не усвоенъ массами и въ соотвѣтствіи съ этимъ намѣчали дальнѣйшее направленіе борьбы. Учредительное Собраніе дѣйствительно полновластное, будетъ означать огромный переворотъ въ нашихъ политическихъ и соціальныхъ

отношеніяхъ. Ему должна предшествовать коренная ломка укоренившихся въ массахъ традиціонныхъ понятій и усвоеніе новыхъ политическихъ идей. Эта работа политической мысли уже началась, но она еще далеко не закончена. Принижаетъ революцію тотъ, кто полагаетъ, что эта „революція умовъ“ уже завершена и что нашъ „самый темный мужикъ“ уже обладаетъ той сознательностью, какая необходима для побѣдоноснаго исхода Великой Россійской Революціи.

С. Семеновъ.

Объ элементахъ анархіи въ русской революціи.

Длительный и затяжной характеръ русской революціи не могъ не способствовать развитію элементовъ анархіи въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія. Въ періодъ затишья, когда борьба лишается своей организаціонной планомѣрности, когда волна нападенія разбивается о вновь нагроможденную плотину стараго режима, ,,пропаганда дѣйствіемъ" начинаетъ обольщать самыя безсознательныя части населенія. Кризисъ, безработица, ожесточенная вражда, контръ-революціонныя звѣрства являются той средой, на которой пышно произрастаетъ бацилла анархіи. Къ этому нужно еще присовокупить децентрализованность русской революціи, обусловленную громадностью площади дѣйствій, разнообразіемъ мѣстныхъ, національныхъ и бытовыхъ условій, мѣщающихъ по своей природѣ организаціонному единству. Нельзя также упустить изъ виду еще слѣдующаго обстоятельства. Русская революція по мѣрѣ своего развитія захватываетъ все болѣе широкіе слои населенія. Она выдвигаетъ лозунги, притягивающіе не только наиболѣе организованные, дисциплинированные пролетарскіе ряды, но и крестьянскіе и мелкобуржуазные слои населенія. Соціалдемократія, этотъ авангардъ пролетарскаго движенія, представляющая собой наиболѣе культурную и организованную партію, строящую свои предпосылки на базисѣ научнаго соціализма, не можетъ по самой своей природѣ распространить свое идейное и организаціонное вліяніе на всѣ слои населенія безъ того, чтобы самой не раствориться въ хаосѣ революціи. Только Дума могла переработать разнообразныя стремленія, желанія, порывы въ общую

организованную волю, только она служила той національной лабораторіей, которая синтезировала разрозненныя дѣйствія. Она пробудила къ политической жизни милліоны прозябавшихъ, инертныхъ, смиренныхъ и покорныхъ и сдѣлалась для нихъ организующимъ центромъ. Правда она только сдерживала, но не прекращала дезорганизаторскія вспышки анархической борьбы. Для этого ей недоставало ни полноты власти, ни послѣдовательной демократичности, чтобы дѣйствительно удовлетворить потребности населенія и искоренить тѣ самыя причины, которыя вызвали анархическую смуту. А эти причины лежали за предѣлами думской дѣятельности. Но Дума боролась за власть и эта борьба привлекала массы. Съ ея же роспускомъ расторглась та связь, которая скрѣпляла населеніе единствомъ общихъ интересовъ, исчезъ фокусъ выраженія народной воли, и революціонная энергія, не находя себѣ исхода въ центростремительныхъ согласованныхъ и планомѣрныхъ дѣйствіяхъ, начинаетъ выливаться въ форму центробѣжныхъ разрозненныхъ— стремленій. Элементы хаоса не улегшіеся и во время Думы, съ новой силой приходятъ въ броженіе послѣ ея разгона. Поднимается соціальная муть. Когда нужда стягиваетъ кольцомъ обывателя, когда расправа судовъ-экспрессовъ и карательныхъ экспедицій ожесточаетъ населеніе, когда промышленность поражена общимъ параличемъ, ряды анархіи плотнѣютъ. Въ эти кадры войдетъ и уволенный почтово-телеграфный чиновникъ и выбитый изъ колеи желѣзнодорожный служащій, и укрывающійся отъ преслѣдованія начальства дезертиръ и безработный фабричный. Всѣ эти слои, доведенные кризисомъ и гнетомъ до нищеты и нищетой до отчаянія, теряютъ равновѣсіе и руководящую нить. Часть поглощаетъ цѣлое, ближащее заслоняетъ отдаленное.

Волна анархіи катится, и соціаль-демократія должна употребить всѣ усилія, чтобы эта волна не увлекла за собою здоровыя части пролетаріата, чтобы сирены экспропріаціи и партизанскихъ выступленій не внесли своей деморализаціи въ ряды рабочихъ массъ.

Одной изъ самыхъ примитивныхъ формъ анархіи являются такъ называемыя экспропріаціи частнаго имущества. Нападаютъ на лавки, магазины, на отдѣльныхъ прохожихъ съ оружіемъ и производятъ «отчужденіе».

Трудно представить, чтобы экспропріаторы руководствовались при этомъ какими нибудь теоретическими соображеніями.

Теорія анархистовъ говоритъ объ экспропріаціи и предметовъ потребленія во время соціальной революціи, и эта теорія приспособляется къ вожделѣніямъ анархистовъ. Такъ, Кропоткинъ слѣдующимъ образомъ аргументируетъ необходимость экспропріаціи предметовъ потребленія. «Для человѣка работающаго, отопленная и освѣщенная комната является такимъ же средствомъ производства, какъ какой-нибудь инструментъ или машина... По отношенію къ пищѣ это еще очевиднѣе. Тѣмъ якобы экономистамъ, о которыхъ мы говоримъ, никогда не приходило въ голову утверждать, что уголь, сгорающій въ машинѣ, не входитъ въ число предметовъ столь же необходимыхъ для производства, какъ и сырой хлопокъ или желѣзная руда. Почему же пища, безъ которой человѣческая машина не способна ни на малѣйщее усиліе, исключается изъ предметовъ необходимыхъ для производителя». *)

Если бы анархическій экономистъ былъ бы послѣдовательнымъ, то онъ долженъ былъ ограничиться требованіемъ экспропріаціи только тѣхъ предметовъ потребленія, которые возстанавливаютъ рабочую силу ибо только они, согласно мысли Крапоткина, могутъ быть приравнены къ орудіямъ производства. Обильный обѣдъ богача, богатые туалеты, предметы роскоши, по признанію самого Крапоткина, не могутъ входить въ составъ предметовъ, необходимыхъ для производства. Но что же тогда остается экспропріировать, только то, что безъ того экспропріируется капиталомъ въ пользу труда, ибо поскольку дѣло идетъ о возстановленіи рабочей силы, то въ этомъ не меньше, чѣмъ теоретикъ анархизма, заинтересованъ самъ

*) Крапоткинъ. Безначальный коммунизмъ и экспропріація.

предприниматель. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не столько «теорія», сколько психологическое воздѣйствіе «теоріи» на практиковъ. Крапоткинъ пріурочиваетъ экспропріацію къ соціальной революціи, а на нашихъ глазахъ совершается политическая буржуазная революція. Но и здѣсь «теорія» выручаетъ практиковъ.

Анархистъ стираетъ грань между соціальной и политической революціи. Экспропріація какой-нибудь отрасли немыслима для него безъ экспропріаціи всѣхъ отраслей производства. «Если крестьянинъ освободится отъ барина,—пишетъ тотъ же Крапоткинъ,—а въ то же время промышленность не освободиться отъ власти капиталиста, купца и банкира, то результата не получится никакого».

Такъ какъ современная революція происходитъ подъ знакомъ экспропріаціи земельной собственности, то очевидно „для полученія результата“ требуется уже экспропріировать всякую иную частную собственность. Остается еще одно затрудненіе для „практиковъ“. Крапоткинъ говоритъ о всеобщей экспропріаціи, но вѣдь предикатъ „всеобщій“ можно пропустить во славу потребленія тѣмъ болѣе, что всеобщую экспропріацію можно разсматривать какъ совокупность частныхъ конфискаціи. Чѣмъ чаще онѣ будутъ практиковаться, тѣмъ ближе къ идеалу «всеобщей». Вотъ тѣ предпосылки, на которыя могли бы ссылаться теоретики практикующихся въ широкихъ раазмѣрахъ экспропріацій.

Анархисты въ экспропріаціи видятъ экономическія выгоды, которыя имъ сулитъ соціальная революція, и которой, по ихъ мнѣнію, не даетъ имъ политическая буржуазная революція. Проповѣдуя политическій индифферентизмъ, воздержаніе отъ активнаго участія въ общественной жизни, они воображаютъ, что стоятъ на стражѣ истинныхъ интересовъ рабочаго класса, доставляя ему непосредственныя экономическія выгоды конфискаціей частнаго имущества.

Наигрывая на демагогическихъ струнахъ о тщетѣ политики, о буржуазной природѣ парламентаризма, они стараются внушить рабочему классу, что классовая борьба

пролетаріата должна преслѣдовать чисто экономическія цѣли. Но проповѣдуя политическую нирвану, анархисты своей революціонной фразеологіей только усыпляютъ пролетарскую бдительность; обольщая экспропріаціями, они отравляютъ идейнымъ опіумомъ сознаніе рабочихъ, притупляютъ ихъ классовую чувствительность, дезорганизируютъ и деморализируютъ ихъ.

Дѣло не въ томъ, чтобы экспропріировать отдѣльныхъ капиталистовъ, а въ томъ, чтобы расшатать самый принципъ собственности. Анархисты-коммунисты, реагируя своими экспропріаціями на эксплуатацію, создаютъ только иллюзію экономической борьбы.

Экспропріируемый собственникъ, сохраняя за собой всѣ средства производства, можетъ съ лихвой возвратить ограбленное имущество, а на мѣсто выбывшаго изъ строя предпринимателя является изъ нѣдръ капиталистическаго строя другой.

Буржуазія прекрасно понимаетъ, въ чемъ источникъ ея власти, и приспособила механизмъ государственной власти къ собственнымъ потребностямъ. Удерживая свое господство въ государствѣ, она можетъ угнетать безпрепятственно, можетъ сохранить въ неприкосновенности институтъ «священной» частной собственности. Только на радость буржуазіи можно проповѣдывать политическій индифферентизмъ. Она прекрасно используетъ воздержаніе отъ политики, чтобы освободить себя отъ всякаго воздержанія отъ насилія и гнета. Пусть не вмѣшиваются рабочіе въ законодательство страны, буржуазія создастъ каторжные законы, пусть не примутъ участія въ государственномъ строительствѣ, они не получатъ необходимой школы классоваго воспитанія. Только устремляясь къ источнику власти, только организуясь для вліянія на власть, пролетаріатъ сумѣетъ выбить орудіе изъ рукъ противника и занять позицію, соотвѣтствующую колоссальнымъ жертвамъ, принесеннымъ имъ на алтарь освободительной борьбы.

Но даже съ точки зрѣнія непосредственныхъ экономическихъ интересовъ, экспропріаціи ничего не даютъ рабо-

чему классу. Организація—это нервъ всякой общественной жизни. Экспропріаціи въ принципѣ отрицаютъ организацію. Стачка это не только орудіе борьбы, но и школа борьбы. Стачка даетъ наглядный урокъ о классовой противоположности труда и капитала, о необходимости солидарности и сплоченности, о связи, существующей между экономическими условіями и юридическими правовыми нормами. Стачка—это иллюстрированная азбука для усвоенія рабочими политической грамотности. Можетъ ли даннымъ цѣлямъ служить экспропріація? Она создаетъ непримиримость, но не труда и капитала, а отдѣльныхъ фабрикантовъ и отдѣльныхъ рабочихъ, а сплоченность и солидарность являются лишь праздной бутафоріей тамъ, гдѣ дѣйствуетъ бомба или браунингъ.

Это возвеличеніе вульгарнѣйшаго экономизма насчетъ политической борьбы проходитъ красной нитью черезъ всю анархистскую тактику и пропаганду. Любопытной иллюстраціей этого извращенія экономической борьбы можетъ послужить прокламація группы анархистовъ-коммунистовъ по поводу Бѣлостокскаго погрома. «Правительству легко было—читаемъ въ прокламаціи—во время политической революціи натравить безсознательныхъ рабочихъ одной національности на другую, потому что политическая революція не даетъ рабочему никакихъ экономическихъ улучшеній. Правительству легко было вовлечь безсознательныхъ рабочихъ въ погромъ, такъ какъ, предоставивъ имъ имущество и благостояніе болѣе революціонной націи, оно заинтересовывало ихъ экономически». Далѣе прокламація обращается съ упрекомъ къ революціоннымъ организаціямъ: «Вашей проповѣдью въ пользу не соціальной, а политической революціи, которая ничего не даетъ рабочимъ, вы способствовали тому, что правительству удалось вовлечь часть безсознательныхъ рабочихъ въ погромъ; оно предоставило имъ расхищать имущество евреевъ, дабы для нихъ были осязательнѣе экономическіе результаты погрома, чѣмъ революція. Вотъ, ваши соціаль-демократическія идеи, а не идея всеобщей экспропріаціи способствовали погрому».

Все это говорится по поводу военнаго погрома въ Бѣлостокѣ, гдѣ сотни изуродованныхъ труповъ разоблачаютъ эту демагогическую ложь. Правительство, совершившее погромную экспедицію, вовлекшее съ чисто политическими цѣлями въ контръ-революціонную борьбу армію, устроившее кровавую бойню, имѣло въ виду заинтересовывать рабочія массы экономически!

Впрочемъ экспропріація не является единственнымъ средствомъ экономической борьбы. Такъ, въ Бѣлостокѣ анархисты уже ведутъ профессіональную борьбу и нерѣдко устраиваютъ стачки. Но и въ этой сферѣ экономической борьбы «пропаганда дѣйствіемъ» занимаетъ первенвенствующую роль. Владѣльца предпріятія терроризуютъ бомбами и заставляютъ его, такимъ образомъ, капитулировать. Не твердая воля пролетаріата, не выдержанная стойкость, не сплоченность служатъ залогомъ побѣды, а только средства устрашенія ничтожной кучки «дѣлателей» стачки. И подобно тому, какъ террористическое вымогательство денегъ, точно также террористическое вымогательство уступокъ ведетъ къ дезорганизаціи рабочихъ, къ вытравленію самостоятельности, къ замѣнѣ дѣйствій массъ единичными актами. Успѣхъ, достигнутый такими эффектами, опьяняетъ часто безсознательныя массы легкостью воздѣйствія. Но онъ бываетъ часто эфемернымъ и причиняетъ горькое разочарованіе. Подобныя стачки-бомбы съ такой же легкостью взрываютъ плоды прежнихъ завоеваній и ведутъ къ закрытію предпріятій, къ увеличенію безработицы. И обманутыя массы, имѣвшія неосторожность разъ довѣриться взрывчатымъ рѣчамъ и веществамъ, теряютъ вѣру не только въ анархическую панацею устрашенія, но и во всякую другую планомѣрную борьбу за улучшеніе своего положенія.

Еще одинъ фактъ характеризуетъ стремленіе анархистовъ насаждать солидарность рабочихъ. Бѣлостокскіе анархисты предписали одному владѣльцу не выписывать обуви изъ Варшавы, а открыть собственную мастерскую, чтобы дать работу бѣлостокскимъ рабочимъ. Ихъ нисколько не затруднило, что варшавскіе сапожники ли-

шатся заработка, что варшавскіе фабриканты грозили не выписывать кожи изъ Бѣлостока и, такимъ образомъ, лишить бѣлостокскихъ кожевниковъ работы. Когда владѣлецъ предпріятія отказался исполнить это требованіе, въ его лавку была брошена бомба, въ результатѣ чего магазинъ былъ разрушенъ и нѣсколько пролетаріевъ приказчиковъ лишились заработка.*) Подобное «регулированіе» производства, помимо того, что оно реаціонно утопично въ своемъ стремленіи задержать ростъ производительныхъ силъ, еще грозило вызвать братоубійственую борьбу между самими рабочими.

Таковы проявленія элементовъ анархіи въ сферѣ непосредственной защиты экономическихъ интересовъ рабочаго класса. Въ ней нѣтъ мѣста планомѣрной организаціи, стойкой выдержанности и прочной спайки рабочихъ въ могучую органиѕованную силу. Какь же проявляется анархія въ борьбѣ съ правительствомъ? Сюда должны быть отнесены не только непосредственныя боевыя выступленія и террористическіе акты, но и конфискація казеннаго имущества, поскольку преслѣдуется цѣль не экономическая, а политическая — дезорганизація правительства.

Партизанскія дѣйствія охватываютъ болѣе широкіе круги. Они вербуютъ идейныхъ сторонниковъ не только среди явныхъ апологетовъ анархизма, но и среди «лѣваго» крыла соціаль-демократической партіи.

«Въ общемъ и цѣломъ—пишетъ «Пролетарій» въ № 1—мы считаемъ обостреніе партизанской борьбы въ Россіи послѣ роспуска Думы плюсомъ». Въ этой статьѣ не приводится никакихъ доводовъ въ пользу защищаемаго тезиса. Комментируется только резолюція объединительнаго съѣзда въ духѣ благопріятномъ партизанской борьбѣ. Основываясь на резолюціи съѣзда, «Пролетарій» пишетъ: «Наша партія отвергаетъ одинъ видъ партизанскихъ дѣйствій, признаетъ другой, рекомендуетъ третій». Но вопросъ не въ томъ, что резолюція съѣзда одни виды

*) Volkszeitung. Анархисты за работой.

партизанской борьбы позволяетъ, а другіе виды отвергаетъ, а въ томъ, соотвѣтствуетъ ли резолюція съѣзда тѣмъ формамъ партизанской борьбы, которыя стали практиковаться за послѣднее время. Вся резолюція съѣзда въ общемъ и цѣломъ проникнута отрицательнымъ отношеніемъ къ господствующимъ въ настоящее время формамъ партизанскихъ дѣйствій. То, что съѣздъ позволяетъ, или пріурочено къ моменту рѣшительной борьбы съ правительствомъ, когда партизанскія дѣйствія сливаются съ широкимъ массовымъ движеніемъ, или охватываетъ такія формы борьбы, которыя занимаютъ до сихъ поръ ничтожное мѣсто въ сравненіи съ подавляющимъ количествомъ отрицательныхъ партизанскихъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ссылаться на разрѣшеніе съѣздомъ захвата экипажей для баррикадъ или казеннаго имущества, въ случаѣ образованія органовъ революціонной власти, когда эти виды не могутъ имѣть примѣненія къ моменту переживаемому сейчасъ послѣ роспуска Думы. Къ чему ссылаться на разрѣшеніе захвата оружія, которое очень рѣдко захватывается, на неизбѣжность активной борьбы противъ правительственнаго террора и насилій черносотенцевъ. Но вотъ на что слѣдовало бы обратить вниманіе. Резолюція съѣзда запрещаетъ, даже при оборонѣ, нарушать личную безопасность и частную собственность, дѣлая исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда это является непроизвольнымъ результатомъ борьбы съ правительствомъ. Но можно ли говорить о непроизвольности нарушенія личной безопасности, когда каждый почти партизанскій актъ завѣдомо вызываетъ пальбу по мирнымъ гражданамъ и ужасы бѣлаго террора. Слѣдовательно, стоя на точкѣ зрѣнія постановленія съѣзда, нельзя видѣть плюсъ въ обостреніи партизанской борьбы, нельзя ее считать ни своевременной, ни цѣлесообразной. То, что рекомендуется съѣздомъ, или не имѣетъ примѣненія къ данному моменту или не практикуется; то, что практикуется партизанскими отрядами, безусловно отвергается съѣздомъ. Таковъ истинный смыслъ резолюціи, вытекающій изъ непосредственнаго анализа постановленій

объединительнаго съѣзда. Теперь перейдемъ къ аргументамъ, которые приводятся въ защиту партизанскихъ дѣйствій.

Основная ошибка защитниковъ партизанскихъ выступленій заключается въ томъ, что они чрезмѣрно увлекаются аналогіей съ внѣшней войной. Во внѣшней войнѣ уронъ, причиненный непріятельской арміи партизанскими отрядами не ложится тяжелымъ бременемъ на все населеніе. Пусть партизанскіе отряды разстраиваютъ коммуникаціонную линію, захватываютъ обозы, истребляютъ отдѣльные отряды, вредъ, причиняемый одной воюющей сторонѣ, является прямой выгодой для другой. Этого отнюдь нельзя сказать относительно внутренней войны. Удары партизанской войны падаютъ на правительство, но въ то же время не меньше терпитъ отъ нихъ и все населеніе. На красный терроръ правительство отвѣчаетъ усиленіемъ бѣлаго. Оно обрушивается всей силой репрессій на мирныхъ жителей, лицемѣрно оправдываясь въ глазахъ населенія состояніемъ вынужденной самообороны. За нападеніе на одного агента власти падаютъ невинными десятки и сотни людей. За массовыя убійства въ Варшавѣ войска устроили кровавую бойню и разгромъ цѣлыхъ кварталовъ. Всѣ эти ужасы населеніе невольно ассоціируетъ съ террористическими эксцессами, а измученное, издерганное кровавымъ безуміемъ начинаетъ тяготиться революціей. А между тѣмъ въ періодъ буржуазной революціи очень важно учесть и настроеніе той части населенія, активное или пассивное сочувствіе котораго дѣлу революціи способствуетъ изолированію реакціи.

Партизанскія выступленія, падающія всей своей тяжестью не только на правительственныхъ агентовъ, но и на мирныхъ жителей, грозятъ отшатнуть отъ революціи тѣ слои, которые сами по себѣ заинтересованы въ побѣдѣ освободительнаго движенія. Терроризованный гражданинъ вновь превращается въ обывателя, жаждущаго успокоенія.

Это тѣмъ болѣе нужно имѣть въ виду, что тактика правительства есть вмѣстѣ съ тѣмъ тактика выжиданія.

Оно разсчитытаетъ на усталость обывателя. Оно изморомъ хочетъ взять революцію. Она надѣется, что обыватель, уставшій отъ ужасовъ междоусобной войны, терроризированный дикой вакханаліей черной орды, угрожаемый Дамокловымъ мечемъ карательныхъ экспедицій и военныхъ погромовъ, самъ затоскуетъ по спокойствію, и тогда онъ въ отчаяніи безсилія и безсиліи отчаянія самъ обратится къ правительству за насажденіемъ порядка. Поэтому на обязанности соціаль-демократіи, живѣйшимъ образомъ заинтересованной въ толканіи влѣво равнодѣйствующей общественныхъ силъ, облегчить болѣзненныя переживанія затяжной революціи. Пусть населеніе возложитъ всю отвѣтственность за репрессіи исключительно на власть.

Не сознаетъ этого важнаго обстоятельства авторъ статьи: «Къ событіямъ дня», который въ общемъ и цѣломъ видитъ плюсъ въ обостреніи партизанской борьбы. Сознаетъ это авторъ статьи «Гражданская война», который, однако, не дѣлаетъ соотвѣтствующихъ выводовъ.

«Начинаются—пишетъ онъ,—массовые грабежи и убійства, которые при дальнѣйшемъ ростѣ смогутъ почти порализовать торговлю, разрушить всякое представленіе о личной и имущественной безопасности, ввергнуть страну въ совершенно невыносимое состояніе, и этимъ выяснять съ полной очевидностью безсиліе правительства водворить хоть тѣнь порядка и благопучія даже для имущихъ классовъ. Въ то же время учащаются акты противъ правительственнаго террора, они принимаютъ также массовый характеръ, вызываютъ со стороны полиціи и войска ужасы бѣлаго террора и создаютъ атмосферу безпощаднаго взаимоистребленія борющихся сторонъ, при попутномъ истребленіи нейтральныхъ обывателей *).

Казалось бы, что попутное истребленіе нейтральныхъ обывателей должно вывести послѣднихъ изъ нейтральнаго состоянія и сдѣлать изъ нихъ контръ-революціоную силу,

*) «Пролетарій», № 2-й.

ибо быть попутно истребленнымъ бомбой, браунингами или даже солдатскими ружейными залпами, вызваными послѣдними, значитъ создавать атмосферу, благопріятную реакціи.

Но не такъ разсуждаетъ «Пролетарій». «Не мытьемъ такъ катаньемъ — продолжаетъ онъ. Если революція не можетъ побѣдить въ открытомъ, рѣшительномъ возстаніи — она будетъ работать въ разбивку, разсыпнымъ строемъ и измучитъ противника, *измучитъ и населеніе*. Правительство можетъ долго держаться, истекая кровью отъ «щипковъ» и уколовъ среди отчаянныхъ воплей ополоумѣвшихъ отъ страху нейтральныхъ обывателей, но только держаться, а не побѣдить, ибо уничтожить партизановъ, замирить страну, подавить возстаніе, принявшее эту мучительную форму, не въ состояніи никакое самое хитрое, самое жестокое правительство. Въ этомъ огромное достоинство партизанской войны, она не знаетъ полнаго пораженія, она можетъ тянуться безконечно и создать адъ противнику». Итакъ, измученное населеніе, ополоумѣвшіе отъ страху нейтральные обыватели, по мысли автора, такъ и останутся въ состояніи безразличнаго равновѣсія. На этомъ состояніи авторъ, очевидно, основываетъ всѣ свои надежды, что правительство не сможетъ подавить возстаніе, принявшее эту мучительную форму. Но правительство безсильно, пока оно изолировано, но стоитъ только заручиться содѣйствіемъ измученнаго населенія, и реакціонная клика пріобрѣтаетъ страшную силу для борьбы съ революціонными элементами.

Другое важное обстоятельство нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ партизанскихъ выступленій. Это ихъ неблагопріятное вліяніе на настроеніе арміи. Опытъ революціонной борьбы доказалъ, что ни стачечная борьба, ни вооруженное возстаніе, взятыя въ отдѣльности, не могутъ довести дѣло революціи до побѣдоноснаго конца безъ участія войска. Поэтому было бы безуміемъ, безтактными анархическими эксцессами, возстанавливать противъ себя армію. Эту роль войска прекрасно поняло правитель-

ство, которое всякими средствами старается удержать за собой идейное вліяніе надъ нимъ. Оно вовлекаетъ армію въ контръ-революціонную борьбу, развращаетъ ее карательными экспедиціями и погромами, ведетъ черносотенную пропаганду. Необходимость борьбы за войско сознаетъ и «Пролетарій». Но на ряду съ лозунгомъ борьбы за войско, поются дифирамбы партизанскимъ выступленіямъ, которыя являются лозунгомъ борьбы противъ войска и отдаютъ его подъ идейную гегемонію реакціи. Въ партизанской борьбѣ солдаты падаютъ не только отъ непосредственныхъ нападеній. Солдаты охраняютъ полицію, правительственныя и общественныя зданія. Они падаютъ случайными жертвами въ борьбѣ полиціи и террористовъ, при всевозможныхъ экспропріаціяхъ.

Солдату, съ трудомъ разбирающемуся въ общественныхъ вопросахъ, невозможно провести строгое различіе между убійцей и террористомъ, между грабителемъ и экспропріаторомъ, тѣмъ болѣе невозможно, что онъ самъ становится мишенью нападеній. Въ результатѣ, вмѣсто революціонера in spe, онъ становится преданнымъ слугой реакціи не только за страхъ, но и за совѣсть. Получается «идейная обработка» арміи партизанами... но въ пользу не революціи, а ея злѣйшихъ враговъ.

Подобная идейная обработка совершенно противорѣчитъ той борьбѣ за войско, которую произвелъ пролетаріатъ въ московскіе дни. Съ удивительнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, подъ угрозой казацкихъ плетей и ружейныхъ пуль, рабочіе смѣшивались съ войсками, братались съ ними и, такимъ образомъ, содѣйствовали ихъ переходу на сторону народа. Нерѣдко своимъ геройскимъ мужествомъ и пренебреженіемъ къ смерти они обезоруживали противника.

Апологеты партизанской борьбы очевидно пренебрегаютъ настроеніемъ какъ населенія, такъ и арміи. По ихъ мнѣнію, партизанская борьба можетъ затянуться до безконечности, измучивъ и правительство и населеніе.

Правда, партизанская борьба и по мнѣнію ея защитниковъ не можетъ привести къ рѣшительной побѣдѣ. Для

рѣшительной побѣды требуется рѣшительный ударъ. Но рѣшительный ударъ не можетъ же явиться какъ deus ex machina изъ хаоса общественныхъ отношеній.

Очевидно, партизанская борьба, въ глазахъ ихъ сторонниковъ, является подготовительной ступенью къ рѣшительной борьбѣ. Поэтому товарищи «лѣваго» крыла не очень обезпокоены тѣмъ, что она будетъ долго длиться.

Схема черезъ партизанскую борьбу къ рѣшительному удару является результатомъ переоцѣнки разрозненныхъ революціонныхъ актовъ. Партизанская война качественно принижаетъ революцію, атомизируетъ, распыляетъ ее. Она ведетъ къ гипертрофіи части и атрофіи цѣлаго. Дробленіе цѣлей вызываетъ дробленіе силъ и средствъ. Сила революціи въ ея синтезѣ, въ ея творческомъ строительствѣ, въ ея спаяніи революціонныхъ элементовъ; анархическая борьба раздробляетъ, разваливаетъ ее, разлагаетъ на ея составныя части. Борьба происходитъ не сомкнутыми рядами, а партизанскими выступленіями. Вмѣсто единоборства между господствующей властью и домогающимся власти народомъ, происходятъ многоборства отдѣльныхъ лицъ съ отдѣльными агентами власти.

Партизанскія дѣйствія, выдвигая отдѣльныхъ героевъ, заслоняющихъ собою массы, являются такимъ же вырожденіемъ политической борьбы, какъ анархическій терроръ въ средѣ экономической.

Къ этой переоцѣнкѣ разрозненныхъ революціонныхъ актовъ склонны сѣятели революціонныхъ иллюзій, товарищи «лѣваго» крыла, которымъ, какъ это ни странно съ перваго взгляда, охотно подадутъ руку сѣятели конституціонныхъ иллюзій—кадеты.

Типично для либеральной буржуазіи смѣшеніе понятій «революція» и «анархія». Именно они-то и пугали правительство, что съ роспускомъ Думы ускользаетъ почва для мирнаго улаженія, и что революція, сдерживаемая думскими дебатами, въ видѣ анархическаго террора спустится съ цѣпи. На самомъ же дѣлѣ во время Думы революція росла, организовывалась и захватывала все болѣе широкіе слои. Если Дума что сдерживала, то это только

проявленія безцѣльной разрозненной анархической борьбы. Съ ея же роспускомъ вновь усилилась работа въ разбивку, лишенная какой-нибудь организованности и планомѣрности. Поэтому, видѣть въ партизанскихъ выступленіяхъ плюсъ, смотрѣть на нихъ, какъ на возстаніе, принявшее мучительную форму, значитъ размѣнивать революціонныя цѣли дезорганизаторскими вспышками, массовыя выступленія единичными террористическими актами, революціонный процессъ искусственнымъ дѣланіемъ революціи. Невѣрно оцѣнивъ значеніе партизанскихъ боевыхъ выступленій «Пролетарій» полагаетъ, что они даже могутъ вызвать уступки со стороны правительства. «Правительство, доведенное до отчаянія можетъ столковаться съ верхушками общества даровать какую-нибудь новую *жалкую* конституцію или дать существующей конституціи, запертой сейчасъ въ чуланѣ совершить прогулку по свѣжему воздуху». Съ этой точки зрѣнія оцѣниваютъ событія и кадеты, указывая на необходимость уступокъ, въ виду анархіи со стороны правительства. Но путь партизанскихъ дѣйствій, какъ форма дезорганизаторской борьбы, ведетъ не къ уступкамъ, а къ ужасу бѣлаго террора, къ большимъ и малымъ Сѣдлецамъ, къ военно-полевымъ судамъ, и если бы партизанская борьба затянулась до безконечности, то исходомъ изъ этого кромѣшнаго ада былъ бы не рѣшительный ударъ, а потопленіе революціи въ потокахъ крови при помощи «нейтральныхъ» обывателей и «идейно обрабатываемаго» партизанами войска.

Къ счастью, партизанская борьба не можетъ слишкомъ расти. Правительство послѣ періода репрессій должно итти на уступки. Къ этому оно вынуждается организованными массовыми выступленіями, финансовымъ кризисомъ, нуждой въ займахъ и т. д. Идя на уступки, оно неминуемо сдаетъ свои позиціи непріятелю. Но каждый послѣдующій подъемъ означаетъ втягиваніе въ политическую борьбу неизмѣримо большаго количества массъ въ сравненіи съ предыдущей фазой подъема.

Но, быть можетъ, партизанскія выступленія, недоста-

точно дезорганизуя власть, способствуя отпаденію нѣкоторыхъ слоевъ населенія и войска отъ дѣла революціи все же усиливаютъ позицію тѣхъ, которые остаются вѣрными революціонному знамени. И такой взглядъ находитъ откликъ на страницахъ «Пролетарія». «Та партизанская война,—читаемъ мы,—тотъ массовый терроръ, который идетъ въ Россіи непрерывно, послѣ Декабря, несомнѣнно помогутъ научить массы правильной тактикѣ въ моментъ возстанія».*) Партизанская борьба уже признается, какъ школа для усвоенія правильной тактики въ моментъ рѣшительной схватки со старой властью. Эта мысль находится въ связи съ вопросомъ о пресловутыхъ тройкахъ и пяткахъ — этой idee fixe дѣлателей революціи, этого новаго догмата революціоннаго откровенія.

Кто слѣдилъ за исторіей боевыхъ дружинъ, знаетъ, что онѣ возникали въ моментъ высшаго подъема общественной жизни. Они охраняли митинги и собранія, онѣ отвѣчали тѣмъ потребностямъ, которыя были вызваны открытыми формами политической жизни. Но въ періодъ затишья, въ затхлой атмосферѣ подполья дружинники вырождаются въ экспропріаторовъ, порывающихъ всѣ связи партійной дисциплины. И пусть не ссылаются на то, что партія сама должна отсѣкать босяческое извращеніе партизанской войны. Увы, это извращеніе неразрывно связано съ формами конспиративнаго заговора. Оно становится хронической болѣзнью тамъ, гдѣ нѣтъ въ наличности массовыхъ выступленій, народныхъ движеній, которыя одни только способны очищать отъ скверны хулиганской разнузданности. Пресловутые пятки и тройки должны отойти въ область преданій вмѣстѣ съ другими революціонными иллюзіями. Пусть Каутскій правъ, что Москва выдвинула вопросъ о пересмотрѣ баррикадной тактики. Пусть пулеметы и артиллерія дѣлаютъ безсмысленной защиту баррикадъ съ револьверами въ рукамъ, но отсюда далеко еще до санкціи партизанской войны, до освященія борьбы немногихъ за многихъ. Между про-

*) «Пролетарій». № 2. Уроки московскаго возстанія.

чимъ, артиллерія была употреблена не столько изъ стратегическихъ нуждъ, не столько изъ соображеній приложенія высшей военной техники, а имѣла одну цѣль,—политическую, — держать народъ отъ арміи на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Въ этомъ отношеніи партизанскія отраженія какъ нельзя лучше отвѣчали дубасовскимъ завѣтнымъ желаніямъ: они морально отдаляли и физически отдѣляли народъ отъ арміи.

Если можно черпать урокъ изъ декабрьскихъ выступленій—это только одинъ: безъ активнаго участія самихъ войскъ всякое возстаніе, а тѣмъ болѣе партизанская его форма должно быть обречено на новую неудачу. Грандіозныя цѣли требуютъ грандіознаго напряженія. Ломка государственныхъ формъ требуетъ участія и вовлеченія въ борьбу самихъ заинтересованныхъ слоевъ населенія, а не кучекъ партизановъ.

Освобождать милліоны могутъ сами же милліоны. Этотъ принципъ, формулированный научнымъ соціализмомъ, остается незыблемымъ, Его не поколеблютъ ни удачныя, ни тѣмъ болѣе неудачныя вспышки. Такой урокъ пожалуй—не удовлетворитъ нетерпѣливыхъ, желающихъ форсировать событія. Но относительно нетерпѣливыхъ еще Энгельсъ писалъ: „что за дѣтская наивность выставлять собственное нетерпѣніе въ качествѣ теоретическаго аргумента“.

Т. Бѣльскій.

Къ вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ.

Передъ нами стоятъ выборы въ Государстенную Думу. Скоро-ли будутъ назначены эти выборы или нѣтъ—не важно. Несомнѣнно только,—что не созвать Думы—реакція и не можетъ и не смѣетъ. Мало интересны для насъ и тѣ упованія, которыя возлагаются правительствомъ на Думу «второго призыва». Г. Столыпинъ, напримѣръ, увѣренно предсказываетъ, что новая Дума не составится «ни изъ лѣвыхъ кадетовъ, ни тѣмъ болѣе изъ соціалистовъ», а будетъ представлена «умѣренными и легальными оппозиціонными группами». Если принять во вниманіе, что по нынѣшнимъ временамъ даже кадеты считаются партіей «крамольной»,—то легко можно видѣть, на какой исходъ выборовъ уповаетъ реакція и съ какимъ исходомъ этихъ выборовъ связываются ея надежды получить «работоспособную» Думу. Мы лично надъ этими надеждами можемъ только посмѣяться. Онѣ не новы, прошлый годъ реакція мечтала о томъ-же. Нѣсколько серьезнѣе вопросъ о введеніи ограниченій въ основу избирательнаго закона. Конечно, съ формальной точки зрѣнія—это было-бы явнымъ нарушеніемъ одного изъ основныхъ законовъ т. н. россійской «конституціи», по которому «дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права» предоставлено Думѣ, безъ одобренія которой не можетъ «воспріять силу»—«*никакой законъ*». Но такъ какъ правительство изо дня въ день—эти законы нарушаетъ и привыкло ихъ нарушать, то соображеніе формальнаго характера его остановить не могутъ. *) Поэтому, въ области ограниченія избирательнаго права,—

---

*) Примѣчаніе. Статья, написана задолго до сенатскаго разъясненія 7 октября, являющагося чрезвычайно важнымъ измѣненіемъ избирательнаго закона.

мы можемъ ожидать всего, начиная съ возвращенія цѣликомъ къ Булыгинскому проекту и кончая введеніемъ пропорціональнаго представительства, облегчающаго при нынѣшнихъ условіяхъ, введеніе въ Думу реакціонныхъ элементовъ. Но это все таки только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и потому, ставя вопросъ будущей избирательной компаніи, мы сочли лучшимъ принять за *данное* положеніе о выборахъ такъ, какъ оно намѣчено актами 6-го августа и 11-го декабря. Но, разумѣется, мы должны серьезно считаться съ тѣмъ, что желаніе правительства во что-бы то ни стало получить «умѣренную» Думу заранѣе опредѣляютъ его отношеніе къ будущимъ выборамъ. Очевидно,—будутъ приложены всѣ усилія, чтобы добиться желаемыхъ результатовъ и рядомъ съ мѣрами чисто-полицейскаго характера—простого и грубаго изъятія нежелательныхъ партій и лицъ—будутъ приняты мѣры для «идейнаго» уловленія. И въ томъ и другомъ отношеніи многое же сдѣлано—укажемъ напримѣръ, на циркуляръ объ участіи чиновниковъ въ политическихъ партіяхъ; привлеченіе къ суду лицъ, подписавшихъ выборгское воззваніе и т. д. Это съ одной стороны. Съ другой дѣятельныя приготовленія для проведенія въ Думу, въ противовѣсь трудовикамъ—лицъ реакціоннаго направленія. Бывшій депутатъ Ерогинъ организуетъ «прогрессивный патріотическій союзъ» и на этотъ счетъ, какъ сообщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» ассигнована довольно крупная сумма. Партія правового порядка уже получила откуда-то вспомоществованіе въ 50 тысячъ и, кромѣ того, милостивое обѣщаніе г. Столыпина поддерживать партію, ибо «онъ, министръ, радъ»—широкой агитаціи партіи въ правительственныхъ учрежденіяхъ *). О различныхъ «лигахъ патріотовъ», союзахъ «истинно-рускихъ

---

*) С. П. А. опровергаетъ это.—Но съ тѣхъ поръ—появились новыя свѣденія—болѣе „пикантныя“. Напр. газета „Сегодня“ сообщаетъ, что на предметъ предвыборной агитаціи ассигновано въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 10 милліоновъ рублей. По другимъ свѣдѣніямъ 5 милл.—по 10 тысячъ на каждаго правит. кандидата. Разумѣется *они* „опровергнуть“ и это.

людей», партій «русскаго вѣча», «Минина и Пожарскаго», а также союзахъ реакціонныхъ землевладѣльцевъ, говорить не приходится. Они пользуются, не въ примѣръ прочимъ, полной свободой, и уже безвозбранно ведутъ свою агитацію, готовясь къ будущимъ выборамъ. Однимъ словомъ, реакція мобилизуетъ всѣ свои, и можно уже заранѣе сказать, что правительственно - черносотенный блокъ на этотъ разъ будетъ значительно сильнѣе и организованнѣе, чѣмъ на прошлыхъ выборахъ. Вдобавокъ, за нимъ ... полиція, штыки и пулеметы. Если все это такъ, то, казалось-бы, вполнѣ логично новое воскрешеніе идеи бойкота. Въ самомъ дѣлѣ,—почему-бы и не «бойкотировать?» Вспомнимъ, хотя бы кратко, доводы за бойкотъ, какъ они, къ примѣру, формулированы въ листкѣ Объединеннаго Центральнаго Комитета с.-д. партіи, въ той его половинѣ, которая посвящена защитѣ бойкотистской позиціи. Доводъ первый. Нельзя участвовать на выборахъ, ибо «мы невольно поддержимъ въ народѣ вѣру въ думу, а она» не парламентъ, а «уловка самодержавія», и «мы должны сорвать эту уловку, отвергая всякое участіе въ выборахъ». Доводъ второй. Если участвовать на выборахъ, то «слѣдовало-бы идти до конца», а при этомъ безъ «избирательныхъ сдѣлокъ съ кадетами» не обойдешься. Соціаль-демократы-же подобныя сдѣлки «отвергаютъ». Доводъ третій. Безъ свободы агитаціи «партія не можетъ развернуть своего знамени легально при выборахъ, не можетъ всенародно выставить своихъ выборныхъ, не предавая ихъ полиціи», а «къ чему давать полиціи списки нашихъ уполномоченныхъ?» Вотъ, въ общихъ чертахъ, вся аргументація тощей философіи бывшихъ бойкотистовъ. Говорю бывшихъ, такъ какъ, несмотря на полную приложимость, казалось-бы, ихъ прежнихъ доводовъ за бойкотъ къ настоящему положенію дѣлъ—бойкотисты уже о бойкотѣ ничего не говорятъ. Даже обратное. Устами «Пролетарія» (№ 1) рѣшительно и смѣло заявляютъ, что «*теперь какъ разъ* наступило время, когда революціонные с.-д. должны перестать быть бойкотистами» и не отказаться «пойти во вторую Думу,

когда (или «если») она будетъ созываться». Почему «какъ разъ» теперь у бойкотистовъ наступило время понять, что «исторія *безусловно* доказала извѣстную, хотя и скромную, пользу такого (какъ Дума—вообще представительнаго Н. В.) учрежденія для революціи, какъ трибуны для агитаціи, для разоблаченія истиннаго «нутра» политическихъ партій» (ibidem),—мы этого понять не можемъ. Но полагаемъ потому, что минувшіе уроки жизни научили кое чему даже и бойкотистскія головы. Конечно, связать свою прежнюю позицію съ настоящей и какъ нибудь оправдать бойкотъ—имъ не удастся. И вотъ почему попытки автора цитируемой статьи изъ «Пролетарія» вывернуться изъ этого неловкаго положенія столь-же комичны, сколь и малоубѣдительны. Дѣйствительно: разъ, какъ говоритъ Ленинъ «объективное положеніе вещей выдвигаетъ теперь на очередь борьбу не за народное представительство, а за созданіе условій, при которыхъ бы нельзя было разогнать или распустить народное представительство»; *) разъ это созданіе условій, по мнѣнію большевиковъ достигается лишь вооруженнымъ возстаніемъ и разъ это возстаніе признается настолько близкой очередной задачей, что тотъ-же Ленинъ «совѣтовалъ-бы *назначить* всероссійское выступленіе, забастовку и возстаніе къ *концу лѣта или къ началу осени къ срединѣ или концу августа*»,—**) то на что, спрашивается, теперь Дума, зачѣмъ итти въ нее! Или, можетъ быть, одно не противорѣчитъ другому? Для ленинизма (Ленинъ съ гордостью можетъ сказать — большинство «c'est moi»), утверждающаго, что «въ сознаніи *самого темнаго мужика* стучится теперь обухомъ вбитая мысль: *ни* къ *чему Дума*, ни къ чему *никакая Дума*, если нѣтъ власти у народа»***),—приглашеніе итти въ Думу—чрезвычайно неожиданно. Такъ неожиданно, что приходится спросить: да не «ленинисты» ли писали о

*) Н. Ленинъ. Роспускъ Думы и задачи пролетаріата, стр. 6.
**) Ibid. Стр. 15. Курсивъ мой.
***) Ibid. У Ленина курсивомъ подчеркнуто „если нѣтъ власти у народа“. Читатель пойметъ, что „интереснѣе“ подчеркнуть другое.

томъ, что не нужно участвовать на выборахъ, ибо «мы такимъ образомъ плодимъ лишь конституціонныя илюзіи»? Въ особенности теперь, если даже «самый темный мужикъ», по свидѣтельству того же товарища, прекрасно аріентировался во всѣхъ политическихъ вопросахъ и политическихъ отношеніяхъ! Но тогда почему только этотъ самый «темный мужикъ» не поддержалъ Думу? Не потому-же уже, что онъ переросъ Думу и всецѣло стоялъ на большевистской позиціи,—съ ея отрицаніемъ поддержки Думы, какъ органа, сѣющаго, конституціонныя иллюзіи?».

Оставаясь логичными и послѣдовательными,—большевики должны отвѣтить утвердительно, но, конечно, имъ немедлено нужно прибавить: credo qiua absurdum est!

Мы стоимъ на другой точкѣ зрѣнія, и въ томъ обстоятельствѣ, что правительство могло такъ легко разогнать первую Думу—видимъ лишь показатель того, насколько еще слабо развито политическое сознаніе массъ, насколько еще слаба ихъ организованность и готовность къ отпору. Чтобы пробудить сознательность «темнаго мужика» и вообще массъ населенія, вскрыть противоположность народныхъ интересовъ интересамъ самодержавія, чтобы накалить политическую атмосферу, раскачать и втянуть въ сферу борьбы со старымъ порядкомъ широкія массы—одной Государственной Думы оказалось недостаточно. Послѣ первой Думы — прояснилось сознаніе, допустимъ у сотенъ тысячъ «не очень» темныхъ мужиковъ, но у десятковъ милліоновъ «самыхъ темныхъ мужиковъ» оно осталось столь же политически темнымъ, какъ и до разгона Думы. Ибо борьба послѣдней до него еще не долетѣла, а *должна* долетѣть, такъ какъ безъ сознательнаго участія въ нашей революціи — массъ крестьянства мы получили бы только немного болѣе прусской конституціи.

Поэтому, стремясь къ Учредительному Собранію — мы не *минуемъ* новой Думы. Таково объективное положеніе дѣлъ. И мы примемъ въ выборахъ въ Думу участіе,

видя въ ней организующій революцію аппаратъ, органъ, подготовляющій то самое соотношеніе общественныхъ силъ и то созданіе политическихъ условій при которыхъ уже дѣйствительно нельзя будетъ «разогнать или распустить» будущее всенародное представительство. И мы не будемъ бояться свирѣпыхъ приготовленій реакціи и тѣхъ репрессій, которыя посыпятся на наши головы. Въ конечномъ счетѣ — онѣ упадутъ только на голову реакціи. Не будемъ бояться также трудностей и того страшнаго напряженія нашихъ силъ, котораго потребуетъ отъ насъ участіе на выборахъ. Qui ne risque rien, ne gague rien и на то мы и соціаль-демократы, чтобы не бояться трудностей, если только онѣ на пользу пролетаріата, интересы котораго мы намѣрены защищать.

Что же касается того, что участіе на выборахъ рабочаго класса, котораго мы въ процессѣ компаніи постараемся еще болѣе сплотить и организовать — сыграетъ для него огромную роль—объ этомъ писалось и говорилось достаточно много. Итакъ, выбирать въ Думу!

Въ нашей статьѣ мы, разумѣется, не можемъ задаться цѣлью поставить и разсмотрѣть всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ изъ подобнаго рѣшенія. Изъ нихъ мы остановимся лишь на одномъ—именно вопросѣ о временныхъ соглашеніяхъ между партіями въ избирательной компаніи. Самое существо ставимаго вопроса требуетъ, однако, нѣкоторыхъ прелеминарарныхъ замѣчаній. Дѣло въ слѣдующемъ. Ни для кого ни тайна, что своимъ устраненіемъ на прошлыхъ выборахъ — крайнія партіи чрезвычайно упростили и облегчили такъ называемую побѣду ка-детовъ. На прошлыхъ выборахъ главная комбинація борющихся силъ была такова. Съ одной стороны, блокъ правыхъ реакціонныхъ партій, съ другой кадеты— единственная на выборахъ явно прогрессивная партія. Между ними—союзъ «октябристовъ» съ его ублюдочной, промежуточной позиціей. Въ результатѣ побѣдили кадеты, но, какъ вполнѣ справедливо отмѣтилъ тогда же одинъ изъ кадетскихъ публицистовъ г. Франкъ, это было побѣдой не партіи «а всего освободительнаго и демо-

кратическаго движенія». Люди, голосовавшіеіе, за к.-д. «своими голосами поддерживали не конституціонно-демократическую партію» какъ таковую, а движеніе поставившее па своемъ знамени «народную свободу» («свобода и культура» № 2, стр. 69—70). Это совершенно вѣрно: цѣлый рядъ избирателей, при наличности другихъ кандидатуръ, голосовавшій бы за болѣе «крайнихъ»—въ силу воздержанія этихъ—былъ принужденъ голосоватъ именно за кадетовъ. Все это вмѣстѣ взятое создало впечатлѣніе объ огромной побѣдѣ кадетовъ. Впрочемъ, она была, дѣйствительно, велика, но причина ея — не въ обояніи и силѣ кадетской партіи, а въ томъ, что она весьма умно и ловко воспользовалась оппозиціоннымъ настроеніемъ избирателей и тѣми результатами, которые само собою давались въ руки—устраненіемъ и самоустраненіемъ крайнихъ партій. Эта простота, такъ сказать, комбинаціи общественныхъ силъ на выборахъ, однако, существенно измѣняется, если на новыхъ выборахъ примутъ участіе соціаль-демократы, соціалисты-революціонеры, крестьянскій союзъ и т. д. Скажемъ даже—вся эта комбинація силъ существенно мѣняется отъ того, что въ нихъ приметъ участіе хотя-бы одна соціаль-демократія. Правда, условія избирательнаго закона не позволяютъ партіи реализовать и закрѣпить въ результатахъ голосованія все то вліяніе, которымъ она пользуется въ средѣ рабочихъ. Но даже при всѣхъ его уродливостяхъ, даже при всѣхъ тѣхъ трудностяхъ, которыя будутъ сопровождать участіе партіи на выборахъ,—одно уже ея выступленіе грозитъ ка-детской партіи большими «непріятностями». Съ одной стороны, блокъ правыхъ партій, вплоть до октябристовъ, которые постараются «отомстить» бывшимъ побѣдителямъ, съ другой стороны — соціаль-демократія, которая постарается, въ предѣлахъ отведенной ей возможности, во что бы то ни стало—накренить *влѣво* отъ кадетовъ—равнодѣйствующую выборовъ. Въ силу этого — к.-д. партія можетъ попасть между двухъ огней и предчувствіе возможности такого непріятнаго положенія замѣтно отражается па взглядахъ кадетскихъ лидеровъ и публици-

стовъ. Такъ, на прошлыхъ выборахъ кадеты въ одинъ голосъ кричали о «безуміи» и «гибели», бойкота. Теперь на этотъ счетъ они куда сдержаннѣе — больше даже: у нихъ замѣчается склонность весьма отрицательно относиться къ самому участію соціалистовъ въ избирательной компаніи. Напримѣръ, при разговорѣ съ корреспондентомъ «Matin», г. Муромцевъ по этому поводу характеризовалъ себя поистинѣ великолѣпной фразой. «Послѣдніе выборы, заявилъ онъ, бойкотировались соціаль-демократами, избиратели, самые крайніе *должны были* отдать свои голоса либеральнымъ кандидатамъ». На нынѣшнихъ выборахъ, къ величайшему огорченію Муромцевыхъ подобной «передачи» голосовъ—не будетъ, такъ какъ соціалисты выставятъ *свои* кандидатуры и это настолько нервируетъ бывшаго предсѣдателя кадетской Думы, что онъ готовъ заняться даже инсинуаціей. «Правительство, конечно, не приминетъ поддержать одного-другого крайняго соціалиста, чтобы (тутъ идетъ великолѣпное кадетское объясненіе значенія участія соціалистовъ)... «ввести въ Думу *элементы безпорядка* и получить, такимъ образомъ, основаніе для *новаго роспуска*. „Полемизировать съ такими взглядами, разумѣется, не приходится. Вскользь замѣчу только, что поскольку за вводимыми въ Думу, по терминологіи г. Муромцева? «элементами безпорядка» стоятъ рабочія и крестьянскія массы, — (а ихъ будетъ больше, чѣмъ за кадетами), постолько «основанія» для роспуска Думы — становятся все менѣе и менѣе «основательными». Замѣчу еще, что объ «элементахъ безпорядка» говоритъ не одинъ г. Муромцевъ: насколько можно судить по газетамъ и отчетамъ о кадетскомъ съѣздѣ, въ Гельсингфорсѣ ту же полицейскую философію развивалъ и г. Набоковъ. Однимъ словомъ, положеніе таково, и грядущее участіе соціалистовъ въ избирательной компаніи настолько нежелательно осложняетъ «разными безпорядками» позицію кадетовъ, что если бы ихъ нѣкоторые публицисты (въ родѣ того же г. Струве) въ одинъ великолѣпный день затянули большевистскую пѣсню о необходимости,—не для себя, конечно, а для

крайнихъ партій,—бойкота выборовъ, мы бы не удивились. Положеніе обязываетъ. Посмотримъ, однако, болѣе или менѣе конкретно, какъ можетъ выступленіе соціаль-демократіи измѣнитъ шансы на успѣхъ кадетовъ въ нынѣшнихъ выборахъ. Возьмемъ хотя бы слѣдующія цифры. Извѣстно, что въ Москвѣ, Петербургѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Воронежѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ списокъ выборщиковъ депутатовъ полностью принадлежитъ кадетамъ, но число поданныхъ за нихъ голосовъ отнюдь не пропорціонально числу голосовъ въ спискахъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, изъ общаго числа 41373 поданныхъ голосовъ, только 26266 принадлежатъ кадетамъ, остальныя же принадлежатъ правымъ, въ томъ числѣ реакціонерамъ 2560 и блоку октябристовъ съ торговопромышленциками 12547. Въ Петербургѣ же за кадетскій списокъ подано 59,4%, за другихъ партій 40,6%. Допустимъ теперь, что соціаль-демократія принимаетъ участіе на выборахъ и ей удается урвать часть бывшихъ кадетскихъ голосовъ. Допустимъ, далѣе, что въ той же Москвѣ вновь всего подается 41000 голосовъ, причемъ ка-деты и соціаль-демократы вмѣстѣ собираютъ 26 тысячъ, а правыя партіи вмѣстѣ съ октябристами 15 тысячъ. Казалось-бы, на основаніи такого распредѣленія голосовъ долженъ пройти кадетско-соціаль-демократическій списокъ, однако — это не такъ. Въ самомъ дѣлѣ—пусть голоса въ избирательныхъ участкахъ приблизительно распредѣлены такъ, какъ это мы намѣчаемъ:

	Кадеты.	Соц.-дем.	Правые.
1 участокъ	1500	800	1532
2 участокъ	740	700	790
3 участокъ	450	400	485
— —	—	—	—
— —	—	—	—
Всего во всѣхъ участ.	14500	11500	15000 *)

*) Въ нашемъ гипотетическомъ разсчетѣ число голосующихъ за с.-д. какъ будто несоразмѣрно (по условіямъ избират. закона) велико въ сравненіи съ кадетскими голосами. Но мы принимаемъ во вниманіе два обстоя-

Такимъ образомъ, во всѣхъ участкахъ проходятъ правые; они же составляютъ коллегію выборщиковь и, соотвѣтственно дѣля мѣста, проходятъ въ Думу. Кадеты и соціаль-демократы проваливаются. Возьмемъ другую комбинацію. Въ какомъ нибудь губернскомъ избирательномъ собраніи голоса выборщиковъ располагаются такимъ образомъ: кадеты—41 гол., правые 48,—соціаль-демократіи и вообще крайнимъ 11 голосовъ.

И въ этомъ случаѣ вновь проходятъ правые, Не будемъ приводить новыхъ мыслимыхъ комбинацій: сказаннаго уже достаточно, чтобы видѣть, что избирательный законъ естественно выдвигаетъ вопросъ о соглашеніяхъ и что соціаль-демократія своимъ выступленіемъ можетъ, дѣйствительно, произвести большіе безпорядки въ кадетскихъ рядахъ. И въ этомъ смыслѣ т. Ленинъ былъ правъ, когда писалъ, что рѣшеніе участвовать на выборахъ будетъ ставить предъ рабочими и с.-д. дилемму: «либо отстраниться, пособивъ этимъ черносотенцамъ, либо войти въ прямую или косвенную, молчаливую или оформленную договоромъ сдѣлку съ «кадетами». («Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи» стр. 9—10). Какъ же выйти изъ этого положенія, сущность котораго — на это не нужно закрывать глазъ—сводится къ нежелательному ни соціаль-демократамъ, ни кадетамъ усиленію правыхъ на выборахъ и даже къ возможности превращенія Думы изъ органа борьбы за свободу—въ покорное орудіе реакціи. Для тѣхъ, кто понимаетъ значеніе представительнаго учрежденія во время революціи (въ особенности послѣ опыта Г. Думы) и стремится къ тому, чтобы эта центральная организація общественныхъ силъ, будучи наиболѣе демократичной, точнѣе формулировала народныя требованія; для тѣхъ, кто сознаетъ, что подобная организація можетъ явиться важнымъ факторомъ въ дѣлѣ «развязыванія» и организаціи революціи; и тѣхъ, для которыхъ

тельства: 1) что с.-д. удается „урвать" часть кадетскихъ голосовъ; 2) что за нее голосуютъ тѣ избиратели, которые прошлый разъ бойкотировали Думу. Конечно—въ такомъ случаѣ всѣхъ голосовъ уже не 41 тысяча, но это не важно.

участіе въ выборахъ не ограничивается лишь одной «демонстраціей» силъ,—для всѣхъ этихъ указанный выше вопросъ чрезвычайно серьезенъ. Вѣдь, дѣйствительно, безъ соглашенія не обойдешься! Посмотримъ, сначала, какъ рѣшается этотъ вопросъ въ кадетской партіи, т.-е. въ одной изъ наиболѣе заинтересованной въ немъ сторонъ.

Насколько можно судить со стороны — въ ней существуютъ на этотъ счетъ три теченія. Первое теченіе представлено г. В. М. Гессеномъ, доказывающимъ («Рѣчь № 133), что для новой побѣды на выборахъ кадеты не нуждаются въ поддержкѣ ни справа, ни слѣва, и что, слѣдовательно, для нихъ не имѣетъ смысла и самый вопросъ о соглашеніяхъ. Какъ было замѣчено, этотъ горделивый взглядъ — просто слѣдствіе чрезвычайной переоцѣнки кадетскихъ силъ. Вся увѣренность г. Гессена въ новой побѣдѣ базируется на совершенно необоснованной надеждѣ, что «тѣ общественныя группы, которыя обезпечили конституціонно-демократической партіи побѣду на первыхъ выборахъ, поддержатъ ее и на вторыхъ». Но откуда это? Неужели г. Гессенъ думаетъ, напримѣръ, что крайніе общественные слои, вынужденно (за неимѣніемъ другихъ кандидатуръ) голосовавшіе за кадетовъ прошлый разъ, будутъ голосовать за нихъ и теперь? Это первое. Второе — почему онъ живетъ только прошлымъ и не считается съ тѣми большими политическими перемѣнами, которыя произошли, со времени прошлыхъ выборовъ, во взглядахъ и настроеніи избирателей. За это время одни изъ этихъ избирателей, подъ вліяніемъ того, что г. Милюковъ назвалъ «la peur bourgeoise» (буржуазнымъ страхомъ), настолько двинулись *вправо*, что отстали отъ кадетовъ; другіе, обратно,—радикализировались и чрезъ кадетовъ уходятъ влѣво. Такимъ образомъ, въ той компактной массѣ, создавшей своимъ голосованіемъ прошлую побѣду кадетовъ, произошли весьма важныя разслоенія, и не считаться съ ними,—разумѣется нельзя. Въ третьихъ, г. Гессенъ упускаетъ изъ виду, что даже не большой успѣхъ «крайнихъ» партій—

(а онъ, несомнѣнно, будетъ имѣть мѣсто) сильно колеблетъ равновѣсіе к.-д. Принявъ все это во вниманіе, мы должны признать позицію г. Гессена совершенно необоснованной.

Обратимся къ другому теченію. Правда, его позиція формулирована не кадетомъ, а кн. Е. Трубецкимъ, который къ конституціонно-демократической партіи не принадлежитъ. Однако, заявленіе князя Трубецкого (въ «Рус. Вѣдом.), что его взгляды раздѣляются и нѣкоторыми кадетами, даетъ намъ данныя заключить — что такое теченіе въ партіи вообще существуетъ. Въ чемъ же оно заключается? Въ противовѣсъ г. Гессену, кн. Трубецкой смотритъ на вещи болѣе реалистично, прекрасно понимая, что на этихъ выборахъ—кадетамъ труднѣе одержать побѣду. Значитъ — нужно входить въ соглашеніе, но съ кѣмъ—вотъ вопросъ?

Князь Трубецкой, со всей страстностью, которую внушаетъ ему la peur borgéoise (а Трубецкой истый и типичный представитель буржуазіи), умоляетъ кадетовъ не соблазняться «безнадежной попыткой уловлять голоса слѣва» («Страна № 134. «Къ вопросу о предвыборномъ союзѣ»). Подъ угрозой «гибели русской культуры» и «послѣдняго и окончательнаго краха» «русскаго либерализма, князь заклинаетъ кадетовъ заключить блокъ съ обновленцами и своими прежними врагами «октябристами». Симъ побѣдишь—«иначе въ Думѣ не будетъ ни кадетовъ, ни обновленцевъ!» «Въ минуту, когда приходится напрягать всѣ силы въ борьбѣ противъ правительства и противъ крайнихъ—опасно поддерживать расколъ въ либеральномъ лагерѣ». «На прошлыхъ выборахъ, продолжаетъ князь, октябристы шли къ избирательнымъ урнамъ съ лозунгомъ: «только не кадетовъ», а кадеты на это отвѣчали: «только не октябристовъ». Благодаря этому въ Думу прошло множество никому неизвѣстныхъ кандидатовъ, впослѣдствіи оказавшихся трудовиками». Вотъ почему весь либеральный лагерь долженъ при выборахъ въ Думу соединиться на лозунгѣ: «только не сторонника правительства и не крайняго“.

Мы думаемъ, что ничто такъ не компрометируетъ кадетскую партію, какъ предложеніе кн. Трубецкого. Блокируясь съ обновленцами, а черезъ нихъ и октябристами, партія ка-де тѣмъ самымъ должна принять на себя тѣ обязательства, которыя изъ подобнаго блока естественно вытекаютъ. А каковы онѣ, объ этомъ можно, напримѣръ, судить изъ того, что на прошлыхъ выборахъ въ Гомелѣ, блокъ охранителей, въ который входили и октябристы,— выпустилъ прокламацію, въ которой угрожалъ евреямъ, въ случаѣ выставленія послѣдними своихъ кандидатовъ,— еще небывалымъ по своимъ размѣрамъ антиеврейскимъ погромомъ! Блокируясь съ обновленцами и октябристами, конституціонно-демократическая партія—„народной свободы“ стираетъ грань и свои отличія отъ черносотенныхъ элементовъ. Ибо то, что отдѣляетъ обновленцевъ отъ октябристовъ, а октябристовъ отъ правопорядчиковъ, иной разъ такъ ничтожно и представляетъ такіе незамѣтные нюансы, что объ ихъ различіи говорить не приходится. И развѣ это не подтвердилъ самъ пресловутый г. А. Гучковъ своей всенародной исповѣдью? И развѣ не самъ-ли князь Трубецкой послѣ этой гучковской исповѣди съ ужасомъ заявилъ, что соглашеніе съ Гучковымъ „рѣшительно невозможно“ („Рѣчь“ № 162). Такъ почему же соглашеніе невозможное съ Гучковымъ — возможно съ гучковцами? А выдвигать, какъ вѣрно замѣтилъ „Новый Путь“, „условіемъ блока съ обновленцами желательность отмежеванія послѣднихъ отъ правыхъ партій—не имѣетъ никакого практическаго смысла, ибо въ провинціи правые элементы входятъ въ самую партію мирнаго обновленія и отмежеваться отъ нихъ партія могла-бы только путемъ раскола, на который она, очевидно, не пойдетъ („Новый Путь“ № 15)“.

Намъ остается сказать о третьемъ теченіи, въ томъ его видѣ, какъ оно представлено лѣвыми кадетами, главнымъ образомъ, въ газетѣ „Новый Путь“. По мнѣнію газеты, „единственная тактика, возможная для ка-детовъ въ настоящее время избѣгать какихъ бы то ни было избирательныхъ компромиссовъ съ партіями, стоящими

направо". „Это не только оттолкнуло бы отъ кадетовъ всѣ лѣвые элементы, но и поставило бы послѣдніе въ активно-враждебное отношеніе къ нимъ. А поддержка лѣвыхъ особенно цѣнна для к.-д. теперь, когда бойкота не будетъ, а соціалистическія кандидатуры будутъ, очевидно, искореняться попрежнему" („Новый Путь" № 15). Исходя изъ этого, газета выводитъ, что „блокъ съ ка-де напрашивается у с.-д. самъ собою, тѣмъ болѣе, что, съ своей стороны, партія народной свободы считаетъ допустимымъ только блоки съ партіями, стоящими отъ нея влѣво. *) Широкій демократическій блокъ, это — единственная возможная предвыборная диспозиція" („Новый Путь" № 21). Таково третье, „крайнее" теченіе въ кадетской партіи—мы къ нему еще вернемся.

Посмотримъ теперь на отношеніе къ избирательнымъ соглашеніямъ различныхъ фракціи въ самой соціаль-демократіи. До сихъ поръ обѣ фракціи (и «большинство» и меньшинство) относились къ возможности соглашенія весьма отрицательно. Какъ было уже указано, для тѣхъ же «большевиковъ», напримѣръ, однимъ изъ мотивовъ— почему не итти въ Думу было именно то соображеніе, что въ этомъ случаѣ пришлось бы пойти на „избирательныя сдѣлки". Тоже самое предъ прошлыми выборали говорили и «меньшевики». «Незвѣстно, почему, участвуя на выборахъ, писалось въ меньшевистской «половинѣ» того-же листка объединеннаго Ц. К., —мы должны были-бы непремѣнно „итти до конца?" Что буржуазные демократы намъ совѣтуютъ идти въ Думу и для этого вступать съ ними въ сдѣлку—это понятно: на то они и буржуазные демократы, чтобы предлагать рабочимъ выбирать представителей по соглашенію съ либеральной буржуазіей". Но „истинная соціалъ-демократія нигдѣ на выборахъ въ парламентъ въ избирательныя сдѣлки не вступаетъ и понятно, почему не вступаетъ: потому что сдѣлка съ какою либо буржуазной партіей лишила-бы ее той политической самостоятельности, которая составляетъ первое слово нашей программы». Такимъ образомъ, еще сов-

*) Изъ сказаннаго выше—видно, что въ этомъ отношенія „Новый Путь" очень неправъ.

сѣмъ недавно обѣ соціалъ-демократическія фракціи отрицали возможность какихъ либо избирательныхъ соглашеній («сдѣлокъ») и этотъ взглядъ нашелъ себѣ мѣсто въ резолюціи послѣдняго т. н. объединительнаго съѣзда объ отношеніи къ Государственной Думѣ, въ той ея части, гдѣ говорится, что „всюду, гдѣ еще предстоятъ выборы и гдѣ Р. С.-Д. Р. П. можетъ выставлять своихъ кандидатовъ, не вступая въ блоки съ другими партіями, она должна стремиться провести своихъ кандидатовъ въ Думу“. Но должны замѣтить, что эта позиція не осталась неизмѣнной. Въ № 1-омъ «Пролетарія», въ той самой статьѣ, гдѣ такъ неожиданно для всѣхъ заявляется, что «какъ разъ» теперь наступило время перестать быть бойкотистами,—мы узнаемъ отъ ея автора (а онъ, повидимому, выражаетъ обще-большевистское мнѣніе), что «въ случаѣ выборовъ необходимо избирательное соглашеніе на нѣсколько недѣль съ трудовиками» и „мы разобьемъ тогда кадетовъ на голову“. Но, прибавляетъ онъ, для этого необходимъ созывъ пятаго съѣзда партіи, ибо безъ него дружная избирательная компанія невозможна, а всякіе блоки съ другими партіями“ «безусловно запрещены постановленіемъ четвертаго съѣзда“. Итакъ, отъ отрицанія „сдѣлокъ“ вообще — мы приходимъ къ сдѣлкѣ съ трудовиками... Вѣрна ли такая постановка вопроса, или нѣтъ— мы это увидимъ въ дальнѣйшемъ. Но одну ея странность уже отмѣтимъ теперь. Странностью и даже до нѣкоторой степени нелѣпостью является мысль, что соглашеніе с.-д. и трудовиковъ дастъ возможность разбить на голову кадетовъ. Можно, конечно, догадаться, что у т. Ленина въ связи съ этимъ строются большіе планы. Отчего бы, къ примѣру, и не помечтать о томъ, что побѣда с.-д. и трудовиковъ— не отдастъ будущую Думу въ ихъ полное распоряженіе? Вѣдь въ такомъ случаѣ Дума превратилась-бы въ центральный органъ „революціонной диктатуры пролетаріата и крестьянства“? Конечно, объ этомъ съ точки зрѣнія правовѣрнаго «большевизма» стоитъ помечтать, какъ въ свое время мечтали о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ какъ органѣ революціонной власти—временномъ правительствѣ.

Есть-ли только въ этихъ перспективахъ реальная основа? Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ—что такое трудовики такъ какъ они есть? Какъ сила въ выборахъ—они не велики, ибо это немногочисленные элементы съ слабой связью, съ слабымъ политическимъ воспитаніемъ и подготовленностью и почти съ отсутствіемъ организаціи. Если же трудовиками считать всѣхъ крестьянскихъ уполномоченныхъ — какъ таковыхъ именно какъ «трудовыхъ крестьянъ» — то несмотря на то, что этимъ отдается полная дань «эсъ-эровскимъ» взглядамъ, толку все-же получается очень мало. Вѣдь, массы „трудового крестьянства“ выдвигаютъ не только типичныхъ «трудовиковъ», но и безпартійныхъ и и черносотенныхъ элементовъ. Если же въ рубрику трудовиковъ мы помѣстимъ и соціалистовъ-революціонеровъ и крестьянскій союзъ, и другіе радикальные слои, то и въ этомъ случаѣ соглашеніе ихъ съ с.-д. еще не даетъ повода предполагать полнаго разгрома кадетовъ. Такъ какъ пусть не забываютъ, что условія нашего избирательнаго права и наша полицейская обстановка ставятъ внѣ сферы полнаго вліянія тѣ слои, на которые могли-бы опереться эти партіи. Предполагать же какъ общее, такое явленіе, какое замѣчалось на выборахъ на Кавказѣ, гдѣ масса демократіи голосовала за с.-д.—у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Массы нашего населенія еще не доросли до такой ярко выраженной степени демократизма—онѣ еще не переросли кадетовъ. Поэтому, повторяемъ полнаго разгрома — мы предпочли бы сказать не кадетовъ, а вообще „кадетизма“— нечего ожидать. И если-бы это случилось, то, быть можетъ, какъ результатъ побѣды не демократическихъ взглядовъ, а противоположныхъ взглядовъ еще недоразвившейся массы. И это было-бы торжествомъ правыхъ, которые по «трупамъ» кадетовъ вошли бы въ Думу... къ вящему изумленію оставшихся за бортомъ «лѣвыхъ» с.-д-въ. Да, наконецъ, развѣ *главная* цѣль нашего участія на выборахъ именно разгромъ кадетовъ? Не объясняется-ли это особой большевистской болѣзнью — страхомъ передъ кадетами? Посмотримъ дальше какіе выводы вытекаютъ изъ провозглашенія возможности избирательнаго соглашенія

съ трудовиками. Прежде всего—почему только съ трудовиками, а не съ иными подходящими для этого партіями? Этотъ вопросъ возвращаетъ насъ къ Думскимъ временамъ и спорамъ о томъ: «кого поддерживать». Всю-ли Думу, въ томъ числѣ и кадетовъ, когда они идутъ по направленію нашихъ желаній и выгодныхъ для пролетаріата требованій—какъ говорили меньшевики или *только* трудовую группу—какъ говорили большевики? Замѣтимъ, что при этой постановкѣ особенно сказывается ложность большевистской позиціи. Дѣло въ томъ, что большевики за поддержку трудовиковъ только потому, что они трудовики. Они аргументируютъ эту поддержку исходя не изъ того, что въ томъ или иномъ случаѣ трудовики этой поддержки заслуживаютъ, а изъ другихъ соображеній. Именно трудовики „буржуазія мелкая, трудящаяся, угнетенная неимовѣрно, мечтающая объ уравнительной дѣлежкѣ, *способная на самую рѣшительную беззавѣтную* борьбу, толкаемая къ этой борьбѣ всѣмъ ходомъ событій и поведеніемъ правительства“. Кадеты-же соглашатели—ихъ поддерживать ни въ коемъ случаѣ не нужно. Отсюда видно, что въ основѣ аргументаціи „поддержки“ лежитъ не то или иное желательное для насъ поведеніе трудовиковъ, (въ скобкахъ скажемъ что это поведеніе во многихъ случаяхъ было путаннымъ сбивчивымъ и поддержкѣ не подлежащимъ), а только ихъ соціальная физіономія—ихъ какъ мелкой буржуазіи «способной» къ «беззавѣтной» борьбѣ. За данное, слѣдовательно, берется не *наличная политическая цѣнность*, а потенціальная. Меньшевики тогда же указали на опасность подобныхъ взглядовъ. Мы поддерживаемъ трудовиковъ, не потому что они мелкая буржуазія. Соціаль-демократія въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ можетъ выступать именно противъ этой буржуазіи и въ этихъ же случаяхъ сходиться съ иными слоями. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ — насколько шаги той или иной группы выгодныя для пролетаріата и для развитія революціоннаго движенія. Поэтому давать carte blanche на поддержку трудовиковъ вообще—мы рѣшительно отказываемся. Съ этой же точки зрѣнія нужно оцѣнивать и различнаго рода

избирательныя соглашенія. А если такъ, то — почему принципіально допускаемое соглашеніе съ трудовиками— не допустимо съ кадетами? Это во первыхъ. Во вторыхъ, что значитъ соглашеніе съ трудовиками? Ничего не значитъ, даже если-бы мы сюда прибавили, что это соглашеніе предполагается на нѣсколько недѣль". Вѣдь нужно опредѣлить на какой почвѣ, и на какихъ лозунгахъ, возможно это соглашеніе, а по этому поводу т. большевикъ— въ «Пролетаріи» не сказалъ ни слова. Впрочемъ при тѣхъ взглядахъ, которые развиваетъ эта газета — подобнаго выдвиганія политическихъ условій соглашенія и не требуется. Вотъ перлъ соціалъ-демократической мудрости, преподносимой № 3 «Пролетарія. Кто противъ вооруженнаго возстанія, «кто не готовится къ нему, того надо безпощадно выкидывать вонъ изъ числа сторонниковъ революціи, выкидывать къ противникамъ ея, предателямъ или трусамъ», ибо „близится день, когда сила событій когда обстановка борьбы *заставитъ насъ раздѣлять враговъ и друзей по этому признаку*". Если вождь большевиковъ предпологалъ возможнымъ назначить вооруженное возстаніе еще къ срединѣ или концу минувшаго августа, то очевидно день, когда враги и друзья раздѣляются только по ихъ отношенію къ вооруженному возстанію *уже приблизился*. А если такъ, то зачѣмъ дѣленіе ихъ этихъ друзей и враговъ по «какимъ то» тамъ политическимъ и инымъ признакамъ! Стройтесь въ «штурмовыя колонны» и баста!

Обратимся теперь къ позиціи меньшинства.—Осталась ли она прежней или тоже измѣнилась и, если измѣнилась, то въ чемъ? „Новый Путь" (№ 15) писалъ, что меньшевики признаютъ возможнымъ избирательныя соглашенія съ кадетами. Собственно говоря, это несовсѣмъ вѣрно: вопросъ этотъ еще только дебатируется и общепринятаго рѣшенія въ средѣ меньшевиковъ—еще не имѣется. Но я думаю, что изъ всего вышесказаннаго уже вытекаетъ, что *такъ* рѣшать вопросъ, *какъ* его рѣшаютъ большевики,—меньшевики, конечно, не будутъ. Да, наконецъ, прежде всего не въ томъ дѣло—„съ кѣмъ соглашаться",

а возможны-ли, принципіально допустимы-ли вообще избирательныя соглашенія? Мы уже видѣли, что меньшевики отвѣчали отрицательно и самымъ главнымъ аргументомъ служила ссылка на практику международной соціаль демократіи, отрицающей допустимость избирательныхъ сдѣлокъ, компромиссовъ соглашеніи и т. д. Эти русскіе принципы соціаль-демократы могли принять въ свой практическій обиходъ—съ легкимъ сердцемъ, тѣмъ болѣе, что послѣ побѣды с.-д. на Кавказѣ какъ будто-бы доказана возможность участвовать на выборахъ совершенно самостоятельно. Такъ, по поводу Кутаисской побѣды „Невская Газета“ обращала вниманіе нато, что нужно», подчеркнуть значеніе этой побѣды для рѣшенія тактическаго вопроса. Доказана возможность, несмотря на эти неблагопріятныя условія („гнусность избирательной системы и на полицейско-военный терроръ“), завоевать для партіи не только крестьянскую, но и квартиронанимательскую курію и даже курію „частныхъ землевладѣльцевъ“. Доказано, что партія можетъ сдѣлать всѣ эти завоеванія, выступая *самостоятельно* и отказываясь отъ избирательныхъ „блоковъ“. „Приверженцы бойкота оспаривали послѣднюю возможность, а потому фактическое опроверженіе ихъ мнѣнія важно для всей партіи“ (№ 9. 12 мая). Въ этомъ отношеніи, также какъ и оцѣнки кавказскихъ выборовъ,— мы видимъ большую ошибку. Дѣло въ томъ, что самостоятельное, безъ всякихъ блоковъ выступленіе соціаль-демократіи на выборахъ было дѣйствительно „самостоятельнымъ“, но чтобы опо было соціальдемократическимъ—мы въ этомъ нѣсколько сомнѣваемся. Соціаль-демократическое выступленіе и политика предполагаетъ своего реальнаго носителя—сплачивающагося и въ томъ или иномъ дѣйствіи организующагося пролетаріата. Мы спрашиваемъ—гдѣ былъ этотъ пролетаріатъ на кавказскихъ выборахъ?.. Кто выбиралъ нашихъ товарищей Жорданія, Джапаридзе, Гамартели, Рамишвили, Церетелли и т. д. Кто за нихъ голосовалъ? Пролетаріатъ?—Да ничего подобнаго—ихъ избрала мелкая буржуазія. Значить, какъ писалъ тов. Е. Смирновъ въ „Нев-

ской Газетѣ“,—„ясно, что соціальдемократическая партія съумѣла заслужить довѣріе широкихъ массъ мелкой буржуазіи“ (№ 10). Что это ясно, прекословить не буду; но изъ этого слѣдуетъ, не то, что хотятъ доказать— именно, что *рабочій классъ* въ процессѣ своего выступленія на выборахъ можетъ провести своихъ избранниковъ въ Государственную Думу, минуя соглашеніе съ другими партіями,—а только то, что мелкая буржуазія способна голосовать за соціаль-демократовъ. Это доказывать не было особенной надобности. Но мелкая буржуазія, посылая въ Думу нашихъ кавказскихъ товарищей, голосовала за нихъ не какъ за соціаль-демократовъ, а лишь какъ за послѣдовательныхъ демократовъ.

Вотъ почему, мы вновь подчеркиваемъ, что рабочій классъ при нынѣшнемъ избирательномъ правѣ лишенъ возможности провести своихъ выборныхъ въ Думу и онъ, въ качествѣ таковыхъ,—можетъ провести соціаль-демократовъ лишь въ томъ случаѣ, когда за нихъ голосуетъ мелкая (городская или сельская) буржуазія. Не представляется-ли при подобной постановкѣ—въ иномъ освѣщеніи и самый вопросъ о соглашеніи с.-д. съ иными партіями? Въ самомъ дѣлѣ, если соціаль-демократы могутъ пройти въ Думу лишь по демократическимъ мандатамъ, то почему принимая отъ демократіи опредѣленныя обязательства, соціаль-демократія не можетъ въ свою очередь предъявлять къ ней нѣкоторыя обязательства? Въ практикѣ Западно-Европейской соціаль-демократіи можно найти рѣшенія, подтверждающія нашу точку зрѣнія. Сошлемся, напримѣръ, на единогласно принятую резолюцію Штутгартскаго партейтага, относительно участія соціаль-демократовъ въ прусскомъ Ландтагѣ. „Участіе на выборахъ въ Ландтагѣ, говорится въ резолюціи, на основѣ трех классной избирательной системы не можетъ быть сочтено ни за генеральный смотръ нашимъ баталіонамъ, какъ это приложимо къ выборамъ въ рейхстагъ, ни за средство достигнуть, благодаря подсчету голосовъ, моральныхъ результатовъ; его можно разсматривать *лишь какъ средство для преслѣдованія опредѣленныхъ практиче-*

скихъ цѣлей, именно, устраненія той опасности, что грубая реакція получитъ въ ландтагѣ большинство». «Поэтому партейтагъ предоставляетъ товарищамъ отдѣльныхъ округовъ принимать по вопросу объ участіи въ выборахъ то или иное рѣшеніе. Если въ какакомъ-либо округѣ будетъ рѣшено принять участіе въ выборахъ, то въ томъ случаѣ, когда при этомъ дѣло будетъ идти о поддержкѣ кандидатовъ буржуазной оппозиціи, *кандидаты должны дать обязательство* отстаивать, въ случаѣ ихъ выбора въ ландтагъ, введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія для выборовъ въ ландтагъ подобно тому, какъ это установлено для выбора въ рейхстагъ, и рѣшительно бороться въ ландтагѣ противъ всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ дальнѣйшему ограниченію или отмѣнѣ народныхъ правъ въ отдѣльныхъ государствахъ». Какъ видимъ обоснованіе участія с.-д. на выборахъ въ ландтагъ—можетъ съ большимъ успѣхомъ быть примѣнено и къ участію русскихъ с.-д. въ выборахъ въ Государственную Думу. И для русскихъ с.-д. участіе въ избирательной компаніи не можетъ считаться генеральнымъ смотромъ идущихъ за ними рабочихъ баталіоновъ. А если и можетъ быть сочтено за таковой, то только въ предѣлахъ рабочей куріи, гдѣ соціаль-демократія, по нашему мнѣнію, дѣйствительно и должна выступить самостоятельно, отказываясь отъ какихъ-либо соглашеній съ какими либо революціонными и оппозиціонными партіями—безразлично. Въ предѣлахъ рабочей куріи мы, дѣйствительно, должны взять совершенно независимую, безъ всякихъ соглашеній соціаль-демократическую линію и постараться сплотить и организовать вокругъ нашего знамени возможно болѣе широкія пролетарскія массы. Но мы не должны отказываться отъ избирательныхъ соглашеній, когда изъ рабочей куріи вступаемъ въ общій процессъ избирательной компаніи. Въ этой компаніи передъ нами встанутъ задачи: или отстраниться и тогда, быть можетъ, въ Думу пройдутъ кандидаты либерально-демократической оппозиціи, или принять участіе и тогда безъ соглашенія съ

оппозиціей—мы этимъ самымъ дадимъ возможность, во многихъ мѣстахъ пройти правымъ. Что же останется на нашу долю? Если въ борьбѣ между правыми—реакціонерами, черносотенниками и либералами (хотя бы въ видѣ кадетовъ) мы не подадимъ свои голоса за кадетовъ,—то не будемъ ли мы, по энергичному выраженію Либкнехта, сказанному по аналогичному случаю — «просто ослами, заслуживающими дубины»? *). Значитъ, участіе въ выборахъ — выдвигаетъ передъ нами задачу поддержки либеральныхъ кандидатовъ. Но почему только «поддержки». Почему можно поддерживать либеральнаго кандидита, ставя, напримѣръ, условіемъ этой поддержки защиту имъ (въ ландтагѣ, Государственной Думѣ и т. д.) всеобщаго избирательнаго права, а не самимъ проникнутъ туда, чтобы еще болѣе энергично выполнить эту защиту принциповъ демократіи. И, конечно, не только ихъ одних. Но для этого потребуется войти въ соглашеніе съ либеральной оппозиціей относительно дѣлежа мѣстъ? Хотя-бы и такъ, тѣмъ болѣе, что вступая въ соглашеніе съ тѣми или иными партіями, мы абсолютно не жертвуемъ ни единымъ нашимъ требованіемъ, ни единымъ нашимъ принципомъ. Мы сходимся на почвѣ опредѣленнаго дѣйствія и при опредѣленныхъ условіяхъ. Цѣлью нашего соглашенія—разбить правыхъ и подобрать наиболѣе намъ желательный составъ будущей Думы. Тамъ, гдѣ мы можемъ пройти и побѣдить на выборахъ,— тамъ мы отказываемся отъ соглашеній. Тамъ-же, гдѣ мы на это не надѣемся, но участвовать въ выборахъ все же считаемъ нужнымъ, — мы входимъ въ соглашеніе съ кандидатами либерально-демократической оппозиціи и не только поддерживаемъ ихъ въ борьбѣ съ различнаго рода правыми, но и требуемъ отъ нихъ уступки намъ мѣста въ Государственную Думу. «Do ut des». Съ высотъ революціоннаго ригоризма, чисто формальнымъ способомъ опе-

*) «Если намъ угрожаетъ исключительный законъ, а мы при перебаллотировкѣ подадимъ свои голоса не за того изъ двухъ буржуазныхъ кандидатовъ, который является противникомъ исключительныхъ законовъ—мы будемъ просто ослами, заслуживающими дубины». (Либкнехтъ).

рирующаго съ основоположеніями марксистской тактики,—такая постановка вопроса покажется, конечно, непріемлемой, и мы знаемъ, что многіе товарищи назовуть подобное соглашеніе «торгашеской» сдѣлкой, имѣющей ввиду «выпросить депутатское мѣстечко». Но это было-бы лишь революціонной риторикой. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ меньшевистской половинѣ уже цитированнаго нами листка Объединеннаго Центральнаго Комитета, выпущеннаго передъ прошлыми выборами, заявлялось «что для рабочихъ не все-ли равно, будетъ-ли у нихъ въ парламентѣ больше или меньше депутатовъ». Авторъ листка поступилъ-бы правильнѣе, если вмѣсто этого поставилъ бы болѣе интересный вопросъ—все-ли равно рабочимъ провести одного депутата или ни одного? Тогда споръ свелся бы къ опредѣленію—зачѣмъ участвуетъ соціаль-демократія на выборахъ: только-ли для цѣлей демонстраціи и организаціи своихъ силъ, не стремясь къ опредѣленнымъ результатамъ, ввидѣ полученія депутатскихъ мѣстъ въ парламентѣ, или къ первой цѣли она прибавляетъ также и вторую. Однимъ словомъ: участіе въ выборахъ ради только участія, или участіе въ выборахъ для преслѣдованія и «опредѣленныхъ практическихъ цѣлей», напримѣръ, устраненія той опасности, что грубая реакція получитъ большинство, въ такомъ важномъ для революціи органѣ — какъ Дума? Если намъ было-бы безразлично присутствіе въ Думѣ соціаль-демократовъ, то тогда нечего бы и говорить объ участіи на выборахъ *до конца*, а поставить вопросъ такъ, какъ его ставила прошлый годъ большая часть меньшевиковъ *). Но жизнь уже показала искусственность этого построенія: «участвовать на выборахъ, но не идти въ Думу» и врядъ-ли теперь найдутся его защитники. Дальше. Мы, соціаль-демократы, стремимся къ тактикѣ, разсчитанной на массовое воспитаніе, организацію и выступленіе рабочаго класса. Спрашивается, когда при октроированномъ самодержавіемъ

*) Я говорю большая часть, а не *всѣ*.—Такъ какъ, напримѣръ, часть группы лицъ, близко стоящихъ къ журналу „Правда",—уже и прошлый годъ стояла за выборы *до конца*.

избирательномъ законѣ—мы можемъ успѣшнѣе провести эти принципы въ избирательной компаніи? Я укажу два момента: первый—организація выборовъ въ рабочей куріи и второй -- работа социаль-демократической группы уже тогда, когда она прошла въ Думу и дѣлается центромъ вниманія россійскаго пролетаріата. Съ этой точки зрѣнія, мы думаемъ, что дѣятельность нашихъ кавказскихъ товарищей — была болѣе соціаль-демократической не тогда, когда они выступали на выборахъ, получая бюллетени отъ избирательной мелкой буржуазіи, а когда— они появились въ Думѣ сплоченной группой, которая стала реальнымъ и открытымъ, а не подпольнымъ, всероссійскимъ центромъ организаціи пролетаріата. Слѣдовательно, если мы даже станемъ на точку зрѣнія участіе въ выборахъ ради участія, ради только организаціи пролетаріата, отбросивъ то, что въ практическомъ смыслѣ можетъ дать присутствіе въ Думѣ депутатовъ соціальдемократовъ, то и тогда мы должны признать ихъ существованіе чрезвычайно важнымъ факторомъ именно въ дѣлѣ организаціи и сплоченіи рабочаго класса во всероссійскомъ масштабѣ. Въ своей прекрасной брошюрѣ „Соціаль-демократія и Государственная Дума“ (изданіе „Новаго міра“) товарищъ Данъ — подчеркиваетъ огромное значеніе классоваго представительства въ Думѣ. „Каждый классъ, тянется именно къ той группѣ, которая стремится выразить во всей полнотѣ его специфическіе классовые интересы. Можно прослѣдить статистически, говоритъ товарищъ относительно прошлой Думы, какъ самостоятельное выступленіе трудовой группы повлекло за собой непрерывное увеличеніе притока писемъ изъ деревень. Рѣчи депутата Михаиличенко, выступившаго въ качествѣ соціаль-демократа, немедленно же отозвались тѣмъ, что именно къ нему посыпались письма и телеграммы отъ рабочихъ и одна изъ такихъ телеграммъ, шедшая изъ глухого Уральскаго угла, была адресована: Государственная Дума, предсѣдателю рабочей партіи Михаиличенко. Обращеніе группы рабочихъ депутатовъ Россіи уже вызвало отвѣтный потокъ заявленій на имя рабочей группы,

и этотъ потокъ съ каждымъ днемъ увеличивается". Однимъ словомъ, „думскія фракціи служатъ какъ-бы кристаллами, которые, опускаясь въ соотвѣтствующій растворъ, вызываютъ и въ немъ процессъ классовой кристаллизаціи" (стр. 18 и 19). Такимъ образомъ, если классовое соціаль-демократическое представительство въ Думѣ есть дѣйствительно сильный толчекъ къ классовому самоопредѣленію пролетаріата и если мы вспомнимъ съ одной стороны—какъ въ тискахъ самодержавнаго режима намъ соціаль-демократамъ трудна работа въ смыслѣ развитія этого *классоваго* самосознанія пролетаріата,—съ другой стороны—что развитіе этого самосознанія пролетаріата есть громадный факторъ именно для доведенія революціи до конца—то неужели мы откажемся отъ возможности имѣть соціаль-демократически выраженное представительство пролетаріата въ Думѣ, хотя бы даже цѣною избирательнаго соглашенія съ той или иной партіей? Неужели мы ясно - сознаваемые, реальные выгоды и интересы пролетаріата принесемъ въ жертву фетишизированному принципу? И пусть не указываютъ на отрицаніе избирательныхъ соглашеній западно-европейской соціаль-демократіей. Тамъ этотъ принципъ имѣетъ свой смылъ и свое основаніе. Западно-европейская соціаль-демократія работаетъ уже на почвѣ консолидировавшагося буржуазнаго строя, который всей своею сущностью, всѣми своими учрежденіями вырабатываетъ въ пролетаріатѣ сознаніе антагонистичности и обособленности его интересовъ, его задачъ—интересамъ этого строя и всѣмъ его буржуазнымъ слоямъ. Не то у насъ. — Кромѣ того, западно-европейскій пролетаріатъ стоитъ предъ соціалистической революціей—а мы же живемъ въ періодъ той революціи, которая еще должна установить буржуазный порядокъ. Неужели тактика соціаль-демократіи по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ въ оба эти историческихъ момента совершенно одинакова? И все таки посмотрите, какъ дѣйствуетъ западно-европейская соціаль-демократія, когда предъ ней встаетъ возможность расширенія правъ народа и пролетаріата, или вообще говоря

непосредственныя практическія цѣли, аналогичныя тѣмъ, что стоятъ теперь передъ нами. Въ этомъ отношеніи — резолюція Ганноверскаго партейтага, предложенная Бебелемъ, представляетъ собою выдающійся интересъ. «Не обольщая себя, гласитъ резолюція, иллюзіями относительно характера и программъ буржуазныхъ партій, которыя представляютъ и защищаютъ современный соціально-политическій порядокъ, партія, однако, *не отвергаетъ совмѣстныхъ дѣйствій* въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о *поддержкѣ партіи на выборахъ, о расширеніи политическихъ правъ и свободы народа, о серьезномъ улучшеніи положенія пролетаріата, о поддержкѣ общекультурныхъ* задачъ или же о борьбѣ противъ всякихъ проектовъ, нарушающихъ интересы рабочаго класса». Однимъ словомъ — мы рѣшаемъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о допустимости избирательныхъ соглашенія. А рѣшивъ его—мы уже и отвѣтимъ, съ кѣмъ и съ какими партіями мы можемъ входить въ избирательныя соглашенія. Какъ уже указывалось—большевики отвѣчаютъ, *только* съ трудовиками,— мы же говоримъ: съ тѣми партіями, которыя выставляютъ опредѣленныя необходимыя намъ требованіе и идутъ по пути нашихъ цѣлей. Значитъ и съ кадетами. Но къ этому мы должны прибавить еще одно указаніе. Партія мирнаго обновленія вѣдь тоже идетъ по пути нашихъ ближайшихъ цѣлей и освободительнаго движенія, однако мы заранѣе исключаемъ возможность соглашенія съ нею. И не только потому, что въ программѣ этой партіи не имѣется того комплекса требованій, который необходимъ какъ минимумъ для акта соглашенія, но также и потому, что сама партія, какъ таковая, по отношенію къ общей достигнутой революціоннымъ движеніемъ стадіи развитія — является отсталой и по своей *объективной* сущности стремящейся отразить и выразить *объективный* смыслъ не настоящаго, а прошлаго, уже изжитаго этапа революціи. Про кадетовъ этого сказать нельзя. Ихъ революція *въ цѣломъ* еще не переросла, а когда перерастетъ (или если перерастетъ), то тогда не

смотря на то, что въ ихъ программѣ мы найдемъ тотъ минимумъ требованій, который необходимъ съ нашей точки зрѣнія для соглашенія,—мы все же на соглашенія съ ними не пойдемъ, ибо они станутъ тогда изъ прогрессивной силы—силой консервативной, и можетъ быть, даже и реакціонной *).

Но въ кадетской партіи, какъ мы это уже говорили, существуютъ по вопросу о соглашеніяхъ съ «крайними» три теченія: одно противъ крайнихъ и за блокъ съ партіями правѣе себя, другое—вообще противъ всякихъ соглашеній и, наконецъ, третье, крайнее, стоящее за соглашеніе съ соціаль-демократіей.

Раздѣленіе кадетской партіи по этому вопросу совершенно не случайно и эти разногласія должны быть нами приняты въ разсчетъ. Если-бы лѣвые кадеты,—а по характеристикѣ «Новаго Пути» лѣвая часть «партіи народной свободы состоитъ изъ *демократіи*» (№ 42), оторвались-бы отъ праваго, земско-дворянскаго, крыла и образовали-бы совмѣстно съ другими подходящими элементами, дѣйствительно, демократическую по духу, составу и тактикѣ группировку, то наше отношеніе къ нимъ значительно- бы упростились. Но образованіе радикальной, народной демократической партіи, однимъ изъ ферментовъ которой могли-бы быть тѣ же лѣвые кадеты,—еще, повидимому дѣло будущаго, хотя нѣкоторые смутные контуры и очертанія этой партіи уже давно пробиваются въ дѣйствительности. Вотъ почему, до тѣхъ поръ, пока, какъ говоритъ тотъ-же «Новый Путь» «политическая ситуація не позволитъ *лѣвѣе кадетовъ* образоваться легальной или, по крайней мѣрѣ, открытой оппозиціонной партіи» (ibid)—до тѣхъ поръ партія ка-де остается «единой». Это, однако, не мѣшаетъ намъ различать въ кадрахъ «единой» партіи различные элементы. И у насъ полный смыслъ выдѣлить достойныхъ и демократическихъ представителей кадетской партіи. Поэтому, стоя за возможность соглашенія съ

*) Вспомните октябристовъ, еще не такъ давно — бывшихъ болѣе или менѣе прогрессивными.

партіей ка-де, мы тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее необходимое добавленіе. Мы непремѣнно должны различать кадетовъ и, если у насъ будетъ возможность оказывать давленіе на кадетскую партію въ смыслѣ выставленія ею болѣе желательныхъ намъ кандидатуръ,—это не должно остаться неиспользованнымъ. Лѣваго кадета мы должны предпочесть правому, кадетовъ вообще мы должны поддерживать противъ болѣе правыхъ и черносотенцевъ. Явнаго сторонника Учредительнаго Собранія—стороннику Думы съ «учредительными функціями» и радикала-республиканца —конституціонному демократу, хотя бы и лѣвому. Что же касается до формы соглашенія, то несмотря на то, что «Новый Путь» и говоритъ о «*блокѣ* съ ка-де, напрашивающемся у с.-д. самъ собою»,—можно уже заранѣе сказать, что соціаль-демократія отвергнетъ предложеніе «блока». Тѣмъ болѣе уже, если этотъ блокъ понимать такъ, какъ это дѣлаетъ «Новый Путь», говоря, что „реакціи правительства страна должна противопоставить *блокъ всего, что есть въ странѣ живого, мыслящаго, готоваго на борьбу за свои идеалы*“ (№ 42). Не слишкомъ-ли будетъ широкъ такой блокъ.

Между временнымъ соглашеніемъ и блокомъ заключается большое различіе, и соціаль-демократія, признавая первыя, рѣшительно отвергаетъ послѣдніе. Временное соглашеніе „имѣетъ предметомъ одинъ, точно опредѣленный актъ, заранѣе обсужденный и взвѣшенный всѣми участниками соглашенія, и кончается съ окончаніемъ этого акта“.*) Тотъ или иной актъ въ процессѣ избирательной кампаніи, можетъ намъ дать почву для совмѣстнаго выступленія и для временнаго соглашенія, но мы не признаемъ никакого блока или союза *по всей линіи избирательнаго* процесса. Намъ остается теперь выяснить ту политическую платформу и тѣ лозунги, на почвѣ которыхъ мыслимо избирательное соглашеніе.

Основнымъ политическимъ требованіемъ, съ которымъ

*) Статьи Дана въ «Искрѣ».

мы выступимъ въ избирательной кампаніи, должно быть требованіе Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Это основное требованіе всей русской революціи, и въ процессѣ избирательной кампаніи мы должны возможно шире распространить выяснить этотъ лозунгъ и возможно больше навербовать его сторонниковъ. И мы пойдемъ въ Думу, именно потому, что видимъ въ ней важную опорную базу для дальнѣйшаго уже всенароднаго движенія къ Учредительному Собранію. „Черезъ Думу къ Учредительному Собранію!"—вотъ одна изъ наиболѣе реальныхъ перспективъ". Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія роль Думы чрезвычайно важна. И она на самомъ дѣлѣ такова, ибо Дума, кромѣ своего значенія какъ всероссійскаго пропагандистско-агитаціоннаго аппарата, кромѣ своего значенія и какъ центра, объединяющаго, организующаго національную борьбу за освобожденіе—имѣетъ огромное значеніе какъ органъ, рѣшающій непосредственно практическія цѣли. Первой Думѣ этихъ цѣлей, какъ мы уже знаемъ выполнить не удалось, но она сошла со сцены, выполнивъ подготовительную работу для второй Думы.

Быть можетъ, второй Думѣ, поддержанной широкимъ организованнымъ движеніемъ и удастся выполнить рядъ практическихъ задачъ. Какихъ? Русское революціонное движеніе въ упоръ пришло къ *проблеммѣ власти*, къ передачѣ власти изъ рукъ представителей самодержавнаго режима. И мы не пойдемъ дальше, не выбивъ эту власть изъ рукъ правительства пулеметовъ и военно-полевыхъ судовъ. Это очередная задача движенія, она намѣчена первой Думой, и вторая Дума при опредѣленныхъ условіяхъ, т.-е. при опредѣленномъ соотношеніи, за ней стоящихъ силъ—можетъ быть органомъ и аппаратомъ, принимающимъ эту власть. Поэтому за „Думу, какъ органъ власти!"

Прибавимъ: за Думу—какъ органъ власти созывающій Учредительное Собраніе. Вотъ вкратцѣ тѣ задачи, которыя должны быть рѣшены народомъ у Думы и черезъ Думу и которыя мы, слѣдовательно, и должны выяснить въ процессѣ выборовъ. Теперь нѣкоторыя поясненія. Уже

изъ сказаннаго вырисовывается физіономія лозунговъ, на почвѣ которыхъ возможны совмѣстныя выступленія и соглашенія. За думу, какъ органъ власти. Это требованіе не отвергается и самой правой изъ партій, съ которыми мы допускаемъ соглашеніе, т.-е. и кадетами, ставившими себѣ еще въ первой Думѣ задачи передачи власти въ руки Думы, уничтоженія бюрократическаго государственнаго совѣта, назначеніе министерства, отвѣтственнаго передъ Думой и т. д. И это одинъ изъ лозунговъ «платформы» соглашенія. Что же касается второго лозунга—созыва Думой Учредительнаго Собранія, то, дѣйствительно, было время, когда тѣ же кадеты заявляли, что задачей конституціонно-демократической партіи является достиженіе «*учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія,* при чемъ реформированная въ силу манифеста 17-го октября Государственная Дума можетъ служить для партіи *лишь одни изъ средствъ на пути* къ осуществленію той же цѣли съ сохраненіемъ постоянной и тѣсной связи съ общимъ ходомъ освободительнаго движенія внѣ Думы». Это заявилъ первый съѣздъ ка-де, 18 Октября 1905 г., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ второй съѣздъ партіи (5—11 Января 1906 г.) уже счелъ нужнымъ опубликовать разъясненіе Ц. К., что терминъ «учредительное собраніе» означаетъ собраніе народныхъ представителей *съ учредительными функціями,* созванное для составленія основнаго закона, а не собраніе, облеченное всей «*полнотой власти*». Въ объективномъ смыслѣ, собственно говоря, эта «поправка» можетъ имѣть существенное значеніе только для характеристики физіономіи кадетовъ, къ созыву же Учредительнаго Собранія эта поправка никакого отношенія имѣть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кадеты и теперь (какъ они заявляютъ) стоятъ за созывъ народнаго представительства на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Но это представительство, по ихъ мнѣнію, не должно обладать всей

«полнотой власти», не должно быть Учредительнымъ Собраніемъ. Оно должно быть только собраніемъ съ «учредительными функціями». Надъ этими разсужденіями можно только посмѣяться. «Полнота власти» свободно избраннаго всенароднаго представительства зависитъ не отъ того, что оно называется «Учредительнымъ Собраніемъ». Поскольку всенародное представительство *захочетъ* быть Учр. Соб. и поскольку у него и за нимъ для этой цѣли будутъ силы — оно будетъ Учредительнымъ Собраніемъ, обладающимъ всей «полнотой власти». И оно будетъ таковымъ—сколько-бы ему заранѣе не кричали объ его только «учредительныхъ функціяхъ». Однимъ словомъ, для того, чтобы всенародное представительство не сдѣлалось Учредит. Собранемъ, у кадетовъ только одно средство: отказаться отъ самаго такого представительства, Ибо у нихъ нѣтъ ровно никакихъ гарантій на то, что національное собраніе не захочетъ взять въ свои руки всю „полноту власти“ и удержать эту власть при наличности фактической силы. Поэтому, когда мы говоримъ о всенародномъ Учредительномъ Собраніи, а кадеты говорятъ о свободно избранномъ всенародномъ представительствѣ съ „учредительными функціями“, которое должно быть созвано Думой, мы можемъ пойти вмѣстѣ. Пусть будетъ созвано такое собраніе! Чѣмъ будетъ такое собраніе—въ пониманіи этого мы разойдемся, ибо мы думаемъ, что „Учредительныя Собранія“ не „созываются“, а будучи созваными—„объявляются“. И у насъ нѣтъ никакихъ ровно основаній допускать, чтобы свободно избранное всенародное представительство (а оно можетъ явиться лишь въ результатѣ полнаго отступленія по всей линіи старой власти) не объявило себя „Учредительнымъ“. А если оно и необъявитъ себя таковымъ или сознательно ограничитъ себя въ полнотѣ власти (напр. въ вопросѣ о формѣ правленія) и если это рѣшеніе утвердитъ страна — значитъ такова дѣйствительная воля народа. Насильно навязывать народу свои взгляды, мы, конечно, не будемъ. Такимъ образомъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что стремясь превратить Думу въ органъ власти, созывающій

полновластное Учредительное Собраніе, мы можемъ вступать въ соглашеніе со всѣми партіями, ставящими себѣ цѣлью—передачу власти большинству Думы и созывъ новой Думы, свободно избранной на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Вотъ оба минимальныя требованія платформы избирательнаго соглашенія.

А теперь постараемся резюмировать нѣкоторые практическіе выводы. Мы считаемъ необходимымъ принять участіе на выборахъ. Въ городахъ и тамъ, гдѣ согласно избирательному закону организуется особая рабочая курія—уполномоченныхъ фабрикъ и заводовъ и въ предѣлахъ этой куріи, мы выступаемъ совершенно самостоятельно, стремясь организовать нашимъ знаменемъ пролетаріатъ и провести въ уполномоченные, равно какъ и въ выборщики,— возможно болѣе соціаль-демократовъ — рабочихъ. Одинаково самостоятельно выступаемъ мы и въ мѣстностяхъ, гдѣ у насъ есть данныя предполагать провести своего кандидата въ Думу. Дальше—такъ какъ курія рабочихъ въ городахъ безъ соглашенія съ другими оппозиціонными партіями врядъ-ли сможетъ провести своего кандидата, то, пытаясь получить большинство голосовъ въ городскихъ избирательныхъ участкахъ (среди демократіи и пролетарскихъ элементовъ, участвующихъ здѣсь уже не въ качествѣ рабочихъ *), соціаль-демократія тѣмъ не менѣе не должна отказываться отъ избирательныхъ соглашеній. По нашему мнѣнію, было-бы желательно, чтобы въ городахъ такой инстанціей была бы только послѣдняя—т.-е. городское собраніе выборщиковъ депутата. Хотя—при нѣкоторыхъ условіяхъ,—инстанціей для соглашенія, можетъ быть, и избират. участокъ. Что же касается нашего участія на выборахъ въ уѣздныхъ и губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, — то

*) Нововышедшимъ «разъясненіемъ» Сената рабочіе окончательно замурованы въ рабочей куріи. Теперь вопросъ о соглашеніяхъ сталъ еще яснѣе.

тамъ установить мѣсто для соглашенія значительно труднѣе, и мы полагаемъ, что общаго указанія на этотъ счетъ не можетъ быть дано. Для каждой мѣстности этотъ вопросъ будетъ рѣшаться отдѣльно,—а какъ («блоки» уже заранѣе исключаются) на это можно отвѣтить лишь послѣ внимательнаго учета соотношенія силъ и анализа различныхъ мѣстныхъ условій. И мѣстныя организаціи партіи, предполагающія участвовать на выборахъ (мы не думаемъ, чтобы въ нихъ принимали, какъ *таковыя*, всѣ организаціи партіи—нѣкоторыя изъ нихъ по недостатку вліянія, силъ и этой возможности лишены) должны подготовиться и внимательно изучить эти условія, причемъ далеко не будетъ безполезнымъ анализъ и собираніе опыта прошлыхъ выборовъ. Вообще же говоря,—участіе въ избирательной компаніи — потребуетъ отъ насъ большой подготовительной работы. Мы должны къ ней *уже* приступить.

Кстати. «Русскія Вѣдомости» (№ 145) сообщаютъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ собираетъ свѣдѣнія, въ какихъ центрахъ и какія организаціи партіи соціаль-демократовъ рѣшили принять участіе въ выборахъ въ Государственную Думу путемъ выставленія собственныхъ кандитатовъ и гдѣ онѣ рѣшили входить въ соглашеніе съ другими оппозиціонными партіями. Военно-полевыхъ дѣлъ мастера намѣрены, какъ видимъ, оказать намъ самое предупредительное вниманіе. Они весьма и весьма считаются съ нами, — постараемся же оправдать ихъ опасенія!

Н. Валентиновъ.

P. S. Статья уже давно была сдана въ наборъ, какъ въ «Товарищѣ» появилось письмо Л. Мартова, посвященное тому-же вопросу о соглашеніяхъ. Тов. Мартовъ, какъ оказывается, также стоитъ на точкѣ зрѣнія *принципіальной* допустимости *избирательныхъ* соглашеній. Нужно полагать, что прошлогодняя позиція «меньшевиковъ», отрицающая какую либо возможность этихъ соглашеній («избирательныхъ сдѣлокъ»), будетъ окончатель-

но оставлена. Что же касается критики Мартовымъ взглядовъ, высказанныхъ въ «Нашемъ Дѣлѣ»,—то ее нельзя признать основательной. Вдобавокъ, что очень печально, тов. Мартовъ критикуетъ «Наше Дѣло» еще не видя этого журнала, только на основаніи отдѣльныхъ фразъ, перепечатанныхъ «Товарищемъ» изъ «Рѣчи».

Соціаль-демократія и пролетаріатъ въ Россіи.

По поводу агитаціи за рабочій съѣздъ.

Гамлетовскій вопросъ „быть или не быть“ встаетъ теперь передъ соціаль-демократіей въ Россіи. Странный, казалось бы, вопросъ и удивительно какъ онъ могъ возникнуть. Развѣ соціаль-демократія не является уже сейчасъ столь же крупнымъ, сколько и несомнѣннымъ фактомъ въ общественной жизни? Развѣ она не играетъ огромной роли въ происходящей революціи и развѣ она уже не заняла съ правомъ почетное мѣсто въ рядахъ международнаго соціализма? И тѣмъ не менѣе та борьба, которая разыгрывается сейчасъ внутри партіи вокругъ идеи рабочаго съѣзда, ставитъ на самомъ дѣлѣ ребромъ вопросъ о самомъ существованіи у насъ партіи.

Достаточно указать, что рабочій съѣздъ противопоставляется у насъ партійному съѣзду и этому одинаково способствуютъ какъ защитники, такъ и противники идеи рабочаго съѣзда. Одновременно идетъ борьба о томъ, созывать или не созывать экстренный партійный съѣздъ и созывать или не созывать рабочій съѣздъ. И какъ общее правило— защитники рабочаго съѣзда являются противниками экстреннаго партійнаго съѣзда и наоборотъ. Выступаетъ это противопоставленіе и прямо въ аргументаціи тѣхъ и другихъ.

Но и независимо отъ прямого противопоставленія самое возникновеніе въ рядахъ соціаль-демократіи идеи рабочаго съѣзда и въ особенности та популярность, которую пріобрѣла уже эта идея

въ рядахъ сознательныхъ рабочихъ Петербурга и Москвы, имѣетъ огромное симптоматическое значеніе. Стремленіе нѣкоторыхъ товарищей большевиковъ представить дѣло такъ, какъ будто эта идея является только празднымъ и вреднымъ измышленіемъ нѣкоторыхъ партійныхъ интеллигентовъ, производитъ въ концѣ концовъ впечатлѣніе неискренности: та страстность и запальчивость тона, которымъ ведется ихъ полемика противъ рабочаго съѣзда ясно показываетъ, что они имѣютъ дѣло съ сильнымъ теченіемъ въ партіи.

Въ чьей бы головѣ ни возникла идея рабочаго съѣзда, горячими адептами этой идеи являются прежде всего и больше всего наши сознательные рабочіе. И рабочіе—большевики идутъ въ этомъ отношеніи рука объ руку съ рабочими—меньшевиками. Объ этомъ говорятъ извѣстія изъ Петербурга, это же наблюдается и въ Москвѣ.

Несмотря на рѣзко большевистскій характеръ московской организаціи *) въ различныхъ районыхъ собраніяхъ довольно значительное меньшинство высказывалось за рабочій съѣздъ, а въ одномъ чисто большевистскомъ райономъ собраніи (замоскворѣцкомъ), гдѣ меньшевики составляли ничтожное меньшинство, рабочіе—большевики вышли изъ повиновенія и почти всѣ противъ интеллигентовъ—большевиковъ голосовали за необходимость рабочаго съѣзда. Какъ видимъ, это не интеллигентская затѣя, и если мы сопоставимъ затѣмъ, что идея рабочаго съѣзда, находящая такой горячій откликъ среди сознательныхъ рабочихъ партій, горячо пропагандируется основателями нашей соціаль-демократіи — Плехановымъ и Аксельродомъ, то мы должны будемъ рѣшительно отклонить всякія предположенія относительно искусственности этой идеи.

---

*) „Большевики“ какъ извѣстно, ведутъ рѣшительную компанію противъ рабочаго съѣзда.

Нѣтъ,—очевидно, эта идея является естественнымъ продуктомъ нашей соціаль-демократіи. Но въ то же время также несомнѣнно, что эта идея въ значительной степени является отрицаніемъ соціаль-демократіи.

Что такое рабочій съѣздъ у авторовъ защитниковъ и пропагандистовъ этой идеи? Это—представительство всей рабочей массы.

Рабочій съѣздъ въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ соціаль-демократическаго съѣзда. Въ соціаль - демократическомъ съѣздѣ представлены только тѣ рабочіе, которые рѣзко противополагаютъ пролетаріатъ всѣмъ остальнымъ классамъ буржуазнаго общества, которые ставятъ себѣ сознательною цѣлью ниспроверженіе господства буржуазіи и установленіе диктатуры пролетаріата для послѣдовательнаго проведенія въ жизнь соціализма. Рѣзко отличаясь отъ такого съѣзда, проектируемый рабочій съѣздъ достаточно рѣзко отличается и отъ съѣзда, напр., англійскихъ трэдсъ-юніоновъ или вообще безпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ. Въ профессіональные союзы во всѣхъ странахъ организована болѣе широкая масса рабочихъ, чѣмъ въ соціаль-демократическую рабочую партію.

Большинство рабочихъ, организованныхъ въ профессіональные союзы, можетъ недостаточно сознательно, недостаточно послѣдовательно противополагать интересы пролетаріата интересамъ буржуазіи. Идея пролетаріата, какъ особаго класса съ интересами рѣзко противоположными интересамъ буржуазіи, можетъ не владѣть еще цѣликомъ ихъ сознаніемъ. Это и естественно, особенно на первыхъ порахъ существованія профессіональныхъ союзовъ, такъ какъ профессіональная борьба не ставитъ рабочихъ въ условія борьбы съ классомъ буржуазіи въ цѣломъ и съ ея организованнымъ классовымъ господствомъ. Но она ставитъ все - таки ихъ въ условія борьбы

съ капиталистами отдѣльныхъ профессій, и съѣздъ профессіональныхъ союзовъ является съѣздомъ рабочихъ, уже втянутыхъ въ организованную классовую борьбу и, слѣдовательно, достигшихъ уже извѣстной степени классоваго самосознанія.

Въ противоположность этому рабочій съѣздъ — это съѣздъ всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, у которыхъ классовое пролетарское самосознаніе находится въ самомъ зародышевомъ состояніи и окрашено еще значительной дозой буржуазной идеологіи. Было бы, конечно, глубокимъ заблужденіемъ считать сознаніе всякаго рабочаго пролетарскимъ сознаніемъ, только потому, что онъ рабочій. Капиталистическій порядокъ не держится конечно, какъ думаютъ анархисты, на голомъ насиліи, онъ опирается долгое время на сознаніе самихъ рабочихъ. Частная собственность на средства производства, загадочная способность цѣнности возрастать въ своей величинѣ, давать прибавочную цѣнность или прибыль, экономическая борьба всѣхъ противъ всѣхъ, эти явленія капиталистическаго міра кажутся массѣ рабочихъ долгое время чѣмъ то естественнымъ и незыблемымъ. Этому буржуазному разуму рабочаго соотвѣтствуетъ долгое время и буржуазное чувство: только постепенно въ ходѣ борьбы рабочій освобождается отъ рѣзкаго индивидуализма, отъ неспособности проникаться интересами болѣе широкаго цѣлаго, этихъ наслѣдій мелкобуржуазной эпохи, только постепенно рабочій, на почвѣ своего экономическаго положенія и вытекающей изъ него съ неизбѣжностью классовой борьбы, проникается чувствомъ общепролетарской солидарности и перерабатывается изъ мелкаго буржуа по своей психологіи въ проникнутаго классовымъ пролетарскимъ чувствомъ рабочаго. Поэтому, рабочій съѣздъ, основанный на представительствѣ всей рабочей массы, самъ по себѣ не даетъ еще никакихъ гарантій того, что это будетъ съѣздъ

пролетарскій по своему духу и настроенію, а не съѣздъ мелкобуржуазный. Гораздо большія гарантіи этого даетъ съѣздъ безпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ, какъ съѣздъ организованныхъ на почвѣ классовой борьбы рабочихъ, и полныя гарантіи этого даетъ только соціаль-демократическій съѣздъ, какъ съѣздъ рабочихъ, ведущихъ организованную общепролетарскую борьбу противъ организованнаго господства *всей буржуазіи*. И то, что соціаль-демократическій съѣздъ опирается на небольшую сравнительно массу организованныхъ рабочихъ, нисколько не отнимаетъ у него права говорить отъ лица пролетаріата.

Во первыхъ, классовое самосознаніе соціаль-демократической части пролетаріата, это—будущее классовое самосознаніе всего пролетаріата.

Во вторыхъ, именно поэтому и то большинство пролетаріата, которое не организовано въ соціаль-демократическую партію, по мѣрѣ того, какъ оно втягивается въ процессъ борьбы съ капиталистическимъ строемъ, начинаетъ постепенно, сначала полусознательно, подпадать подъ вліяніе и руководство своей соціаль-демократической части. Этимъ объясняется, напр., то, что соціаль-демократическая партія Германіи, считая въ своей средѣ только 300—400 тысячъ организованныхъ рабочихъ, на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ собрала 3 милліона соціаль-демократическихъ голосовъ. Въ партію организована только незначительная часть рабочаго пролетаріата, на выборахъ же за нее голосуетъ вѣроятно большинство пролетаріата, во всякомъ случаѣ большинство городскихъ рабочихъ.

И если бы въ Германіи соціаль-демократіи сейчасъ захотѣлось созвать рабочій союзъ, то, конечно, она сумѣла бы провести на этомъ съѣздѣ большинство своихъ кандидатовъ, но для этого ей нужно было бы сохранить свое существованіе въ качествѣ соціаль-демократической партіи и на вы-

борахъ въ рабочій съѣздъ бороться съ другими партіями, какъ единое сплоченное цѣлое, такъ, какъ она дѣлаетъ это при выборахъ въ рейхстагъ. Но тогда самая операція съ рабочимъ съѣздомъ стала бы явно нелѣпой и безсмысленной. Партіи нѣтъ основаній реализировать свое вліяніе на выборахъ въ рабочій съѣздъ и тратить совершенно напрасно на это свои силы, когда она можетъ прямо реализировать это вліяніе при выборахъ въ рейхстагъ, гдѣ она организуется въ грозную для всего буржуазнаго общества политическую силу. Если же германская соціаль-демократія предалась бы на волю стихій и, распустившись, предоставила бы рабочимъ съѣздамъ выражать волю и сознаніе пролетаріата, то, конечно, это ничего не могло бы дать, кромѣ паденія уровня классовой борьбы пролетаріата.

Если же она вздумала бы это сдѣлать въ началѣ существованія рейхстага, когда за нее голосовала какая-нибудь одна, другая сотня тысячъ рабочихъ, то соціаль-демократическія идеи не пріобрѣли бы къ настоящему времени даже незначительной доли того вліянія и значенія въ рабочей массѣ Германіи, которое они пріобрѣли сейчасъ. Потому что, какъ бы тѣ или другія идеи ни соотвѣтствовали объективнымъ условіямъ существованія опредѣленнаго класса, онѣ завоевываютъ сознаніе этого класса только путемъ борьбы, а борьба можетъ итти достаточно успѣшно только тогда, когда она принимаетъ систематическій и организованный характеръ.

Но, могутъ сказать на это, вѣдь у насъ дѣло сейчасъ и не идетъ о распущеніи партіи. Но, во-первыхъ, болѣе крайніе сторонники идеи рабочаго съѣзда ставятъ дѣло именно такъ, они полагаютъ, что теперешняя соціаль-демократическая организація годится только на сломъ, и совершенно открыто и сознательно отдаются на волю стихій. Во-

вторыхъ, рабочій съѣздъ, очевидно, долженъ опредѣлить тактику пролетаріата въ современной революціи и избрать изъ своей среды органъ для проведенія своихъ рѣшеній въ жизнь. Иначе незачѣмъ было бы и созывать рабочій съѣздъ.

Но въ такомъ случаѣ и тѣ сторонники идеи рабочаго съѣзда, которые относятся болѣе снисходительно къ партіи, не могутъ въ своей агитаціи за рабочій съѣздъ не превращать его въ высшую инсанцію, передъ рѣшеніями которой партія должна преклониться.

Поэтому, если тутъ дѣло идетъ не о распущеніи партіи, то во всякомъ случаѣ о приниженіи ея до роли какой-то предварительной комиссіи при рабочемъ съѣздѣ. Борьбу пролетаріата ведетъ тогда уже не с.-д. партія, а скроенная на живую нитку массовая организація всего пролетаріата, дѣйствующая посредствомъ съѣздовъ и выбранныхъ этими съѣздами органовъ. Но въ такомъ случаѣ не намѣчаются ли передъ нами двѣ совершенно противоположныя линіи: одна, стремящаяся обособить пролетаріатъ отъ всѣхъ другихъ классовъ общества, рѣзко и рѣшительно противопоставить его всему буржуазному обществу и съ этою цѣлью стремящаяся упрочить и укрѣпить вліяніе соціаль-демократіи въ пролетаріатѣ, и другая, стремящаяся уже выдѣлившееся соціаль-демократическое меньшинство рабочаго класса потопить въ общей его массѣ и заставить этотъ авангардъ пролетаріата въ своей политической дѣятельности руководствоваться тѣми директивами, которыя вытекаютъ изъ расплывчатаго, неопредѣленнаго и въ значительной степени мелко-буржуазнаго сознанія всей массы пролетаріата? И не ясно ли, что сторонники рабочаго съѣзда принадлежатъ именно къ этому второму, явно оппортюнистическому и явно реакціонному теченію соціаль-демкратіи?

Но прежде чѣмъ поставить этотъ рѣшительный

приговоръ, намъ необходимо во всякомъ случаѣ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое представляетъ собой въ настоящій моментъ та соціаль-демократія, которая въ себѣ самой породила теченіе, ведущее, повидимому, къ ея уничтоженію. Прежде всего мы должны констатировать крайнюю организаціонную слабость нашей соціаль-демократіи. У насъ считается 100 тыс. организованныхъ рабочихъ.

Если мы скинемъ 60, приблизительно, тысячъ, которыя приходятся на польскую соціаль-демократію, латышскую и Бундъ, и тысячъ 10, по крайней мѣрѣ, рабочихъ, организованныхъ на Закавказьѣ, то на русскій (великорусскій и малорусскій) пролетаріатъ, который представляетъ огромное большинство пролетаріата Россіи, придется не болѣе 30 тысячъ *). Но если бы хотя эта цифра могла служить мѣриломъ той организаціонной силы, которую пріобрѣла у насъ соціаль-демократія! На самомъ дѣлѣ далеко не всѣ изъ этихъ 30 тысячъ посѣщаютъ сколько-нибудь правильно организаціоныя собранія, только меньшинство дѣлаетъ правильные взносы въ партійную кассу и очень немногіе имѣютъ хоть приблизительное представленіе о соціаль-демократической программѣ. Въ Москвѣ сейчасъ считается отъ 6 до 7 тысячъ организованныхъ въ партію членовъ, но врядъ ли болѣе трети ихъ посѣщаютъ правильно заводскія собранія, еще меньшее количество дѣлаетъ правильные взносы въ партійную кассу и уже во всякомъ случаѣ не тысячами, а только сотнями слѣдуетъ считать тѣхъ членовъ партіи, которые имѣютъ хоть нѣкоторое приблизительное представленіе о соці-

*) Приведенныя цифры относяться ко времени объединительнаго съѣзда. Какъ мнѣ пришлось узнать уже послѣ того, какъ статья была отдана въ печать, число русскихъ организованныхъ рабочихъ считается въ настоящій моментъ равнымъ 55 тыс.

аль-демократической программѣ и ея отличіи отъ программъ другихъ партій.

И при этомъ изъ этихъ сотенъ добрая половина приходится на интеллигентовъ, что и придаетъ партіи какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ ярко интеллигентскій характеръ. Небольшая кучка вполнѣ сознательныхъ рабочихъ, выдѣляясь изъ массы не въ большемъ, если не въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ какомъ въ партію приливаютъ интеллигенты, отступаетъ передъ послѣдними на задній планъ,—и вся партія имѣетъ характеръ малосознательной и очень мало соціаль-демократической рабочей массы, находящейся подъ руководствомъ и управленіемъ интеллигентовъ.

Конечно, большинство тѣхъ рабочихъ, которые посѣщаютъ наши заводскія собранія, не является просто случайнымъ сбродомъ, это люди, тяготѣющіе къ соціаль-демократіи, но въ Германіи *тяготѣютъ* по соціалъ-демократіи 3 милліона избирателей, между тѣмъ какъ въ партіи считается не болѣе 400 тысячъ, и если бы членами партіи считать всѣхъ неопредѣленно тяготѣющихъ къ соціаль-демократіи, то и у насъ число членовъ партій можно было бы увеличить еще въ 10 разъ, такъ какъ и у насъ на почвѣ всей пропагандистики и огитаціонной дѣятельности партіи получилось извѣстное, хотя и очень неопредѣленное тяготѣніе широкой рабочей массы къ соціаль-демократіи.

Конечно, уровень членовъ заводскихъ собраній нѣсколько выше, чѣмъ уровень широкой рабочей массы, но это—не сознательные соціаль-демократы, это не люди, которые могутъ стать соціаль-демократическими руководителями рабочей массы. И составъ ихъ поэтому до извѣстной степени случайный. За предѣлами заводскихъ собраній остаются сплошь и рядомъ люди болѣе интеллигентные, болѣе активные и болѣе вліятельные въ рабочей

массѣ, и не менѣе, чѣмъ члены заводскихъ собраній, тяготѣющіе къ соціаль-демократіи. Но они только „тяготѣютъ“ и поэтому у нихъ не является непреодолимаго стремленія войти въ партію, а слабая почва для активности и самодѣятельности, которую представляетъ теперешняя интеллигентская и загнанная въ подполье партія, отталкиваетъ ихъ отъ нея.

И въ настоящее время, когда открылась возможность дѣятельности въ профессіональныхъ союзахъ, они съ гораздо большей охотой идутъ туда, чѣмъ въ партію.

Наша соціаль-демократическая организованная партія представляетъ, такимъ образомъ, пока жалкую пародію на массовыя пролетарскія партіи, существующія въ Западной Европѣ. И—если тѣмъ не менѣе соціаль-демократія пріобрѣла у насъ довольно широкое вліяніе на рабочую массу, то это вліяніе лишено всякой прочности и опредѣленности. Тѣ рѣшенія, которыя принимаетъ наша партія, не имѣютъ никакихъ гарантій того, что они будутъ приняты рабочей массой. Соціаль-демократическая партія не является политическимъ вождемъ рабочей массы и не можетъ имъ являться, такъ какъ она не является организаціей сознательнаго соціаль-демократическаго меньшинства рабочаго класса. Наши соціаль-демократическіе съѣзды не являются еще пока рабочими съѣздами. Послѣдній объединительный съѣздъ считалъ за собой свыше 30 тысячъ организованныхъ рабочихъ, но это не сдѣлало его рабочимъ съѣздомъ, такъ какъ самый счетъ былъ въ значительной степени фиктивный. Дѣло, конечно, не въ обманѣ, 30 тысячъ дѣйствительно числилось въ рядахъ партіи, но мы уже видѣли, что это за члены партіи, и всякому, кто принималъ участіе въ предвыборной съѣздовной борьбѣ бросалась въ глаза полная некомпетентность въ во-

просахъ партійной жизни, полное незнакомство съ ними большинства нашей партіи. Масса выбирала людей, которые выступали руководителями въ организаціи, не отдавая себѣ въ то же время сколько нибудь яснаго отчета въ той позиціи, которую они намѣрены защищать на съѣздѣ. Выбирала при этомъ по преимуществу интеллигентовъ и, если выбирала иногда рабочихъ, то въ значительной степени потому, что сами интеллигенты объ этомъ старались, желая придать съѣзду возможно болѣе рабочій характеръ.

Итакъ, если нашъ объединительный съѣздъ или тотъ экстренный съѣздъ, которые хотятъ созвать теперь большевики, и признать съѣздами соціаль-демократической партіи, то это—во всякомъ случаѣ не съѣзды соціаль-демократической *рабочей* партіи, такъ какъ опредѣляетъ судьбу партіи не та рабочая масса, которая числится въ ея спискахъ, а незначительный слой, находящійся вверху партіи и состоящій по преимуществу изъ интеллигентовъ. Поэтому, противопоставлять нашъ съѣздъ—рабочему съѣзду и во имя его отрицать рабочій съѣздъ смѣшно и нелѣпо.

Но являются ли наши съѣзды, по крайней мѣрѣ, соціаль-демократическими съѣздами, или, иначе говоря, является ли наша партія дѣйствительно соціаль-демократической партіей? Но уже потому, что она не является въ настоящемъ смыслѣ слова рабочей партіей, ея соціаль-демократическій характеръ не можетъ не возбуждать серьезныхъ сомнѣній. Большинство тѣхъ интеллигентовъ, которые наполняютъ всѣ отвѣтственныя и руководящія мѣста въ нашей партіи и подавляютъ и оттѣсняютъ на задній планъ сознательныхъ рабочихъ, превосходятъ этихъ рабочихъ только по количеству болѣе или менѣе отрывочныхъ знаній, а не по стройности и послѣдовательности своего марк-

систскаго міросозерцація. Въ марксизмѣ они, въ концѣ концовъ, понимаютъ не больше, чѣмъ вытѣсняемые ими рабочіе, но у нихъ зато нѣтъ той рабочей психологіи и вытекающаго изъ нея естественнаго тяготѣнія къ соціаль-демократіи, которое есть у рабочихъ. Полицейскія условія мѣшаютъ непосредственному общенію посредствомъ печати и собраній между широкой рабочей массой и дѣйствительно выдержанными и послѣдовательными марксистами, а тотъ слой интеллигентовъ, который непосредственно соприкасается съ организованными рабочими, очень мало можетъ способствовать послѣдовательному проникновенію этихъ рабочихъ соціаль-демократическими идеями. А между тѣмъ, этотъ слой, занимая господствующее положеніе въ партіи, опредѣляетъ ея жизнь и является судьей тѣхъ разногласій, которыя возникаютъ внутри партіи. Впрочемъ, разрѣшеніе этихъ разногласій съѣздами до сихъ поръ у насъ не имѣло почти никакого практическаго значенія, такъ какъ постановленія съѣздовъ до сихъ поръ никакой обязательной силы для несогласной съ ними части партіи не имѣли.

Въ настоящій моментъ внутри партіи борятся два теченія, рѣзко отличающіяся одно отъ другого по своимъ тактическимъ взглядамъ; но побѣда на объединительномъ съѣздѣ одного изъ этихъ теченій (меньшевистскаго) оказало очень мало вліянія на тактику другого (большевистскаго). Оба теченія жили совершенно особой жизнью, систематически расходились во всѣхъ тактическихъ рѣшеніяхъ, проводили, каждое, свои самостоятельныя рѣшенія, и передъ широкой рабочей массой боролись между собой, какъ двѣ совершенно различныя партіи. И то формальное организаціонное единство, которое спаяло оба теченія, одинаково мѣшало имъ обоимъ и превращало всю партію въ какую то совершенно дезоргонизованную массу. Все это очень мало спо-

собствовало увеличенію авторитета партіи въ рабочей массѣ и дѣлало ее чрезвычайно мало способной оказывать политическое вліяніе на массу. Къ сожалѣнію, изъ этого состоянія партіи не намѣчается никакого опредѣленнаго выхода. Послѣ того, какъ партія объединилась, раскалываться ей чрезвычайно трудно, такъ какъ та рабочая масса, которая наполняетъ партію, чрезвычайно смутно представляетъ себѣ то на самомъ дѣлѣ глубокое принципіальное различіе, которое существуетъ между двумя теченіями, и такъ какъ въ самыхъ верхахъ партіи, особенно послѣ присоединенія къ ней окраинныхъ партій, очень много болотныхъ элементовъ, не примыкающихъ опредѣленно ни къ одному изъ теченій. И новый экстренный съѣздъ, если онъ будетъ созванъ, оставитъ партію въ томъ же безпомощномъ положеніи, въ которомъ она находится сейчасъ. Ни полнаго объединенія, ни полнаго разъединенія! По истинѣ трагическое положеніе. А разногласія слишкомъ глубоки, чтобы можно было разсчитывать на ихъ исчезновеніе или сколько нибудь значительное ослабленіе въ ближайшемъ будущемъ.

Такъ называемое „большевистское“ теченіе все яснѣе обрисовывается, какъ теченіе мелкобуржуазное по своимъ ближайшимъ цѣлямъ и задачамъ и бланкистско-анархистское по своей тактикѣ.

„Диктатура пролетаріата и крестьянства“ является основной руководящей идеей „большевиковъ“. Союзъ пролетаріата съ крестьянствомъ для совмѣстнаго завладѣнія властью, какъ навязчивая идея, стоитъ постоянно передъ большевиками, ослѣпляя ихъ сознаніе, подвляя ихъ волю. Далекъ еще этотъ союзъ отъ реализаціи, масса крестьянства остается еще стихійной силой революціи, а сознательные слои крестьянства, въ лицѣ, напримѣръ, своихъ представителей въ покойной Думѣ —трудовиковъ безпомощно мечутся между пролетаріатомъ и бур-

жуазіей, но навязчивая идея о союзѣ съ крестьянствомъ лишаетъ большевиковъ уже сейчасъ всякой свободы дѣйствій, какъ будто этотъ союзъ уже заключенъ. И всѣ усилія они употребляютъ, чтобы лишить этой свободы дѣйствій и пролетаріатъ.

Какой-то „большевикъ“ въ „Свѣточѣ“ договорился даже до того, что дѣлилъ социаль-демократовъ въ зависимости отъ того, за кого они стоятъ, за трудовиковъ или кадетовъ: „меньшевики“—правое крыло партіи—стоятъ за кадетовъ, а „большевики“—лѣвое крыло—за трудовиковъ. Оставалось послѣ этой классификаціи только удивляться, зачѣмъ существуетъ соціаль-демократія въ качествѣ отдѣльной партіи. Чего проще ей было бы—одной части слиться совершенно съ кадетами, а другой съ трудовиками.

А между тѣмъ эта нелѣпая классификація была только послѣдовательнымъ доведеніемъ до абсурда той позиціи, которую занимали большевики по вопросу о тактикѣ пролетаріата въ отношеніи Государственной Думы.

Меньшевики стремились сохранить за соціальдемократіей самостоятельную, независимую роль и, отказываясь отъ самостоятельной, систематической поддержки какой бы то ни было изъ буржуазныхъ партій въ Думѣ, считали необходимымъ поддерживать только тѣ и другіе шаги этихъ партій, руководствуясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исключительно интересами пролетаріата. Большевики же стремились дѣйствовать такъ, какъ будто между соціаль-демократами и трудовиками уже существуетъ тѣсный блокъ, направленный противъ кадетовъ.

Поэтому большевики рѣшительно высказывались противъ поддержки требованія отвѣтственнаго министерства на томъ основаніи, что это министерство будетъ кадетскимъ, несмотря на то, что они сами признавали осуществленіе этого требованія

выгоднымъ для пролетаріата и для дальнѣйшаго развитія революціи. Въ то же время они старались затушевать и смягчить разногласіе между соціаль-демократами и трудовиками по аграрному вопросу. Они обвиняли меньшевиковъ въ томъ, что они хотятъ затемнить сознаніе пролетаріата своей поддержкой кадетскаго министерства. Какъ будто не является однимъ изъ основныхъ тактическихъ принциповъ соціаль-демократіи, что, борясь съ буржуазіей во имя соціализма, она въ то же время самымъ энергичнымъ образомъ поддерживаетъ ее въ борьбѣ со всѣми стремленіями задержать или повернуть колесо исторіи назадъ. Стремленіе къ блоку съ мелкобуржуазной партіей трудовиковъ заставляло большевиковъ совершенно забывать эту аксіому соціаль-демократіи. Поддержка буржуазной партіи кадетовъ въ ея борьбѣ съ силами феодализма и реакціи казалась имъ затемнѣніемъ сознанія пролетаріата, а въ высшей степени мягкое отношеніе къ реакціоннымъ стремленіямъ трудовиковъ задержать искусственными мѣрами капиталистическое развитіе въ деревнѣ, очевидно, казалось имъ необходимымъ для развитія классоваго сознанія пролетаріата.

Въ полной гармоніи съ этими мелкобуржуазными тенденціями стоитъ и бланкистско-анархистская тактика большевиковъ. Разъ захватъ власти пролетаріатомъ и крестьянствомъ не можетъ явиться естественнымъ результатомъ ихъ сознательности и организованности, остается расчитывать на искусственныя средства, въ видѣ сфабрикованнаго въ подпольѣ вооруженнаго возстанія, а когда на почвѣ безплодныхъ и безуспѣшныхъ попытокъ завладѣть властью начинаетъ охватывать чувство безсилія, тогда во-время являются на сцену террористическія стремленія, создающія призракъ борьбы.

Это теченіе слишкомъ рѣзко отличается отъ со-

ціаль-демократіи, чтобы всѣ, въ комъ сколько-нибудь живутъ принципы междунироднаго соціализма, могли мирно уживаться съ нимъ. Соціаль-демократія у насъ не будетъ соціаль-демократіей, пока она не освободится отъ большевистскихъ тенденцій. Когда большевики составляютъ чуть не половину партіи, партія не можетъ вести соціаль-демократичечкую линію и неизбѣжно осуждена на безсиліе. У нея не можетъ быть общихъ обязательныхъ рѣшеній по тактическимъ вопросамъ, такъ какъ по всѣмъ основнымъ вопросамь тактики два борющіяся внутри партіи теченія не могутъ не расходиться въ рѣзко противоположныя стороны. Когда подъ знаменемъ соціаль-демократіи систематически проводятся мелкобуржуазныя тенденціи и подоерживаются элементы анархіи въ революціи—партія перестаетъ быть соціаль-демократической и вмѣсто развитія классоваго самосознанія пролетаріата способствуетъ его затемнѣнію.

Но трагизмъ соціаль-демократіи заключается въ томъ, что въ то же время ей въ высшей степени трудно въ современной революціи отдѣлаться отъ мелкобуржуазныхъ элементовъ и мелкобуржуазныхъ тенденцій. Трудно, потому что современная революція въ высокой степенн благопріятствуетъ образованію мелкобуржуазной революціонной партіи и чрезвычайно мало благопріятна существованію послѣдовательной пролетарской партіи.

Масса пролетаріата не порвала еще экономической связи съ деревней и поддерживаетъ болѣе или менѣе постоянныя сношенія съ крестьянствомъ.

Эта экономическая связь пролетаріата съ крестьянствомъ закрѣпляется и усиливается развитіемъ революціи. Крестьянство и такъ не является для пролетаріата чуждымъ слоемъ, его какъ реальныя стремленія, такъ и утопическія мечты встрѣчаютъ и такъ поддержку и сочувствіе среди пролетар-

ской массы, а развитіе революціи съ своей стороны все рѣзче выдвигаетъ солидарность интересовъ пролетаріата и крестьянства и отодвигоетъ на задній плаиъ различіе ихъ интересовъ. Крестьянство стало у насъ рѣшающей силой революціи. Всѣ слои, стремящіеся къ освобожденію, заискиваютъ у крестьянства, ищутъ связи съ нимъ. Земля и воля стали у насъ лозунгомъ революціи, и борющіися силы раздѣляются между собой, главнымъ образомъ, потому, насколько далеко онѣ идутъ въ этихъ двухъ требованіяхъ.

Земля и воля стоятъ и на знамеои пролетаріата. Благодаря далеко еще не порвевшейся связи пролетаріата съ крестьянствомъ, горячее чувство согрѣваетъ у пролетаріата тѣ крестьянскія требованія, которыя онъ считаетъ нужнымъ поддерживать, а когда это чувство находитъ себѣ могущественную поддержку въ расчетѣ, оно создаетъ въ высшей степени благодарную почву для сближенія пролетаріата съ крестянствомъ. Во имя демократическаго развитія революціи пролетаріатъ не можетъ не поддерживать санымъ энергичнымъ образомъ земельныя требованія крестьянства. Въ то же время поддержка этихъ требованій необходима для развитія производительныхъ силъ, и, слѣдовательно, получаетъ высшее оправданіе съ точки зрѣнія соціализма. Но бѣда въ томъ, что соціализмъ занимаетъ пока очень мало мѣста въ сознаніи пролетаріата, и то оправданіе, которое получаютъ земельныя крестьянскія требованія въ сознаніи пролетаріата поэтому не такъ ужъ сильно отличаются отъ того оправданія, которое они получаютъ въ сознаніи крестьянства. Мелкій буржуа сидитъ еще достаточно сильно въ нашемъ рабочемъ и собственническія стремленія и мечты крестьянина, дѣлаясь лозунгами рабочаго, едва ли могутъ способствовать развитію его пролетарскаго сознанія и проникновенію его соціаль-демократи-

ческими идеями. А масса демократической интеллигенціи въ своемъ страстномъ стремленіи къ свободѣ ищетъ опоры *и* въ пролетаріатѣ *и* въ крестьянствѣ и, относясь достаточно равнодушно къ соціализму, стремится спаять эти два класса въ одно сплоченное цѣлое.

Эсэры съ этой точки зрѣнія являются жизненнымъ теченіемъ, и та отчаянная борьба, которую вели соціаль-демократы противъ эсэровъ во имя стремленія обособить и противопоставить пролетаріатъ всему буржуазному обществу, кончилось тѣмъ, что на мѣсто вытѣсненныхъ изъ пролетаріата эсэровъ стали родственные имъ по духу и настроенію большевики.

И въ то же время полицейскія условія самымъ сильнымъ образомъ мѣшаютъ развитію классоваго самосознанія пролетаріата, которое одно могло бы устранить или ослабить тѣ мелкобуржуазныя тенденціи, которыя усиливаетъ и укрѣпляетъ въ пролетаріатѣ развитіе революціи.

При такихъ условіяхъ естественно зарождается сомнѣніе въ томъ, возможна ли вообще послѣдовательная соціаль-демократическая партія въ настоящій моментъ у насъ, не безплодны ли попытки создать теперь у насъ соціаль-демократическую массовую партію и не лучше ли отложить эти попытки до побѣды революціи и наступленія новыхъ политическихъ условій? И не воспользоваться ли рабочимъ съѣздомъ для чрезвычайно удобной ликвидаціи этихъ попытокъ? Эта мысль уже имѣетъ своихъ представителей. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ одного такого меньшевика и притомъ даже имѣющаго литературное имя. Прежде всего, говорилъ онъ мнѣ, нужно заключить тѣсный блокъ съ эсэрами, подходящимъ моментомъ для этого будутъ выборы въ Думу, потомъ дружно приняться за подготовленіе рабочаго съѣзда съ тѣмъ, чтобы на немъ окончательно объединиться и составить новую

единую „соціалистическую" партію, въ которой будутъ возсѣдать не только меньшевики и большевики, но въ вмѣстѣ съ ними и эсэры, а можетъ быть и народно-соціалистическая партія и трудовики. За послѣднее, впрочемъ, не ручаюсь.

Но я не принадлежу къ числу людей, которые мѣняютъ свои убѣжденія, какъ перчатки, и можетъ быть поэтому не склоненъ совершенно безнадежно смотрѣть на положеніе въ современной революціи соціаль-демократіи. Вокругъ идеи соціаль-демократической партіи велась слишкомъ страстная борьба и создались слишкомъ прочныя традиціи, чтобы не питать нѣкоторыхъ надеждъ на возможность въ процессѣ революціи созданія массовой соціаль-демократической партіи. Сидя въ подпольѣ, конечно, чрезвычайно трудно двигаться впередъ къ осуществленію этой цѣли, но изъ подполья вѣдь и рабочій съѣздъ невозможно организовать. Но развитіе революціи идетъ приливами и отливами, и каждый подъемъ революціи создаетъ благопріятныя условія для укрѣпленія вліянія соціаль-демократіи на рабочую массу, для установленія болѣе тѣсной связи между соціаль-демократіей и пролетаріатомъ. Жалкой является наша теперешняя партія съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, которыя она себѣ ставитъ, но все таки она сдѣлала крупный шагъ впередъ по пути приближенія къ массовой партіи по сравненію съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оно находилось до 17 октября. Выборы въ Думу могли бы сыграть въ этомъ отношеніи крупную роль, но тактика бойкота этому помѣшала. Новые выборы въ Думу должны быть использованы съ этой цѣлью самымъ энергичнымъ образомъ. Выборы въ Думу, вокругъ которыхъ сконцентрируется вниманіе всей Россіи и на которыхъ борьба партій будетъ ставить живо волнующіе всѣхъ вопросы революціи, явятся лучшимъ средствомъ для привлеченія вниманія широкой рабочей массы къ со-

ціаль-демократической платформѣ и для сплоченія ея вокругъ соціаль-демократіи. Съ другой стороны, тѣ широкія связи, которыя могутъ установиться у соціаль-демократіи съ пролетаріатомъ во время выборовъ и послѣ нихъ, могутъ послужить основой для перестройки партіи на широкихъ массовыхъ началахъ. Партія затѣмъ должна обратить самое энергичное вниманіе на работу въ профессіональныхъ союзахъ, она должна тѣсно спаять профессіональные союзы съ партіей, иначе и союзамъ и партіи грозитъ серьезная опасность, союзамъ сбиться на узко-профессіональный путь или на путь ревизіонизма, а партіи потерять живую связь съ массой. Мы не должны забывать, что только тогда, когда партія живетъ жизнью массы, когда она затрогиваетъ ея жизненные повседневные интересы, когда соціалистическій идеалъ, одушевляющій партію, проявляется не только въ пропагандѣ и агитаціи, но и въ той послѣдовательности и рѣшительности, съ какой она защищаетъ всѣ ближайшіе интересы пролетаріата, только тогда конечная цѣль партіи пробиваетъ дорогу къ сознанію и чувству пролетаріата и становится его религіей.

У нашей же партіи ея конечная цѣль не проявлялась достаточно сильно и глубоко ни въ пропагандѣ и агитаціи, ни въ защитѣ повседневныхъ интересовъ пролетаріата. И партія должна обратить достаточно сильное вниманіе и на то и на другое.

Всѣ дѣйствительные соціаль-демократы должны въ то же время самымъ энергичнымъ образомъ бороться внутри партіи за освобожденіе ея отъ большевистскихъ тенденцій, и нужно сказать, что эта борьба можетъ быть успѣшной только постольку, поскольку партія будетъ пріобрѣтать широкій массовый характеръ и въ развивающейся рабочей

массѣ будетъ имѣть судью своихъ разногласій по тактическимъ вопросомъ.

Теперь, послѣ всего изложеннаго, ясно и то отношеніе, въ которое партія должна стать къ рабочему съѣзду. Не будучи въ настоящее время дѣйствительно соціаль-демократической и въ то же время дѣйствительно рабочей партіей, и не будучи въ состояніи общерабочему съѣзду противопоставить соціаль-демократическій рабочій съѣздъ, партія не имѣетъ никакихъ основаній бороться противъ общерабочаго съѣзда. Напротивъ, при той внутренней дисгармоніи, которая проникаетъ теперь партію и самымъ сильнымъ образомъ мѣшаетъ ея вліянію на пролетаріатъ, созваніе рабочаго съѣзда для объединенія дѣятельности пролетаріата въ рѣшительный политическій моментъ можетъ оказаться даже безусловной необходимостью.

Разъ партія безсильна дѣйствовать въ пролетаріатѣ, какъ единое цѣлое, и въ то же время безсильна расколоться на двѣ самостоятельныя части,— аппеляція ко всему пролетаріату въ лицѣ рабочаго съѣзда становится единственнымъ выходомъ.

Съ другой стороны, разъ соціаль-демократическая партія не является у насъ организаціей соціаль-демократическаго меньшинства рабочаго пролетаріата и не охватываетъ прочнымъ организаціоннымъ вліяніемъ значительную массу пролетаріата, то опять таки единственнымъ средствомъ для того, чтобы пролетаріатъ могъ занять опредѣленную позицію въ рѣшительный политическій моментъ, можетъ явиться рабочій съѣздъ. Этотъ съѣздъ навѣрное, не явится выразителемъ послѣдовательной пролетарской идеологіи, онъ, навѣрное, будетъ окрашенъ до извѣстной степени мелкобуржуазными тенденціями, весьма вѣроятно, что въ немъ образуется большевистско-эсэровское большинство,—и тѣмъ не менѣе онъ можетъ оказаться единственнымъ средствомъ для того, чтобы въ рѣшающій

моментъ пролетаріатъ могъ оказать существенное вліяніе въ своихъ интересахъ на исходъ революціи.

Было бы лучше, конечно, если бы у насъ уже существовала массовая соціаль-демократическая партія, стоящая во главѣ пролетаріата, являющаяся его политическимъ руководителемъ. Тогда поддерживать или вызывать агитацію за общерабочій безпартійный съѣздъ—значило бы задерживать развитіе пролетаріата, толкать его назадъ къ нисшей, уже пройденной ступени развитія.

Даже значительное меньшинство пролетаріата, способное проводить послѣдовательную соціаль-демократическую тактику, могло бы оказать гораздо больше вліянія на развитіе революціи и развитіе классоваго самосознанія пролетаріата, выступая какъ самостоятельная политическая сила, а не какъ подчиненная часть того, болѣе широкаго и болѣе неопредѣленнаго, цѣлаго, какимъ является весь пролетаріатъ. Но этого меньшинства сейчасъ нѣтъ. Если какая-нибудь кучка интеллигентовъ и рабочихъ усвоила себѣ правильную соціаль-демократическую тактику, то это еще не дѣлаетъ ее политической силой. Нужно, чтобы эта сила выросла въ самомъ пролетаріатѣ, чтобы подъ знаменемъ послѣдовательнаго соціаль-демократизма сгруппировались значительные слои рабочихъ.

Могучимъ факторомъ, дѣйствующимъ въ этомъ направленій, можетъ явиться политическая борьба на выборахъ въ Думу и въ самой Думѣ. Въ томъ же направленіи будетъ дѣйствовать, вѣроятно, и рабочій съѣздъ. Безполезный или вредный при наличности массовой соціаль-демократической партіи, онъ при ея отсутствіи можетъ оказаться однимъ изъ средствъ для образованія такой партіи.

Масса рабочихъ имѣетъ чрезвычайно смутное представленіе не только о разногласіяхъ, раздѣляющихъ нашу партію, но и о разногласіяхъ, раздѣляющихъ соціаль-демократовъ отъ эсэровъ. Но

рабочій съѣздъ будетъ собираться въ моментъ революціоннаго подъема для рѣшенія конкретныхъ задачъ, выдвинутыхъ революціей. Только при такихъ условіяхъ масса можетъ заинтересоваться рабочимъ съѣздомъ и принять участіе въ выборахъ на этотъ съѣздъ. Рабочій съѣздъ можетъ собраться, напр., въ связи съ Государственной Думой и тѣми вопросами, которые выдвинетъ на сцену ея созывъ.

Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ проявятся всѣ тѣ разногласія, которыя раздѣляютъ теперь различныя революціонныя теченія. Онѣ встанутъ только передъ массой тогда въ живой конкретной постановкѣ: въ какомъ отношеніи стать къ различнымъ партіямъ, какую вести тактику въ Думѣ, съ какими выступать лозунгами? И нашей задачей тогда будетъ — воспользоваться выборами на рабочій съѣздъ, чтобы втянуть широкую рабочую массу въ обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ.

Не тушить наши разногласія на рабочемъ съѣздѣ мы должны, какъ предлагаютъ намъ нѣкоторые, а, напротивъ, развернуть ихъ посредствомъ съѣзда передъ широкой массой. Самый рабочій съѣздъ мы должны использовать не только для объединенія дѣйствій пролетаріата въ данный революціонный моментъ, но и для организаціи на немъ на строго дѣловой почвѣ всѣхъ дѣйствительныхъ и послѣдовательныхъ соціаль-демократовъ.

И изъ той борьбы, которая будетъ развиваться на рабочемъ съѣздѣ между различными теченіями, существующими въ рабочемъ классѣ, родится можетъ быть, наконецъ та послѣдовательно соціаль-демократическая массовая партія, которая въ состояніи будетъ стать политическимъ руководителемъ пролетаріата.

Череванинъ.

P.S. Послѣ того, какъ моя статья была отдана въ печать, мнѣ пришлось познакомиться со взглядами петербургскихъ сторонниковъ рабочаго съѣзда, которые, какъ оказалось, кое въ чемъ отличаются отъ взглядовъ московскихъ адептовъ этой идеи. Такъ, петербуржцы не находятъ возможнымъ говорить о представительствѣ на рабочемъ съѣздѣ всего рабочаго класса, они предлагаютъ привлечь къ выборамъ на рабочій съѣздъ только тѣхъ рабочихъ, которые признаютъ, что дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самаго рабочаго класса, и что необходимо образованіе самостоятельной рабочей партіи.

Я не вижу никакого смысла въ такомъ ограниченіи. Для какой цѣли предлагается это ограниченіе? Для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ участіе въ выборахъ эсэровъ, или ушаковцевъ, или безпартійныхъ?

Но, во первыхъ, это не удастся: и эсэры и ушаковцы подпишутся подъ этими требованіями, чтобы принять участіе въ выборахъ; рабочіе, не опредѣлившіе своего политическаго сознанія, также примутъ участіе въ выборахъ, если они заинтересуются ими. А во вторыхъ, нужно ли намъ и стремиться къ тому, чтобы исключать изъ выборовъ эсэровъ, ушаковцевъ и безпартійныхъ? Какое значеніе вообще можетъ имѣть такой урѣзанный рабочій съѣздъ? Не превратится ли онъ тогда просто въ нашъ партійный съѣздъ?

Но какое бы значеніе ни придавали петербургскіе товарищи своимъ ограниченіямъ, ихъ значеніе ровно нулю. Идея рабочаго съѣзда можетъ вообще увлечь сколько нибудь широкую рабочую массу только въ моментъ общественнаго подъема, а тогда на выборы вездѣ, гдѣ сколько нибудь сильно движеніе, устремятся всѣ рабочіе, или огромное ихъ большинство, подобно тому, какъ огромное большинство петербургскихъ рабочихъ принимало уча-

стіе въ выборѣ Совѣта Депутатовъ. Это не будетъ *всеобщій* рабочій съѣздъ, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и выборы въ парламентъ нигдѣ и никогда не бываютъ всеобщими, несмотря на наличность всеобщаго избирательнаго права.

Условія образованія массовой соціаль-демократіи.

Какъ нѣкогда Щедринъ съ скорбнымъ зовомъ вопрошалъ: «Читатель гдѣ ты?» такъ по временамъ русскій интеллигентъ-соціаль демократъ печально спрашиваетъ: «русская соціаль-демократія—гдѣ ты? отзовись?» Этотъ грустный вопросъ раздается тогда, когда послѣ бури и натиска политической жизни, послѣ гигантскаго подъема революціонной волны, наступаетъ нѣкоторое затишье, когда послѣ минутнаго оцѣпенѣнія и отступленія абсолютизма начинается дикая оргія правительственныхъ репресій и безпощадныхъ преслѣдованій. И если въ моменты спаданія революціонной волны многіе доходятъ до откровеннаго признанія, что «соціаль-демократіи у насъ вообще нѣтъ», то, наоборотъ въ моменты самаго высокаго подъема нерѣдки были прямо противоположныя гордыя заявленія: «соціаль-демократія у насъ—все! Она ведетъ революцію, подъ ея знаменемъ идетъ главный и даже единственный творецъ этой революціи—пролетаріатъ!»

Сейчасъ, повидимому, мы переживаемъ скорѣе моментъ смиреннаго самоуничиженія, чѣмъ гордой самоувѣренности. Подобно старухѣ въ «сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ,» и мы опять сидимъ у стараго разбитаго корыта «кружковщины», съ тоскою вспоминая минувшіе дни торжества и величія. И снова и снова возникаетъ старый — уже, казалось, отжившій — вопросъ: какъ создать стройную, *массовую рабочую* соціаль-демократическую партію? Этотъ вопросъ отнюдь не былъ столь больнымъ и тяжелымъ вопросомъ въ дни подъема,—въ періодъ октябрь—ноябрь прошлаго года. Тогда вопросы организаціи были вопросомъ второстепеннымъ, ибо слишкомъ стремительно шло развитіе

политической жизни, слишкомъ сильно было кипѣніе въ рабочихъ массахъ, чтобы закрѣплять эту льющуюся лаву въ стойкія формы. Имя соціаль-демократіи и безъ того было для пролетаріата единственнымъ собственнымъ именемъ, онъ подчинялся ея лозунгамъ, ея совѣтамъ, онъ признавалъ ея безусловный авторитетъ. Зачѣмъ было ломать себѣ голову надъ вопросами организаціи, если никакая, самая идеальная организація не можетъ дать лучшихъ результатовъ? Ибо что бо̀льшее можетъ дать организація, чѣмъ это добровольное подчиненіе призыву со стороны сотенъ тысячъ, примѣръ котораго мы видѣли въ Петербургской ноябрской или въ Московской декабрской забастовкахъ? Порывъ, охватывающій массу, сама сила движенія, грандіозный подъемъ политической жизни—являются достаточно могучей организаціонной скрѣпой, которая, если не дѣлаетъ излишними, то отодвигаетъ на второй планъ всякіе спеціальные, нарочито придуманные и лучше приспособленные къ цѣли движенія планы организаціи.

Но послѣ праздника наступили будни. Стотысячная масса, раньше поднимавшаяся по первому зову какого-нибудь совѣта рабочихъ депутатовъ или комитета, выступавшая какъ одна стройная, сплоченная армія,—теперь опять атомизируется, превращается въ политическомъ отношеніи въ людскую пыль. Чудесная нить, бывшая въ рукахъ комитета и, казалось, такъ крѣпко связывавшая его съ пролетарской массой, порвалась, то вліяніе организаціонное, которое было вполнѣ достаточно во дни подъема, потому что масса шла за тѣми, кто становился во главѣ ея для защиты ея интересовъ,—теперь оказывается какъ будто призразрачнымъ, иллюзорнымъ. И чувство пессимизма овладѣваетъ многими, чувство пессимизма, которое подсказываетъ невѣрную оцѣнку роли и значенія россійской соціаль-демократіи въ происходящей революціи.

Въ эти будничные дни,—которые являются вмѣстѣ съ тѣмъ днями военно-полевыхъ судовъ, карательныхъ экспедицій, сѣдлецкихъ и всякихъ другихъ погромовъ

—особенно больно чувствуется отсутствіе массовой организаціи, особенно отчетливо выступаетъ въ сознаніи тѣхъ, кто интересуется и озабоченъ судьбами соціаль-демократіи, тотъ фактъ, что послѣдняя не есть еще массовая рабочая партія, какой она должна быть. Надежды на то, что въ процессѣ самой революціи, въ процессѣ борьбы съ абсолютизмомъ, удастся не только сплотить пролетаріатъ для единовременныхъ массовыхъ революціонныхъ выступленій, но также создать устойчивую массовую пролетарскую партію—пока не оправдались.

Такъ называемыя политическія кампаніи, которыя велись соціаль-демократіей за послѣдніе два года—начиная съ земской 1904 года и кончая министерской 1906 года — будучи построены на вполнѣ и даже единственно вѣрномъ тактическомъ прицицѣ, въ своихъ результатахъ оказались тѣмъ не менѣе мало дѣйствительными. Въ избирательной-же кампаніи, которая представляетъ при данныхъ политическихъ условіяхъ наиболѣе реальную почву, на которой *можетъ* вырости массовая партія вообще и пролетарская въ частности,—мы принимали самое отдаленное участіе.

Наши политическія кампаніи лишь въ томъ случаѣ могутъ оказать широкое и всестороннее вліяніе на массу, если онѣ связаны съ вопросами, самымъ кореннымъ образомъ захватывающими интересы рабочей массы. Не всякій *поводъ* для агитаціи является вмѣстѣ съ тѣмъ достойнымъ предметомъ для проведенія политической кампаніи. Для того, чтобы послѣдняя была чѣмъ то бо́льшимъ, нежели простымъ, безстрастнымъ принятіемъ предложенной сверху резолюціи, для того, чтобы она дѣйствительно за-живо задѣла обширные слои народа, необходимо не только пониманіе и сознаніе громадной серьезности того вопроса, изъ-за котораго сыръ-боръ загорается, но что еще важнѣе, сознаніе того, что сплоченное общественное мнѣніе массы, что ея организованная воля—могутъ и должны сыграть здѣсь вполнѣ опредѣленную и полезную для народныхъ интересовъ роль.

Когда, скажемъ, въ Германскій рейхстагъ внесенъ былъ знаменимый «каторжный» проэктъ, совершенно сводившій на нѣтъ свободу стачекъ, то начатая политическая кампанія удовлетворяла тѣмъ двумъ условіямъ, которыя мы считаемъ кардинальными. Нѣмецкій рабочій классъ en masse почувствовалъ всю серьезность положенія въ случаѣ принятія этого закона, но онъ сознавалъ также, что только самый дружный, массовый отпоръ можетъ оказать здѣсь свое дѣйствіе. *Такая* кампанія безусловно содѣйствуетъ росту, вліянію и сплоченности соціаль-демократической партіи. Если мы съ нею сопоставимъ хотя-бы нашу «министерскую» кампанію въ пользу поддержки министерства изъ думскаго большинства, то мы должны согласиться, что въ данномъ случаѣ не было предпосылокъ для удачнаго проведенія подобной кампаніи, т. е. такого, чтобы широкія массы дѣйствительно сплотились вокругъ этого политическаго лозунга, ставъ подъ знамя соціаль-демократической партіи.

Не было потому, что, во-первыхъ, и самъ вопросъ о парламентскомъ министерствѣ—слишкомъ новый, мало понятный для широкихъ массъ, во-вторыхъ,— нѣтъ и не можетъ еще быть того сознанія, что то или другое отношеніе массы къ этому вопросу сыграетъ роль рѣшающаго фактора въ ту или другую сторону. Интересъ къ Думѣ, думскія пренія и думскія постановленія, конечно, оказывали значительное дѣйствіе на сознаніе массы, но они лишь начали только пролагать путь къ болѣе отчетливому и практическому пониманію политическихъ вопросовъ, данный ими толчекъ послужилъ только началомъ весьма длиннаго и труднаго процесса осознанія массой *своей* политической роли въ каждый данный моментъ политической жизни страны.

Не говоря вообще о всѣхъ условіяхъ, содѣйствующихъ такому осознанію со стороны рабочаго класса своей *особой* политической роли, а, слѣдовательно, приводя-

щихъ къ образованію самостоятельной рабочей партіи, —слѣдуетъ подчеркнуть, что самой основной, абсолютно необходимой объективной предпосылкой для возникновенія такой партіи является наличность парламентаризма. Безъ парламента и парламентской борьбы нѣтъ крупныхъ политическихъ партій вообще и соціаль-демократической въ частности. Это довольно азбучная истина, почти трюизмъ, но тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ о ней лишній разъ напомнить. Если-бы мы чаще ее вспоминали, мы, вѣроятно, избѣгли-бы многихъ безплодныхъ разговоровъ и разсужденій на тему о томъ, какими способами, мѣрами, лозунгами и тактическими шагами создать въ рамкахъ самодержавнаго режима политическую пролетарскую партію, такъ какъ это—задача совершенно непосильная и невыполнимая.

Только на опытѣ конкретной парламентской борьбы рабочій классъ политически воспитывается, т. е. пріобрѣтаетъ отчетливое и ясное представленіе о классовомъ строеніи буржуазнаго общества и той борьбѣ интересовъ, которая постоянно происходитъ внутри его. Государство и государственная власть въ этомъ случаѣ перестаютъ быть таинственными и загадочными сфинксами. Они вполнѣ раскрываютъ свою классовую сущность. Вліяніе на государственную власть, большая или меньшая степень этого вліянія того или другого буржуазнаго класса становятся очевидными, осязаемыми величинами, поддаются точному учету. Прямая, непосредственная цѣль политической партіи состоитъ именно въ томъ, чтобы заставить государственную власть служить интересамъ того класса, который эта партія представляетъ. И соціаль-демократія, ставя своей задачей вліять на государство, направлять его дѣятельность, пересоздать его въ интересахъ рабочаго класса, вызываетъ въ этомъ послѣднемъ стремленіе организоваться подъ ея знаменемъ постольку, поскольку имѣется на лицо реальная точка приложенія ея вліянія —парламентская дѣятельность.

Только парламентъ и связанная съ нимъ возможность

оказывать вліяніе на государство даютъ достаточно сильный стимулъ пролетаріату для постоянной, длительной организаціи, спеціально приспособленной къ этой цѣли, другими словами для созданія пролетарской политической партіи. Тамъ, гдѣ рабочій классъ пришелъ къ сознанію своихъ особыхъ требованій и интересовъ по отношенію къ государству,—а парламентскій режимъ ускоряетъ этотъ моментъ—тамъ онъ образуетъ свою политическую партію. Пути возникновенія ея бываютъ различны, примѣромъ чего служатъ Германія съ одной стороны, Англія—съ другой; также различно ея строеніе. Но всегда, такъ или иначе, она организуется вокругъ дѣятельности парламента и всѣхъ тѣхъ функцій, которыя связаны съ существованіемъ послѣдняго, главнымъ образомъ — избирательной борьбы. Съ теченіемъ времени рядомъ съ общегосударственнымъ парламентомъ выступаютъ также демократическія муниципальныя представительныя учрежденія въ качествѣ фактора, содѣйствующаго массовой организаціи пролетаріата въ политическую партію.

Вотъ причина, почему у насъ нѣтъ соціаль-демократической партіи въ смыслѣ политической организаціи широкихъ пролетарскихъ массъ. Эта причина, конечно, сводится къ той основной причинѣ, къ которой всегда приходится возвращаться—къ самодержавію. Помимо полицейскихъ путъ, которыя оно налагаетъ на всякую попытку общественной самодѣятельности, помимо преслѣдованій за всякое стремленіе объединиться, сорганизоваться—самодержавно-бюрократическій строй государства самъ по себѣ нисколько не располагаетъ людей къ образованію плитическихъ партій, такъ какъ послѣднія вѣдь возникаютъ не въ силу однихъ лишь общественныхъ наклонностей человѣка, но въ силу настоятельной необходимости использовать аппаратъ государственной власти въ интересахъ класса или группы. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ рѣшающую роль играетъ не столько возмож-

ность, сколько сознаніе необходимости дѣйствовать такъ, а не иначе. Рабочій классъ какъ и всякій другой классъ руководствуется побужденіями реальной необходимости и полезности, поэтому онъ создастъ *массовую политическую* организацію только тогда, когда такая организація станетъ насущно необходимымъ орудіемъ въ его классовой борьбѣ,—а это случится послѣ разрушенія самодержавія.

Въ то время какъ политическая организація рабочаго класса—соціальдемократическая партія, до сихъ поръ не нашла твердой почвы въ массахъ, экономическая его организація въ лицѣ профессіональныхъ союзовъ достигаетъ уже весьма солидныхъ размѣровъ, пріобрѣтая настоящій массовой характеръ. Возникши всего 10 мѣсяцевъ тому назадъ, они за этотъ чрезвычайно короткій для общестоеннаго движенія періодъ времени привлекли въ свои ряды не меньше ста тысячъ рабочихъ. Если мы примемъ во вниманіе, что напр. въ Германіи съ 1865 г.,—момента возникновенія перваго профессіональнаго союза табачниковъ — до 1877 г., слѣдовательно за 12 лѣтъ профессіональные союзы успѣли охватить всего 50 тысячъ рабочихъ, то мы должны будемъ признать за нашимъ профессіональнымъ движеніемъ весьма интенсивный ростъ.

Наше молодое профессіональное движеніе, если отнести его начало къ Октябрю—Ноябрю прошлаго года уже пережило два натиска полицейскихъ репрессій: первый—послѣ декабрскихъ событій и второй—послѣ разгона Думы. Но несмотря на все, профессіональные союзы существуютъ и растутъ какъ количественно, такъ и качественно. Изъ всѣхъ свободъ обѣщанныхъ манифестомъ 17-го октября сравнительно наиболѣе полно осуществлены свобода стачекъ и свобода профессіональныхъ союзовъ. Какъ ни плохъ законъ 4-го марта, но все-же рабочіе умѣютъ использовать его въ своихъ интересахъ.

Отчего-же такая полная противоположность между отношеніемъ рабочаго класса къ профессіональному и

политическому движенію? Отчего тѣ, кто работаетъ въ профессіональныхъ союзахъ, радужно взираютъ на будущее, а, напротивъ, лицамъ работающимъ въ «партіи» рисуются довольно мрачныя перспективы?

Намъ кажется, что нельзя искать отвѣта на этотъ вопросъ въ томъ обстоятельствѣ, что союзы существуютъ легально или полулегально, партіи-же приходится обрѣтаться въ подпольи. Это обстоятельство, конечно, играетъ роль, но въ немъ нельзя еще найти объясненія, почему напр. въ «дни свободы», въ октябрѣ и ноябрѣ вся организаціонная энергія русскаго пролетаріата почти стихійно направлялась въ сторону профессіональнаго, а не въ сторону политическаго движенія. Почему даже подпольно существующіе профессіональные союзы обнаруживаютъ неизмѣримо болѣе свой массовой характеръ, нежели организаціи партійныя? Могутъ замѣтить, что политическая организація пролетаріата происходитъ на болѣе высокой ступени его классоваго самосознанія, нежели организація экономическая, что тотъ уровень сознанія, который рабочаго толкаетъ въ профессіональный союзъ далеко не достаточенъ для того, чтобы его побудить ко вступленію въ партію. Нельзя, разумѣется, отрицать наличности болѣе строгаго индивидуальнаго подбора въ партійной организаціи, чѣмъ въ профессіональной, но, съ другой стороны, вѣрно и то, что и наиболѣе сознательные элементы среди пролетаріата бѣгутъ изъ партіи въ профессіональный союзъ.

Все дѣло именно въ томъ, что экономическая борьба, —борьба съ капиталистами за лучшія матеріальныя и моральныя условія найма,—вытекаетъ болѣе непосредственно изъ положенія рабочаго класса въ процессѣ капиталистическаго производства, чѣмъ борьба политическая, т.-е. борьба за вліяніе и власть въ государствѣ. Для того, чтобы въ той или другой постановкѣ школьнаго дѣла или судоустройства усмотрѣть проявленіе классоваго господства буржуазіи—необходимо въ своей головѣ продѣлать болѣе длинный и сложный

мысленный процессъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о прямой хозяйской эксплоатаціи.

Поэтому также самые методы и пріемы классовой борьбы въ сферѣ экономической гораздо проще, доступнѣе, понятнѣе и самопроизвольнѣе, чѣмъ—въ области политической. Тамъ объектъ—хозяинъ-капиталистъ — вполнѣ досягаемый, доступный воздѣйствію; здѣсь—объектомъ является государственная власть, необъятная, неприступная, часто неуловимая. Польза и необходимость организаціи въ первомъ случаѣ ясны до очевидности, такъ какъ она служитъ подспорьемъ въ жизненной, повседневной, постоянно вновь возникающей борьбѣ. Во второмъ-же случаѣ эта польза и необходимость станутъ очевидными лишь тогда, когда государство предстанетъ въ видѣ классовой организаціи, когда оно обнажитъ свою классовую природу— что возможно только при парламентскомъ строѣ.

Если русскіе рабочіе en masse устремились въ тѣ организаціи, которыя при данныхъ объективныхъ политическихъ условіяхъ нашей страны и при данномъ уровнѣ субъективнаго развитія—наиболѣе удовлетворяютъ ихъ классовымъ нуждамъ и потребностямъ, то съ другой стороны, эти-же самыя политическія условія опредѣляютъ характеръ и направленіе профессіональныхъ организацій. Рожденные въ революціонную эпоху, обязанные своимъ возникновеніемъ «захватному праву», сталкиваясь на каждомъ шагу съ полицейскимъ строемъ —наши союзы проникнуты живымъ сознаніемъ важности и неотложности политической свободы и, прежде всего, полной, неограниченной свободы союзовъ, собраній, печати и стачекъ. Эту политическую выучку прошли всѣ рабочіе, вошедшіе въ наши союзы, которые поэтому застрахованы отъ распространенія въ ихъ средѣ узкаго профессіонализма, желающаго оставаться совершенно чуждымъ политики. И не только политическая выучка, пройденная въ школѣ жизни и революціи, но также вся та прошлая агитаціонная и пропагандистская работа, которая совершена русской со-

ціальдемократіей — перелилась какъ оплодотворяющій идеологическій потокъ въ широкое русло нашего профессіональнаго движенія. Поддерживать и развивать то, что создано самой окружающей жизнью и условіями возникновенія профессіональныхъ союзовъ—главнѣйшая задача тѣхъ партійныхъ работниковъ и сознательныхъ рабочихъ соціальдемократовъ, которые посвящаютъ свои организаторскія и агитаторскія силы профессіональному движенію.

Не увлекаясь практически для насъ мало существеннымъ вопросомъ объ отношеніи между партіей и профессіональными союзами, соціальдемократы, являющіеся вѣдь наиболѣе дѣятельными работниками въ большинствѣ нашихъ профессіональныхъ организацій обязаны своей агитаціей и пропагандой содѣйствовать расширенію соціально-политическаго кругозора своихъ товарищей. Эта агитація и пропаганда, конечно, не могутъ и не должны вестись въ другомъ духѣ, чѣмъ въ соціальдемократическомъ. Нейтральность союзовъ по отношенію той или другой партіи ничуть не обязываетъ къ изгнанію изъ ихъ сферы всего того, что не связано тѣснѣйшимъ образомъ съ профессіональными интересами. Нейтральность означаетъ только отсутствіе обязательной организаціонной связи между союзомъ въ цѣломъ или его членами въ отдѣльности, съ одной стороны, и какой-либо политической партіей —съ другой. Она абсолютно не касается той внутренней просвѣтительно-агитаціонной работы, которая въ нихъ ведется.

Этимъ путемъ лучше, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ, воздвигается надежная база для будущей массовой соціаль-демократической партіи. Послѣдняя, какъ мы указали выше, не существуетъ у насъ не потому, что рабочіе не доступны соціалистической пропагандѣ (какъ напр., долгое время было въ Соедин. Штатахъ и Англіи), а потому, что отсутствуютъ тѣ реальныя связи съ государственной жизнью страны, вокругъ и на почвѣ которыхъ только и можетъ организоваться

рабочая политическая партія. Точно также, съ другой стороны, наши пролетаріи организуются въ профессіональные союзы не потому только, что *внѣ* интересовъ своей профессіи и борьбы изъ-за копѣйки они ничего не видятъ, а потому что борьба за лучшія условія жизни есть пока единственная реальная основа для массовой организаціи. Но въ рамкахъ этой организаціи они надѣются также найти удовлетвореніе и другихъ своихъ запросовъ и интересовъ — политическаго и интеллектуальнаго характера. Поэтому, всякое одностороннее учлененіе специфически профессіональной политикой было-бы вреднымъ и противорѣчащимъ реальной дѣйствительности начинаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, такую роскошь односторонности могутъ себѣ еще позволить профессіональные союзы въ тѣхъ странахъ, гдѣ они являются равновеликой съ политической партіей организаціей, гдѣ въ силу принципа раздѣленія труда—партійная организація беретъ на себя кругъ однихъ строго опредѣленныхъ задачъ, а профессіональная организація отмежевала для себя другой кругъ задачъ.

У насъ жизнь пока не создала такого раздѣленія труда, поскольку-же она его создаетъ, то это обстоятельство опять-таки содѣйствуетъ не росту, а, наоборотъ, уменьшенію «массивности» соціаль-демократической партіи. Дѣло въ томъ, что прежде руководство экономической борьбой пролетаріата принадлежало тѣмъ самымъ соціаль-демократическимъ партійнымъ организаціямъ, которыя руководили также его борьбой политической. И мы не ошибемся, если скажемъ, что эти организаціи имѣли болѣе или менѣе массовый характеръ постольку, поскольку они брали на себя задачу именно руководить экономической борьбой. Въ настоящее время, когда во всѣхъ промышленныхъ центрахъ существуетъ цѣлый рядъ профессіональныхъ союзовъ, спеціально приспособленныхъ для руководства экономической борьбой, эта область почти окончательно отрѣзана, такъ сказать, отъ

сферы компетенціи соціаль-демократическихъ организацій; такимъ образомъ, какъ разъ та часть работы, которая наиболѣе сильно связывала эти послѣднія съ массой, отошла отъ нихъ, а оставшаяся чисто политическая часть при нашихъ условіяхъ не можетъ, какъ мы видѣли, сплотить и объединить широкія массы на продолжительное время.

Это положеніе съ особенной очевидностью диктуетъ именно такой образъ дѣйствій, при которомъ въ профессіональномъ союзѣ возстановилось-бы то сочетаніе экономической борьбы и соціально-политической пропаганды, которое существовало раньше и разорвать которое было-бы совершенно неосновательно.

Такъ и только такъ подготовятся широкіе, прошедшіе уже школу организаціи, пролетарскіе кадры, которые и создадутъ массовую рабочую партію къ тому времени, когда будутъ политическія предпосылки для ея существованія.

Самая энергичная дѣятельность въ этомъ направленіи становится наиболѣе важной задачей всѣхъ членовъ того пока малочисленнаго и малопролетарскаго боевого авангарда, который носитъ названіе «Россійская Соціаль-демократическая Рабочая Партія».

З. Ленскій.

Къ вопросу о рабочемъ съѣздѣ.

I.

Историческій моментъ, переживаемый Россіей, сложенъ и серьезенъ. Съ внѣшней стороны это — затишье передъ бурей, это—отливъ взволнованнаго народнаго моря.

Но гдѣ то въ глубинѣ массъ, въ сторонѣ отъ торной дороги, невѣдомыми путями, идетъ глубокій процессъ политическаго самоопредѣленія, накопляется массовая энергія, рекрутируются новые слои борцовъ за освожденіе Россіи. А наверху метанія разбитой демократіи, безплодныя исканія новыхъ путей, отсутствіе широкаго, творческаго дѣла. Массы какъ бы ушли со сцены и на исторической аренѣ безконечные единичные поединки, «партизанскія выступленія», разрозненныя, неоформленныя вспышки.

На россійской с.-д-іи всей своей тяжестью отозвались событія послѣднихъ мѣсяцевъ и отрицательныя стороны переживаемаго безвременья. Все, что было пріобрѣтено за время полулегальнаго ея существованія, разбито и распылено, повидимому, безъ возврата.

Массовыя организаціи пролетаріата—профессіональные союзы и клубы, влачатъ жалкое существованіе. Разбиты и политическія его организаціи. Полное фіаско потерпѣла попытка гальванизировать трупъ С. Р. Д.

То всероссійское объединеніе пролетаріата, которое шло быстрымъ темпомъ въ мѣсяцы существованія Госуд. Думы, за уничтоженіемъ думской с.-д. фракціи, остановилось. Пріостановилась живая политическая работа.

Жизнь ушла въ подполье.

Массы не могутъ улечься въ узкія рамки подпольныхъ, заговорщическихъ организацій.

Мы имѣемъ сейчасъ на лицо временный упадокъ сознательнаго, массоваго политическаго творчества. Но этого мало. Мы видимъ также, что между рабочимъ классомъ и его передовыми элементами снова образовалась глубокая пропасть.

Между первыми и послѣдними нѣтъ живой связи, нѣтъ взаимодѣйствія. Возникаетъ опасность, что путь массоваго рабочаго движенія и политически сознательныхъ его руководителей на долго разойдутся въ разныя стороны. Ибо только тогда получается внутренняя и организаціонная связь между партіей и рабочей массой, когда партія живетъ вмѣстѣ съ последней, руководитъ каждымъ ея дѣйствіемъ, вникаетъ во все, чѣмъ живетъ она, даетъ отвѣты на всѣ становящіеся передъ классомъ вопросы.

При наличности полной дезорганизаціи революціонныхъ силъ, въ атмосферѣ все болѣе развивающейся анархической борьбы, при оторванности отъ массъ, партія легко сбивается на путь авантюризма, партизанскихъ дѣйствій, террористическихъ подвиговъ отдѣльныхъ личностей,—путь, идя по которому она окончательно теряетъ связь съ массой.

Въ октябрьско-декабрьскіе дни лишь начала укрѣпляться и шириться наша связь съ массами; лишь начинало проникать въ глубину рабочихъ массъ живое слово с.-д-тіи.

Впервые въ широкомъ масштабѣ могла развиваться самодѣятельность рабочихъ, складывалось дѣло, къ которому могли приложить руки многіе и многіе не находившіе себѣ до октября работы въ нашихъ рядахъ.

Теперь снова повторяется та же картина бѣгства многихъ и лучшихъ рабочихъ изъ с.-д-скихъ рядовъ, картина распаденія и уменьшенія нашихъ организаціонныхъ ячеекъ, замѣчается убыль интереса къ нашимъ дѣловымъ, агитаціоннымъ и пропагандистскимъ

собраніямъ. Ни по своимъ организаціоннымъ формамъ ни по содержанію своей работы наша партія не можетъ быть сейчасъ тѣмъ массовымъ аппаратомъ, вокругъ котораго слагались бы широкіе слои пролетаріата. Загнанная въ подполье, партія принуждена съуживать размахъ своей дѣятельности, сфера ея вліянія сокращается, ея значеніе падаетъ. А та проповѣдь «новаго метода» будто бы с-.д-ской работы, которая ведется сейчасъ «б-ками», —партизанскія дѣйствія, экспропріацій, боевыя дружины и т. д., грозитъ въ случаѣ успѣха загнать насъ совсѣмъ въ подполье, оторвать окончательно отъ массъ и превратить политическую партію въ способную только на партизанскія дѣйствія боевую дружину.

А между тѣмъ, жизнь не ждетъ. Жизнь настоятельно требуетъ совершенно другого строенія организаціи, которая могла бы стать во главѣ массоваго рабочаго движенія. Жизнь настоятельно требуетъ организаціи всего рабочаго класса Россіи въ единое цѣлое. Это объединеніе, подготовленное всѣмъ соціально-политическимъ развитіемъ Россіи, диктуемое всѣмъ опытомъ предыдущаго развитія рабочаго движенія, можетъ создаться лишь въ процессѣ участія рабочаго класса и всѣхъ его живыхъ силъ въ живой работѣ.

Съ этой точки зрѣнія я и подхожу къ оцѣнкѣ значенія идеи рабочаго съѣзда и всей сложной подготовительной работы къ нему.

II.

Идея рабочаго съѣзда имѣетъ свою судьбу. Въ то время, какъ со стороны сторонниковъ ея мы не имѣемъ почти ни одной строчки въ защиту, противники ея—главнымъ образомъ «товарищи» изъ «б. большинства», вѣрные блюстители партійной невинности и чистоты,—забили уже тревогу и съ необычайнымъ искусствомъ пытаются дискредитировать идею рабочаго съѣзда излюбленными словечками, сомнительными ана-

логіями и рядомъ искусстно подобранныхъ резолюцій различныхъ собраній и т. д.

Уже одинъ шумъ, поднятый «большевиками» (см. «Пролетарій» №№ 3 и 4), ясно свидѣтельствуетъ о жизненномъ значеніи и глубокомъ содержаніи идеи рабочаго съѣзда, ибо всякій разъ, когда тактика рабочаго класса обогащалась новыми методами, новымъ содержаніемъ, «товарищи» начинали вести компанію противъ нихъ путемъ насмѣшекъ, дискредитированія, извращенія и т. д.

Еще послѣ «объединительнаго» съѣзда партіи Аксельродъ на частномъ собраніи группы делегатовъ выдвигалъ *подготовку* рабочаго съѣзда, какъ одну изъ очередныхъ задачъ нашей партіи. Подчеркиваю «подготовку», ибо тов. Аксельродъ вполнѣ согласился съ нѣкоторыми делегатами (въ числѣ ихъ былъ и пишущій эти строки), что центръ тяжести лежитъ не столько въ формальномъ созывѣ съѣзда, сколько въ процессѣ подготовительной организаціонной и агитаціонной работы. Я не знаю, какъ смотритъ теперь т. Аксельродъ. Мнѣ кажется, то съ апрѣля мѣсяца ровно ничего не измѣнилось для того, чтобы отвергнуть работу по подготовкѣ этого съѣзда. Наоборотъ—выше я старался показать, что и объективное положеніе, и несомнѣнная болѣзнь партіи ставятъ на очередь вопросъ о новыхъ методахъ массовой организаціи пролетаріата, какъ класса.

Вопросъ стоитъ такъ: будетъ ли работа по подготовкѣ съѣзда т. е. вся агитація и борьба за него способствовать классовому сплоченію рабочихъ? поможетъ ли она развитію ихъ классоваго сознанія? будетъ ли она толкать впередъ революцію? обостритъ ли она классовую борьбу?

Я заранѣе оговариваюсь, что отнюдь не хочу выдвигать идею рабочаго съѣзда какъ *единственную* задачу нашего движенія. Это было бы пустымъ доктринерствомъ и узостью. Я лишь думаю, что надо

использовать ее въ цѣляхъ организаціи массъ и для этого прежде всего оцѣнить ее по достоинству.

Съѣздъ представителей класса несомнѣнно поставитъ въ свой порядокъ дня всѣ наболѣвшіе вопросы рабочей жизни. Онъ выдвинетъ на очередь вопросы экономическаго, правового и политическаго положенія пролетаріата,—вопросы профессіональнаго и политическаго движенія рабочихъ массъ. Неизбѣжно встаетъ и передъ партіей, — если она захочетъ принять участіе въ подготовкѣ съѣзда, и передъ всѣми, кто будетъ работать надъ его созывомъ, необходимость самой широкой агитаціи въ самыхъ широкихъ массахъ, направленной съ одной стороны къ выясненію смысла и задачъ съѣзда, съ другой къ выясненію всѣхъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Необходимо подготовить прежде всего общественное мнѣніе пролетаріата. И раньше всего надо привлечь къ дѣлу всѣ наличныя силы самихъ рабочихъ, какъ входящихъ въ политическія организаціи, такъ и втянутыхъ въ профессіональные союзы, такъ и стоящихъ сейчасъ внѣ дѣла. Ибо съѣздъ можетъ быть осуществленъ только тогда, когда дѣло его подготовки будетъ находиться въ рукахъ передовыхъ элементовъ самого рабочаго класса. Только при наличности серьезнаго вниманія самихъ рабочихъ къ съѣзду, только при живой работѣ самого пролетаріата надъ подготовкой его — мы можемъ разсчитывать на какой либо успѣхъ.

Заинтересовать слои хотя бы передовыхъ слоевъ рабнчаго класса будетъ тѣмъ легче, что необходимость объединенія чувствуется — м.-б. пока неясно — всѣми; всѣми чувствуется потребность массоваго отстаиванія своихъ экономическихъ правъ, а политическая обстановка толкаетъ пролетаріатъ и на путь массовой же борьбы за политическую свободу. Въ то время какъ партійная работа въ данный моментъ не даетъ живой работы массѣ даже организованныхъ членовъ партіи, подготовка съѣзда потребуетъ на-

пряженія всѣхъ силъ именно самихъ рабочихъ, дастъ имъ живое, практическое дѣло. А эти передовые слои пролетаріата понесутъ по фабрикамъ и заводамъ идею рабочаго съѣзда и вовлекутъ отсталыхъ и колеблющихся въ борьбу за этотъ съѣздъ. Ибо этотъ съѣздъ отвѣчаетъ самымъ насущнымъ потребностямъ пролетаріата, онъ поставитъ на очередь практическіе вопросы его жизни и борьбы и дастъ свои посильные на нихъ отвѣты.

Я сказалъ, что къ этому дѣлу должны быть привлечены всѣ рабочіе. Я не боюсь того, что за идею рабочаго съѣзда ухватились уже «ушаковцы», «гапоновцы», «независимцы», ухватятся к.-д-скіе рабочіе. Практическое чутье, сознаніе необходимости сплоченія—вотъ что двигаетъ ими въ этомъ случаѣ. Пора перестать опекать пролетаріатъ! Искусственное огражденіе его отъ «вредныхъ» элементовъ, тепличное его воспитаніе и унизительны и безполезны. Въ процессѣ подготовки съѣзда нужно уничтожить всякую мелочную конкурренцію, необходимо установить тѣсное соглашеніе съ профессіональными союзами и обществами, съ другими политическими партіями, которыя уже въ силу одной конкурренціи потянуться къ тому же дѣлу. Будетъ борьба различныхъ теченій, организаціонныхъ принциповъ, соціальныхъ программъ.

Надо начать теперь же широкую печатную компанію за съѣздъ. Надо бросить въ массы милліоны экземпляровъ брошюръ, листковъ, газетъ выясняющихъ значеніе съѣзда, ставящихъ передъ массой рядъ живыхъ вопросовъ, интересующихъ ее и которые войдутъ въ порядокъ дня съѣзда.

Тѣмъ больше свяжемъ мы себя съ массой, чѣмъ энергичнѣе и разностороннѣе будетъ наша работа по подготовкѣ съѣзда. Тотъ фактъ, что рабочій съѣздъ заинтересуетъ, несомнѣнно, громадные слои рабочихъ до сихъ поръ бывшихъ внѣ движенія,—подтверждается и тѣмъ интересомъ, съ какимъ рабочіе въ рядѣ мѣстъ отнеслись къ идеѣ, и тѣмъ, что въ сущности

попытки созвать рабочій съѣзъ повторялись уже неоднократно, исходя изъ рядовъ передовыхъ рабочихъ, стоящихъ внѣ партіи.

Напомню, напр., предложеніе о съѣздѣ, исходившее отъ Харьковскаго об-ва взаимопомощи рабочихъ. С. Р. Д. не оставлялъ идеи о рабочемъ съѣздѣ и лишь событія помѣшали ему перейти къ его практическому осуществленію. Проф. союзы живо откликнулись на идею съѣзда и сочувственно дебатируютъ на собраніяхъ. Ясно, значитъ, что, какъ только мы перейдемъ къ практической работѣ, мы сплотимъ сильнѣйшимъ образомъ слои сознательныхъ рабочихъ по всей Россіи, а черезъ нихъ втянемъ въ работу и ихъ товарищей. Всѣ рабочіе центры Россіи, естественно, станутъ своего рода нервными узлами, съ которыми тѣсно свяжется провинція. Имѣющіеся на лицо организаціи пролетаріата возьмутъ на себя задачу сплоченія и скрѣпленіе пролетарскихъ рядовъ вокругъ борьбы за съѣздъ и будутъ подготовлять объединеніе рабочихъ массъ во всероссійскомъ и общепролетарскомъ масштабѣ.

Уже одна эта подготовительная работа внесетъ громадное оживленіе въ рабочій классъ и, несомнѣнно, отзовется на настроеніи всей рабочей массы.

Создастся извѣстный фокусъ пролетарскаго вниманія, вокругъ котораго естесственно будутъ группироваться рабочіе всей Россіи; создастся извѣстное живое дѣло, доступное, важное всему рабочему классу. Но это еще не все. Несомнѣнно, въ процессѣ подготовки съѣзда всѣ тѣ теченія, которыя сейчасъ только намѣчаются въ пролетаріатѣ, оформятся, пріобрѣтутъ болѣе отчетливую и рѣзкую формулировку, передъ массой въ видѣ сложившихся болѣе или менѣе программъ. Они пріобрѣтутъ свою аудиторію, скрѣпятъ и свяжутъ своихъ сторонниковъ. Эта борьба мнѣній и партій, складывающихся въ процессѣ борьбы за съѣздъ, поведетъ неизбѣжно къ повышенію интереса въ массахъ къ всевозможнымъ вопросамъ ихъ

политическаго и экономическаго положенія, привлечетъ до сихъ поръ незатронутыхъ никакой пропагандой къ обсужденію своихъ задачъ, усилитъ общее броженіе и, понятно, будетъ въ интересахъ дальнѣйшаго развитія революціоннаго движенія. На съѣздѣ будутъ представлены тогда всѣ имѣющіяся въ массахъ направленія, всѣ слои рабочихъ съ ихъ пониманіемъ своихъ собственныхъ задачъ и цѣлей.

Я не буду рисовать здѣсь конкретно всей картины борьбы за съѣздъ, всего того организованнаго объединенія, которое, неизбѣжно, будетъ возникать по мѣрѣ расширенія сферы агитаціи за съѣздъ и усиленія борьбы за него. Укажу на другія стороны значенія подготовки съѣзда.

Уже въ подготовительной стадіи рабочимъ придется натолкнуться на рядъ препятствій, возводимыхъ и правительствомъ, и торгово-промышленной буржуазіей. Мы уже имѣемъ сложившуюся въ союзъ заводчиковъ и фабрикантовъ группу верхнихъ слоевъ крупной буржуазіи, рѣзко враждебную пролетаріату и задающую тонъ политикѣ всей буржуазіи.

Неизбѣжно, первые шаги по подготовкѣ съѣзда, первые митинги и собранія въ связи съ рабочимъ съѣздомъ вызовутъ сильнѣйшую реакцію съ ея стороны. Объединеніе рабочаго класса поведетъ за собой усиленную борьбу по всей линіи именно потому, что дѣло рабочаго съѣзда—сплотить и втянуть въ борьбу сѣрыя массы, наиболѣе покорныя и эксплуатируемыя. Поскольку борьба за съѣздъ заброситъ въ головы отсталыхъ слоевъ пролетаріата искры классоваго объединенія, постольку же она заброситъ и искры классовой борьбы, которыя будутъ усиленно разжигаться сопротивленіемъ и борьбой буржуазіи.

Съ другой стороны, всѣ тѣ слои русскаго общества, которые наиболѣе тѣсно связаны съ пролетаріатомъ, для которыхъ онъ былъ вождемъ въ дни массовой стачки, или демонстраціи, или возстанія,—всѣ слои мелкой бѣдноты города неизбѣжно будутъ задѣты

агитаціей по поводу съѣзда. Сами рабочіе разнесутъ эту идею самоопредѣленія и самоорганизаціи, стремясь обезпечить себѣ помощь и содѣйствіе со стороны мелкой буржуазіи, втягивая и ее въ процессъ организаціи своихъ силъ. Уже не разъ методы борьбы, присущіе какъ будто бы одному пролетаріату, становились достояніемъ широкихъ слоевъ народа, а борьба рабочаго класса толкала на борьбу болѣе пассивные слои народа.

Борьба за съѣздъ вызоветъ и обостреніе борьбы съ правительствомъ. Ибо не исчезнутъ еще скоро всѣ рогатки, поставленныя на пути рабочаго освобожденія. Пусть даже единственной цѣлью съѣзда рабочіе ставятъ экономическія улучшенія, силою вещей они придутъ къ политической борьбѣ, какъ это было сотни разъ. Въ ежедневныхъ столкновеніяхъ по всякому поводу съ правительствомъ, стоящимъ поперекъ пути въ борьбѣ рабочихъ за свое положеніе, имѣя на лицо несомнѣнный фактъ поддержки имъ буржуазныхъ плановъ, масса быстро революціонизируется и проникается сознаніемъ необходимости активной борьбы и активнаго участія въ управленіи страной.

Для меня несомнѣнно, послѣ всего сказаннаго, что вся работа по подготовкѣ съѣзда сплотить рабочую массу во-едино, свяжетъ ее тысячами нитей и прежде всего единствомъ цѣли и живой работой. Она дастъ колоссальный толчокъ развитію самодѣятельности рабочихъ массъ и она же поможетъ росту ихъ сознательности. Поскольку же подготовка съѣзда втянетъ массу въ борьбу за его осуществленіе съ самодержавіемъ и буржуазіей, постольку это обостритъ революціонно-классовую борьбу нашихъ дней. И процессъ борьбы за съѣздъ будетъ одной изъ исходныхъ точекъ дальнѣйшаго подъема революціоннаго движенія.

III.

Какую же позицію должна занять с.-д-тія по отношенію къ съѣзду? Изъ всего сказаннаго ясно слѣ

дуетъ, что съ моей моей точки зрѣнія партія должна со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ идеѣ рабочаго съѣзда. Преступно поступаетъ тотъ, кто отмахивается, какъ это дѣлаетъ «Пролетарій» въ №№ 3 и 4, отъ серьезнаго обсужденія сложнаго вопроса о рабочемъ съѣздѣ. Вмѣсто строгаго анализа, смысла и знанія рабочаго съѣзда, для пролетаріата и для партіи, газетка пытается увильнуть отъ прямого отвѣта. Опять выплыли на свѣтъ божій и почтенной старости остроты насчетъ «меланхоліи» и «хныканія» меньшевиковъ, аналогіи съ ушаковщиной и т. д. О! повидимому, въ рядахъ почтенныхъ „товарищей" изъ „большинства" все обстоитъ благополучно! „Боевыя дружины" наготовѣ, рабочія колонны идутъ за ними по распоряженіямъ изъ Питера, никакихъ задачъ и затрудненій въ ихъ работѣ не встрѣчается. Давай имъ богъ: но все таки нехорошо весь споръ о рабочемъ съѣздѣ замѣнить сведеніемъ фракціонныхъ счетовъ. Въ своемъ стремленіи нарисовать насъ непременно уродами да еще рыжими, публицисты „большинства" буквально ни словомъ не обмолвились о сути въ *двухъ №№ газеты*.

Я меньше всего хочу выбросить за бортъ нашу партію, какъ ненужную ветошь. Отнюдь нѣтъ: партійныя организаціи, какъ аккумуляторы революціонной энергіи верхнихъ слоевъ пролетаріата, какъ опорные пункты для дальнѣйшаго движенія впередъ,— очень и очень пригодятся. Но нельзя же топтаться на мѣстѣ задыхаясь въ узкихъ рамкахъ районныхъ и заводскихъ собраній. Нужно стремиться использовать всякое движеніе, расширяющее рамки нашей организаціи, способствующее объединенію широкихъ слоевъ пролетаріата, Долой партійное лицемѣріе! Будемъ учитывать наши недостатки и стремиться къ ихъ измѣненію.

Партія должна принять самое горячее участіе въ подготовкѣ и борьбѣ за съѣздъ, войдя въ самое тѣсное единеніе для этого съ профессіональными союзами.

Уже теперь со всѣхъ концовъ Россіи идутъ свѣдѣнія о стремленіи профессіональныхъ союзовъ расширить рамки своихъ организацій, сдѣлать ихъ оплотомъ массового объединенія. Уже поднимались разговоры о профессіональныхъ организаціяхъ по районамъ, уже были проф. всероссійскія конференціи, уже рядъ рабочихъ различныхъ профессій поднималъ вопросъ о съѣздѣ рабочихъ всей Россіи (данной профессіи; напр., строит. раб., горнопромышленные и т. д.). На ряду съ самой интенсивной работой по организаціи проф. союзовъ и ихъ болѣе широкаго объедниненія, необходимо использовать и идею всероссійскаго рабочаго съѣзда, ибо всѣ указанныя выше стремленія лишь дѣлаютъ эту идею болѣе реальной и осуществимой и тѣмъ болѣе, что эта борьба пойдетъ по тому же направленію.

Если мы будемъ угощать рабочихъ такими статьями, какъ въ «Пролетаріи», или такими резолюціями, какія приняла 2-я конференція центральнаго района,— отъ насъ, несомнѣнно, уйдетъ все, что есть живого въ пролетаріатѣ. Взявъ на себя трудъ по подготовкѣ рабочаго съѣзда, партія неизбѣжно станетъ въ центрѣ вниманія рабочихъ массъ. Ея агитаторы, пропагандисты и организаторы, ея литературныя силы будутъ использованы въ самихъ широкихъ размѣрахъ. Они пойдутъ къ массамъ, давая свои отвѣты на выдвигаемые рабочимъ классомъ вопросы, стремясь къ сплоченію передовыхъ элементовъ пролетатіата для дальнѣйшей борьбы за съѣздъ. Опытъ прошлаго говоритъ, что фіаско мы тутъ не потерпимъ! Всегда, когда с.-д-тія сливалась съ массой, жила ея интересами и, организуя ее, поднимала ее въ процессѣ борьбы до яснаго и отчетливаго пониманія своихъ классовыхъ интересовъ, — она становилась во главѣ движенія.

Непосредственной цѣлью с.-д-іи является организація самыхъ широкихъ слоевъ пролетаріата и сплоченіе ихъ подъ своимъ знаменемъ. Но этого не можетъ быть,

если мы съ высоты своего величія будемъ презрительно махать рукой на массовые запросы. Нужно умѣть использовать всѣ силы, раскрыть дорогу живымъ пролетарскимъ элементамъ, способствуя развитію ихъ самодѣятельности.

Хотимъ ли мы того или не хотимъ работа по подготовкѣ съѣзда уже началась. Обсужденіе вопроса идетъ. Если бы мы вели агитацію противъ съѣзда мы были бы отброшены всѣмъ историческимъ развитіемъ отъ массы; если мы останемся въ сторонѣ отъ этой борьбы за съѣздъ, мы надолго потеряемъ симпатіи и вліяніе въ массѣ. Уже теперь о нашемъ безконтрольномъ и безраздѣльномъ «хозяйничаньи въ пролетаріатѣ» не можетъ быть и рѣчи: тогда мы очутимся уже совершенно не у дѣлъ. Естественно, что, при бойкотѣ нами организаціи рабочаго съѣзда, во главѣ движенія станутъ элементы нейтральные или прямо враждебные с.-д-іи. И вотъ тогда-то будутъ неизбѣжно преобладать тѣ самые «ушаковцы» и пр., отъ которыхъ «Пролетарій» думаетъ застраховать рабочій классъ крѣпкими словами. Лучшій выходъ и наиболѣе вѣроятный, что центромъ борьбы за съѣздъ станутъ профессіональные съѣзды, эти наиболѣе сильныя и авторитетныя сейчасъ въ глазахъ рабочихъ организаціи пролетаріата. И это будетъ и самый желательный исходъ, ибо с.-д-ія, занимающаяся разными побрякушками, вродѣ «боевыхъ дружинъ» и «партизанскихъ актовъ»,—не имѣетъ ни права на довѣріе массъ, ни возможности его получить.

На съѣздѣ будутъ представлены различныя теченія. «На рабочемъ съѣздѣ будутъ засѣдать рядомъ рабочіе с.-д-ы съ рабочими с.-р-ами, рабочими-кадетами, рабочими-анархистами, рабочими-ушаковцами и т. д...» ужасается «Пролетарій». «Ахъ, отецъ, не говори такихъ словъ». Вы только подумайте: «с.-д-ы будутъ сидѣть *рядомъ* съ к-д-ми!» Однако, это не такъ еще страшно. Въ борьбѣ съ различными теченіями с.-д-ія блестяще отточитъ свое идейное оружіе, вскроетъ, если сможетъ, ихъ недостаточность, противорѣчія, она предложитъ

пролетаріату свое пониманіе его задачъ и свою программу дѣйствій.

IV.

Я остановлюсь въ заключеніе еще на двухъ-трехъ пунктахъ. Я отнюдь не жду полнаго излеченія с.-д-іи отъ рабочаго съѣзда. Я думаю, что борьба за съѣздъ расширитъ операціонную базу для с.-д-іи, выдвинетъ для нея новыя силы, отодвинетъ на второй планъ второстепенныя задачи дня и выдвинетъ на первый сложные запросы массъ. Подготовка съѣзда потребуетъ всѣхъ нашихъ силъ, оживитъ всю нашу работу.

Я не буду загадывать впередъ и говорить теперь о конкретныхъ формахъ съѣзда, о его результатахъ и т. д. Не надо забывать, что съѣздъ можетъ быть только легальнымъ, не надо забывать, что условія, поставленныя намъ моментомъ, затруднятъ сильнѣйшимъ образомъ работу. Вотъ почему еще рано дѣлить шкуру медвѣдя.

Но въ отвѣтъ на раздающіяся изъ лагеря „меньшевиковъ“ опасенія, что съѣздъ создастъ синдикализмъ, профессіонализмъ и проч., я лишь замѣчу, что у насъ слишкомъ еще мало на лицо условій развитія этихъ теченій. Рабочій классъ всѣмъ стихійнымъ процессомъ развитія русскаго общества идетъ по направленію, указанному с.-д-іей, а въ атмосферѣ революціонной борьбы повышается и революціонность массъ, и активность ихъ въ отстаиваніи своихъ интересовъ; обостряется и классовая противоположность. Сумѣйте сплотить передовые слои пролетаріата на живой, практической работѣ, отводите побольше вниманія дѣйствительнымъ нуждамъ и запросамъ рабочаго класса—и вы увидите, какъ быстро втянутся въ революціонно-классовую борьбу такъ назыв. сѣряки и даже столь ненавистные „Пролетарію“ ушаковцы.

Пусть „товарищи“ изъ центральнаго района дрожатъ за „сбиваемую съ толку несознательную массу“. Я лично болѣе вѣрю въ классовой инстинкъ пролетаріата и

въ стихійную борьбу классовыхъ силъ, неизбѣжно ведущихъ пролетаріатъ на вѣрный путь.

«Но что будетъ съ нашей программой и съ нашей тактикой, завѣдомо ортодоксальными? Вѣдь съѣздъ ихъ отвергнетъ». Съѣздъ еще проблемма. Но кто еще думаетъ, что мы уже теперь сможемъ удержать подъ нашей идейной гегемоніей пролетаріатъ, тотъ либо наивенъ, либо морочитъ другихъ. Еще долгимъ процессомъ общественнаго развитія и борьбы различныхъ идеологій придемъ мы къ руководству массами и сплотимъ ихъ подъ своимъ знаменемъ. Но я буду очень радъ, если съѣздъ отброситъ ту авантюристко-бланкистскую тактику (да проститъ мнѣ великій Бланки), которая выдается теперь за единственно с.-д-скую тактику на страницахъ „Пролетарія". Это будетъ побѣда рабочаго движенія надъ подпольной, заговорщической тактикой интеллигентной революціонной демократіи.

Намъ нужно въ процессѣ борьбы за съѣздъ и на самомъ съѣздѣ укрѣплять свое вліяніе.

Но если въ результатѣ всей этой работы по организаціи съѣзда мы будетъ имѣть громадную, всероссійскую организацію пролетаріата, гдѣ с.-д-ія будетъ играть одну изъ главныхъ ролей, то это будетъ колоссальная побѣда революціи и лучшее ея завоеваніе.

В. Мировъ.

